

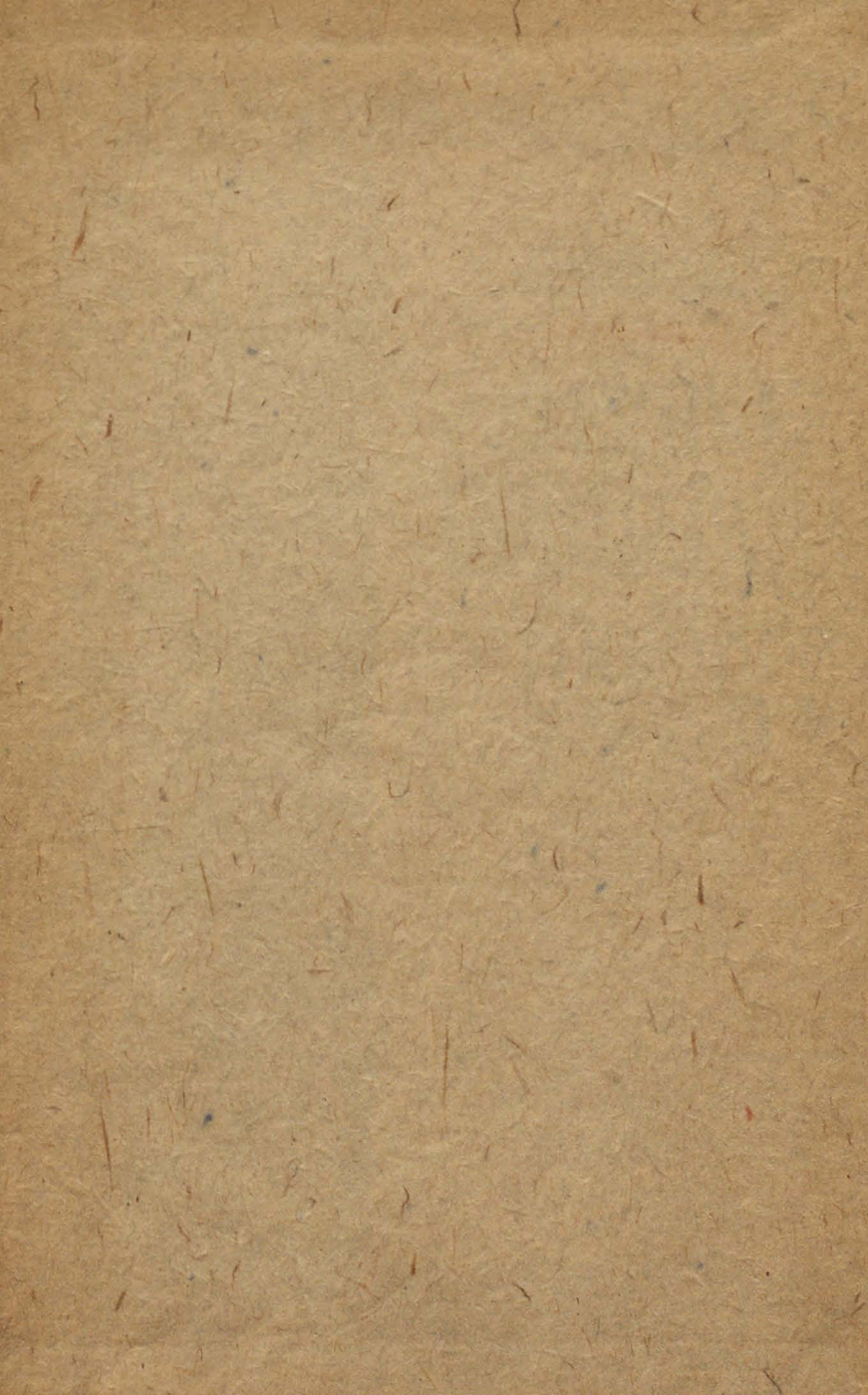
Г. ЛАВРЕНКО

ТЕМАТИКА ПРОПАГ.

В
МИРОВ. ВОЙНЕ

R $\frac{79}{792}$

A 79
792

БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАННОЙ
ВОЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

079
1792
ГАРОЛЬД ЛАСВЕЛЬ

**ТЕХНИКА
ПРОПАГАНДЫ
В
МИРОВОЙ
ВОЙНЕ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1929

6/11/18

7/1/18

HAROLD D. LASSWELL

ASSISTANT PROFESSOR OF POLITICAL SCIENCE THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PROPAGANDA TECHNIQUE IN THE WORLD WAR

LONDON. KEGAN PAUL, TRENCH, TRUBNER & Co, LTD
NEW YORK: ALFRED A. KNOPF

1927

БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

79
799
ГАРОЛЬД ЛАСВЕЛЬ

ТЕХНИКА ПРОПАГАНДЫ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

813/117349
СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОД
С АНГЛИЙСКОГО
В ОБРАБОТКЕ
Н. М. ПОТАПОВА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. ГУСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

2015147884

В, 30. Гиз № 30945
Ленинградский Областлит № 31178
12¹/₂ л. Тираж 3000

ПРЕДИСЛОВИЕ

КНИГА Ласвеля заслуживает пристальнейшего внимания. В арсенале советского журналиста, агитатора пропагандиста она займет видное место. Почему так — позвольте сперва рассказать «чужими» словами — Бриана и главным образом самого же Ласвеля. Выдержки из его книги, ниже идущие, подобраны с таким расчетом, чтобы все основные идеи и положения обозначились резко и выпукло, не нуждаясь в комментариях. Марксистские комментарии к американско-буржуазному циничному апофеозу лжи и неслыханного обмана не потребуют большого труда, после того как будут усвоены ласвелевские принципы.

Курсив в цитатах везде, где не оговорено, наш. Все слова и фразы в скобках — также наши; они введены для связи последующего отрывка с предыдущим.

1. а) Задача ставится так: даны функции $y = f(x)$ и $y = g(x)$, заданные на отрезке $[a, b]$. Требуется найти $\int_a^b f(x)g(x)dx$.
 б) Пусть $f(x) = x^2$, $g(x) = x$. Тогда $\int_0^1 x^2 \cdot x dx = \int_0^1 x^3 dx = \frac{1}{4}x^4 \Big|_0^1 = \frac{1}{4}$.
 в) Пусть $f(x) = \sin x$, $g(x) = \cos x$. Тогда $\int_0^{\pi/2} \sin x \cos x dx = \frac{1}{2} \int_0^{\pi/2} \sin 2x dx = -\frac{1}{4} \cos 2x \Big|_0^{\pi/2} = -\frac{1}{4}(\cos \pi - \cos 0) = -\frac{1}{4}(-1 - 1) = \frac{1}{2}$.
 г) Пусть $f(x) = e^x$, $g(x) = e^{-x}$. Тогда $\int_0^1 e^x e^{-x} dx = \int_0^1 1 dx = x \Big|_0^1 = 1$.
 д) Пусть $f(x) = x^2$, $g(x) = x^2$. Тогда $\int_0^1 x^2 \cdot x^2 dx = \int_0^1 x^4 dx = \frac{1}{5}x^5 \Big|_0^1 = \frac{1}{5}$.
 е) Пусть $f(x) = \ln x$, $g(x) = x$. Тогда $\int_1^e \ln x \cdot x dx = \frac{1}{2} \int_1^e \ln x^2 \cdot x dx = \frac{1}{2} \int_1^e \ln t^2 \cdot \frac{1}{2} t^{\frac{1}{2}} dt = \frac{1}{4} \int_1^e \ln t^2 \cdot t^{\frac{1}{2}} dt$.
 ж) Пусть $f(x) = \sin x$, $g(x) = \sin x$. Тогда $\int_0^{\pi} \sin x \sin x dx = \int_0^{\pi} \sin^2 x dx = \int_0^{\pi} \frac{1 - \cos 2x}{2} dx = \frac{1}{2} \left(x - \frac{1}{2} \sin 2x \right) \Big|_0^{\pi} = \frac{1}{2} \pi$.
 з) Пусть $f(x) = e^x$, $g(x) = e^x$. Тогда $\int_0^1 e^x e^x dx = \int_0^1 e^{2x} dx = \frac{1}{2} e^{2x} \Big|_0^1 = \frac{1}{2}(e^2 - 1)$.
 и) Пусть $f(x) = x^2$, $g(x) = x^3$. Тогда $\int_0^1 x^2 \cdot x^3 dx = \int_0^1 x^5 dx = \frac{1}{6}x^6 \Big|_0^1 = \frac{1}{6}$.
 к) Пусть $f(x) = \cos x$, $g(x) = \sin x$. Тогда $\int_0^{\pi/2} \cos x \sin x dx = \frac{1}{2} \int_0^{\pi/2} \sin 2x dx = -\frac{1}{4} \cos 2x \Big|_0^{\pi/2} = -\frac{1}{4}(\cos \pi - \cos 0) = -\frac{1}{4}(-1 - 1) = \frac{1}{2}$.
 л) Пусть $f(x) = x^2$, $g(x) = x^4$. Тогда $\int_0^1 x^2 \cdot x^4 dx = \int_0^1 x^6 dx = \frac{1}{7}x^7 \Big|_0^1 = \frac{1}{7}$.
 м) Пусть $f(x) = \ln x$, $g(x) = \ln x$. Тогда $\int_1^e \ln x \cdot \ln x dx = \int_1^e (\ln x)^2 dx = \frac{1}{3} (\ln x)^3 \Big|_1^e = \frac{1}{3}(1 - 0) = \frac{1}{3}$.
 н) Пусть $f(x) = \sin x$, $g(x) = \cos x$. Тогда $\int_0^{\pi/2} \sin x \cos x dx = \frac{1}{2} \int_0^{\pi/2} \sin 2x dx = -\frac{1}{4} \cos 2x \Big|_0^{\pi/2} = -\frac{1}{4}(\cos \pi - \cos 0) = -\frac{1}{4}(-1 - 1) = \frac{1}{2}$.
 о) Пусть $f(x) = e^x$, $g(x) = e^{-x}$. Тогда $\int_0^1 e^x e^{-x} dx = \int_0^1 1 dx = x \Big|_0^1 = 1$.
 п) Пусть $f(x) = x^2$, $g(x) = x^2$. Тогда $\int_0^1 x^2 \cdot x^2 dx = \int_0^1 x^4 dx = \frac{1}{5}x^5 \Big|_0^1 = \frac{1}{5}$.
 р) Пусть $f(x) = \ln x$, $g(x) = x$. Тогда $\int_1^e \ln x \cdot x dx = \frac{1}{2} \int_1^e \ln x^2 \cdot x dx = \frac{1}{2} \int_1^e \ln t^2 \cdot \frac{1}{2} t^{\frac{1}{2}} dt = \frac{1}{4} \int_1^e \ln t^2 \cdot t^{\frac{1}{2}} dt$.
 с) Пусть $f(x) = \sin x$, $g(x) = \sin x$. Тогда $\int_0^{\pi} \sin x \sin x dx = \int_0^{\pi} \sin^2 x dx = \int_0^{\pi} \frac{1 - \cos 2x}{2} dx = \frac{1}{2} \left(x - \frac{1}{2} \sin 2x \right) \Big|_0^{\pi} = \frac{1}{2} \pi$.
 т) Пусть $f(x) = e^x$, $g(x) = e^x$. Тогда $\int_0^1 e^x e^x dx = \int_0^1 e^{2x} dx = \frac{1}{2} e^{2x} \Big|_0^1 = \frac{1}{2}(e^2 - 1)$.
 у) Пусть $f(x) = x^2$, $g(x) = x^3$. Тогда $\int_0^1 x^2 \cdot x^3 dx = \int_0^1 x^5 dx = \frac{1}{6}x^6 \Big|_0^1 = \frac{1}{6}$.
 ф) Пусть $f(x) = \cos x$, $g(x) = \sin x$. Тогда $\int_0^{\pi/2} \cos x \sin x dx = \frac{1}{2} \int_0^{\pi/2} \sin 2x dx = -\frac{1}{4} \cos 2x \Big|_0^{\pi/2} = -\frac{1}{4}(\cos \pi - \cos 0) = -\frac{1}{4}(-1 - 1) = \frac{1}{2}$.
 х) Пусть $f(x) = x^2$, $g(x) = x^4$. Тогда $\int_0^1 x^2 \cdot x^4 dx = \int_0^1 x^6 dx = \frac{1}{7}x^7 \Big|_0^1 = \frac{1}{7}$.
 ц) Пусть $f(x) = \ln x$, $g(x) = \ln x$. Тогда $\int_1^e \ln x \cdot \ln x dx = \int_1^e (\ln x)^2 dx = \frac{1}{3} (\ln x)^3 \Big|_1^e = \frac{1}{3}(1 - 0) = \frac{1}{3}$.
 ч) Пусть $f(x) = \sin x$, $g(x) = \cos x$. Тогда $\int_0^{\pi/2} \sin x \cos x dx = \frac{1}{2} \int_0^{\pi/2} \sin 2x dx = -\frac{1}{4} \cos 2x \Big|_0^{\pi/2} = -\frac{1}{4}(\cos \pi - \cos 0) = -\frac{1}{4}(-1 - 1) = \frac{1}{2}$.
 ш) Пусть $f(x) = e^x$, $g(x) = e^{-x}$. Тогда $\int_0^1 e^x e^{-x} dx = \int_0^1 1 dx = x \Big|_0^1 = 1$.
 щ) Пусть $f(x) = x^2$, $g(x) = x^2$. Тогда $\int_0^1 x^2 \cdot x^2 dx = \int_0^1 x^4 dx = \frac{1}{5}x^5 \Big|_0^1 = \frac{1}{5}$.
 э) Пусть $f(x) = \ln x$, $g(x) = x$. Тогда $\int_1^e \ln x \cdot x dx = \frac{1}{2} \int_1^e \ln x^2 \cdot x dx = \frac{1}{2} \int_1^e \ln t^2 \cdot \frac{1}{2} t^{\frac{1}{2}} dt = \frac{1}{4} \int_1^e \ln t^2 \cdot t^{\frac{1}{2}} dt$.
 ю) Пусть $f(x) = \sin x$, $g(x) = \sin x$. Тогда $\int_0^{\pi} \sin x \sin x dx = \int_0^{\pi} \sin^2 x dx = \int_0^{\pi} \frac{1 - \cos 2x}{2} dx = \frac{1}{2} \left(x - \frac{1}{2} \sin 2x \right) \Big|_0^{\pi} = \frac{1}{2} \pi$.
 я) Пусть $f(x) = e^x$, $g(x) = e^x$. Тогда $\int_0^1 e^x e^x dx = \int_0^1 e^{2x} dx = \frac{1}{2} e^{2x} \Big|_0^1 = \frac{1}{2}(e^2 - 1)$.
 2. а) Пусть $f(x) = x^2$, $g(x) = x^3$. Тогда $\int_0^1 x^2 \cdot x^3 dx = \int_0^1 x^5 dx = \frac{1}{6}x^6 \Big|_0^1 = \frac{1}{6}$.
 б) Пусть $f(x) = \ln x$, $g(x) = \ln x$. Тогда $\int_1^e \ln x \cdot \ln x dx = \int_1^e (\ln x)^2 dx = \frac{1}{3} (\ln x)^3 \Big|_1^e = \frac{1}{3}(1 - 0) = \frac{1}{3}$.
 в) Пусть $f(x) = \sin x$, $g(x) = \sin x$. Тогда $\int_0^{\pi} \sin x \sin x dx = \int_0^{\pi} \sin^2 x dx = \int_0^{\pi} \frac{1 - \cos 2x}{2} dx = \frac{1}{2} \left(x - \frac{1}{2} \sin 2x \right) \Big|_0^{\pi} = \frac{1}{2} \pi$.
 г) Пусть $f(x) = e^x$, $g(x) = e^x$. Тогда $\int_0^1 e^x e^x dx = \int_0^1 e^{2x} dx = \frac{1}{2} e^{2x} \Big|_0^1 = \frac{1}{2}(e^2 - 1)$.
 д) Пусть $f(x) = x^2$, $g(x) = x^2$. Тогда $\int_0^1 x^2 \cdot x^2 dx = \int_0^1 x^4 dx = \frac{1}{5}x^5 \Big|_0^1 = \frac{1}{5}$.
 е) Пусть $f(x) = \ln x$, $g(x) = x$. Тогда $\int_1^e \ln x \cdot x dx = \frac{1}{2} \int_1^e \ln x^2 \cdot x dx = \frac{1}{2} \int_1^e \ln t^2 \cdot \frac{1}{2} t^{\frac{1}{2}} dt = \frac{1}{4} \int_1^e \ln t^2 \cdot t^{\frac{1}{2}} dt$.
 ж) Пусть $f(x) = \sin x$, $g(x) = \cos x$. Тогда $\int_0^{\pi/2} \sin x \cos x dx = \frac{1}{2} \int_0^{\pi/2} \sin 2x dx = -\frac{1}{4} \cos 2x \Big|_0^{\pi/2} = -\frac{1}{4}(\cos \pi - \cos 0) = -\frac{1}{4}(-1 - 1) = \frac{1}{2}$.
 з) Пусть $f(x) = e^x$, $g(x) = e^{-x}$. Тогда $\int_0^1 e^x e^{-x} dx = \int_0^1 1 dx = x \Big|_0^1 = 1$.
 и) Пусть $f(x) = x^2$, $g(x) = x^3$. Тогда $\int_0^1 x^2 \cdot x^3 dx = \int_0^1 x^5 dx = \frac{1}{6}x^6 \Big|_0^1 = \frac{1}{6}$.
 к) Пусть $f(x) = \cos x</$

б) «Психологическое противодействие войне со стороны современных народов так велико, что каждая война должна быть представлена в их глаза *обороной* против угрожающего жестокого зачинщика. Причиной войны не должны выставляться ни мировая система управления международными делами, ни тупость и недоброжелательство правящих классов, но исключительно хищнические инстинкты

неприятеля. Преступность и простодушие должны быть разграничены географически, причем вся преступность должна находиться по ту сторону границы.

Международные организации еще так слабы, что можно было бы провести еще одну войну под предлогом укрепления их. Если бы Лига наций заклеила позором какую-нибудь группу народностей, то нет сомнения, что эта группа сделалась бы мишенью для очень опасной идеалистической (!?) пропаганды.

Доказательства того, что данная страна враждебна нам, могут быть установлены тремя путями (она вооружается всегда первой, ведет себя вызывающе, старается выставить зачинщиком наше правительство)).

(Ласвель, настоящая книга.)

в) «Лига наций — единственное средство против войны. Без Лиги наций не было бы и пакта Келлога. Неправда, что со времени основания Лиги вооружения возросли. *Есть страна, не входящая в Лигу, в которой вооружения растут как в отношении численности армии, так и в отношении военных материалов.* Эта страна готова сделать театральный жест безоговорочного и абсолютного разоружения других стран. Подписав пакт Келлога, эта страна отказалась от войны. Но есть еще неосужденная война, которая представляется священной этому народу, считающему себя носителем международной правды, которую он стремится везде насильно насаждать. Лига наций стремится обеспечить не только международный, но и социальный мир».

(Бриан, речь на сентябрьской сессии Лиги наций 1928 г.)

II. ¹ (Общий тактический вопрос об отношении пропаганды к правде.)

«Власть над мнением, — так же как над жизнью и имуществом, — перешла в официальные руки, ибо та опасность, которая грозила в результате свободы мнений, была больше той, которая могла получиться от искажения этих мнений.

Пропанганда — это уступка способности современного мира рассуждать. Гораздо более может быть выиграно обольщением и обманом, чем принуждением.

¹ Дальше — и до конца раздела 1-го — цитаты из Ласвеля.

Нынешняя пропаганда, в чем бы ее ни рассматривать, таит в себе много обмана. Относительно правдивости сообщаемых пропагандой известий можно повидимому сказать, что всегда неразумно бывает прибегать к пользованию таким материалом, который легко может быть опровергнут. Пропаганда должна избегать противоречий в одном и том же контексте, обращенном к одной и той же группе или даже к нескольким группам, но тесно между собой соприкасающимся.

Та легкость, с которой горячие и искусные люди могут придавать при спорах фактам ту или иную окраску, не оставляет сомнения в том, что *в будущем пропагандист всегда может рассчитывать на целый батальон честных профессоров, которые перепишут историю заново* так, что она сможет служить требованиям момента и будет снабжать его подходящим материалом для разброски по всем направлениям.

Нет никакой опасности в смешении элементов невежественного с рассуждающим.

Публику нельзя убедить логикой, но можно убедить сказками.

III. Правительства Западной Европы никогда не могут быть уверены, что сознающий свои классовые интересы пролетариат страны откликнется на их призыв к войне... Может случиться, что подымет свою голову социальная революция. К ненадежности пролетарских чувств должны быть присоединены капризы примиренческих настроений.

(Поэтому:)

Война должна быть истолкована им (отдельным социальным, профессиональным, религиозным и т. п. группам населения) как что-то такое, в чем они заинтересованы не только как члены общей группы. А война должна вестись ради защиты *их* занятий, *их* семьи, *их* церкви, для увеличения *их* благосостояния, за укрепление *их* безопасности

и веры. Должен поощряться всякий интерес, способствующий формулировке таких целей войны, которые общего врага обращают в *отдельного врага для каждого*. Нужно, чтобы каждая религиозная единица видела в поражении врага торжество *своих* богов, священников и догм.

Для подавляющего большинства населения каждого государства достаточно бывает цели разбить неприятеля во имя своей безопасности и обеспечения будущего мира.

Впрочем встречаются люди, для которых война — отвратительная гнусность. Если хотят, чтобы люди, мыслящие подобным образом, присоединились к остальным в деле осуждения неприятеля, *то нужно, чтобы они увидели в противнике величайшее препятствие к осуществлению новых мировых условий*. Представленные им цели войны должны быть в высшей степени рациональны и идеальны.¹ Стоит только установить идеал и выяснить, что главным задерживающим препятствием этому идеалу является воинствующий неприятель. Это позволяет совестливым людям убивать с чистой совестью или по крайней мере подстрекать к этому молодежь.²

Когда общество доведено до сознания того, что войну начал неприятель..., то можно сказать, что пропагандист достиг цели... Каждый народ, начавший войну, непременно должен быть неисправим, порочен и развратен. Упирая прямо на эти его свойства, мы только принимаем меры предосторожности, главная цель которых убедить, что враг способен даже на такую чудовищную вещь, как наступательная война.

(Пропагандист убеждает, что:)

Народ-противник почти всегда ведет себя с демонстративным высокомерием и заносчивостью. Неприятель не только нагл, он — алчен. Неприятель ведет пропаганду, основанную на лжи. Неприятель заносчив, груб и жесток.

IV. Правильный путь к управлению людьми заключается в том, чтобы настаивать на конечном успехе нашего дела. (Объяснять свои неудачи «внезапной атакой».) — Это

¹ Пример — Уэллс, который сочинил целый трактат на тему: германский милитаризм — препятствие лучшему мировому порядку. М. Г.

² Поэтому так энергично действовали опубликованные нами документы о «переделе» мира, втайне проделанном Антантой. М. Г.

действительно прекрасное объяснение, которым может пользоваться пропагандист. Для того чтобы предотвратить излишний пессимизм, необходимо сочетать теорию внезапного нападения с тезисом нашего блестящего сопротивления превосходству неприятельских сил.

Сила неблагоприятного сообщения может быть ослаблена помещением сообщения на таком месте, которое не бросается в глаза, и с незаметным заглавием, или включением его в другое сообщение с пропуском подробностей, или наконец путем оспаривания его «очевидцем» и цитатами, которые всеяют сомнения в правильность сообщаемых сведений... На практике самый простой способ аннулирования невыгодных известий это прием компенсации. Ловкое преумножение благоприятных известий сможет нейтрализовать впечатление (от неблагоприятного сообщения).

Воинственный дух населения поддерживается убеждением, что есть шанс победить. Враг может быть опасным, упорным, сатанински-злым, и если станет ясно, что он побеждает, то настроение многих групп населения сделается неуравновешенным и начнет падать. В таком случае ненависть пришедшего в уныние народа может обратиться на новый объект: *народ может возыметь такую злобу к правящим классам своей страны или к союзникам, что он перестанет ненавидеть врага.*

V. Пропагандой можно действовать как оружием прямой атаки на нравственное состояние неприятеля, стараясь нарушить это состояние или же отклонить ненависть неприятеля от воюющей с ним страны.

Нужно направить вражду на новый, независимый от нынешнего противника объект, рядом с которым нынешний противник перестанет иметь значение.

(Подготовительная к этому кампания — подрывать патриотизм, доверие народа к честности его правительства, уничтожать веру в возможность победы, муссировать лишения в тылу.)

Следующий шаг должен вести к тому, чтобы сосредоточить вражду на одном определенном объекте, к которому можно рассчитывать привлечь это чувство неприятеля. Одной из возможных альтернатив является перенесение подозрения и вражды на союзника... Для этой цели также годится правительство и господствующий класс. Если

сделать достаточно ненавистным правящее лицо, клику или класс, то наступает революция, а при революции очень немного места остается для активной ненависти к внешнему врагу. Во время мировой войны каждая из воюющих стран приложила руку к возбуждению и поддержанию разногласий и революции в других странах, не считаясь с возможностью удачного восстания и у себя дома... Следует обратить внимание и на третью возможность большой важности, на пропаганду антигосударственную. Последняя война доказала, какие хорошие результаты может дать подстрекательство к прекращению войны, если государство противника составлено из разнородных элементов.

VI. Пропаганда — одно из трех главных орудий борьбы с неприятелем (военный нажим, экономический нажим, пропаганда).

Основные стратегические цели пропаганды:

1. Возбуждение ненависти к неприятелю.
2. Поддержание дружественного отношения к союзникам.
3. Сохранение добрых отношений с нейтральными и, если возможно, старание заручиться их сотрудничеством.
4. Деморализирование неприятеля.

Цели тактического характера:

1. Возбуждение специфических интересов в отдельных группах населения.
 2. Борьба с распространением нежелательных идей.
- (Стратегические принципы.)

Чтобы возбудить ненависть против врага, изображайте противника алчным и жестоким зачинщиком войны. Изображайте неприятеля как препятствие к достижению лелеемых идеалов и мечтаний всего народа и каждого составляющего его члена в отдельности. Придавайте своему противнику сатанинские качества. А возбужденная таким образом ненависть должна поддерживаться уверениями, что алчный, жестокий, сатанински-настроенный противник будет в конце концов побежден.

Главным способом поддержания дружеских отношений с союзниками должны быть наши напряженные усилия в продолжении войны и выражение нашего искреннего одобрения тех целей войны, которые преследуются нашим союзником. Все это может быть подкреплено изъяснениями

уважения к нему всеми способами внутренней пропаганды.

Чтобы овладеть симпатиями нейтральной страны, заставьте нейтрального отождествить собственные интересы с поражением вашего врага. Попробуйте втянуть нейтрального в какое-нибудь активное сотрудничество с вами невоенного характера. *Если не удастся ничего иного, то усильте пацифизм*, изображая ужас войны и нежелание неприятеля заключить мир, или же посейте раздоры между двумя нейтральными.

Для деморализации неприятеля замените старую вражду его населения к нашей стране какою-нибудь новою враждою. Острота старой ненависти может быть до некоторой степени смягчена прямыми противовозбудительными средствами, но главным образом такая диверсия рассчитана на то, чтобы развить у противника упадок духа и заразить его пораженчеством. Тогда будет открыт путь для жестокой кампании против его союзников, против правящих классов, среди мелких народов — против единства государства.

Тактические принципы могут быть сформулированы следующим образом:

1. Должны быть распространены те способы внушения, которые могут возбудить специфический интерес в отдельных группах населения.

2. Должны быть избираемы те способы внушения, которые могут аннулировать нежелательные идеи, вызванные не поддающимися умолчанию событиями.

3. Должны быть применены те способы внушения, которые имеют шансы не вызвать опровержения, пока не будет достигнута цель пропаганды.

I

Можно подумать, что автор сошел с ума.

Все выложил на чистоту, без малейшей прикрасы. Пропаганда — ложь с начала до конца; сознательно рассчитанный обман друзей, врагов и посторонних зрителей; иезуитство наиновейшей формации, которое принцип «цель оправдывает средства», как обветшалый, сменило на лозунг: «ложь — и цель и средство».

Конечно циничной откровенности Ласвеллю не занимать: совершенно добросовестно и точно он изложил суть

и практическое применение буржуазной пропаганды в минувшую мировую войну.

Он, кажется, ничего не утаил и никого не пощадил. Те сотни и тысячи книг, брошюр, листовок и газет, на основе которых наш автор делает свои выводы, если и не исчерпывают всей лжи, то вполне достаточны для суждения о предмете. И досужим занятием было бы решать: кто гаже и омерзительнее «играл» — англичане или немцы, американцы или французы. Наш автор не пощадил никого.

И, однако же напрасно, совершенно напрасно спотыкаться об альтернативу: либо он сумасшедший, либо... тайный коммунист, — в крайнем случае любопытная разновидность честного и последовательного пацифиста. Он — американский буржуазный ученый.

Отсюда и его объективность (хотя и не без некоторой примеси германоедства) и его, скажем, откровенность. Американская буржуазия вошла во вкус победных войн. Предыдущая война была выиграна так сказать полулюбовительно. Впредь необходимо воевать во всеоружии профессиональных навыков и тренировки. Всесторонне, усердно изучается опыт мировой войны. В нем не последнее место занимает стратегия и тактика моральной обработки «своих и чужих».

Как следует действовать, чтобы потуже завязать узел настроений и мнений своей страны и ослабить, распутать такой же узел противника, — вот что хочет знать готовящаяся повоевать за полное мировое господство буржуазия.

Ее любознательность питает усердие Ласвеля, рождает точность и полноту изложения.

В ее безразличии к мнению Европы коренится объективность Ласвеля: он не прикрывает ничьей неблагоприятности, ибо не считается ни с чьим мнением.

А его откровенность очевидно отражает отличное самочувствие хозяев: мы достаточно сильны, чтобы не бояться никого и ничего и чтобы во весь голос говорить о секретах (некоторых!).

Свою роль, нет спору, играет и своеобразная диалектика лжи. Если ты хочешь свалить вину за войну на врага, то среди прочих доказательств его нападения упомяни и то, что он нас обвиняет, *будто это мы напали*. Так поучает Ласвель. Значит неприглядную правду о лжи пропаганды —

при нужде удастся выдать за ложь самой неприятельской пропаганды.

Наконец, «раскрывается» Ласвель до конца только о прошлом. А о будущем — молчок. Какие удушливые газы и лучи смерти в моральной борьбе готовит буржуазия, мы из его книги, ведь, не узнаем.

За правдивость и откровенность Ласвеля ему — спасибо. Его слова о Лиге наций и «заклейменной» ею группе народов, в сочетании со словами Бриана, могут пригодиться также для *пропаганды*! И весьма бесполезна вся его книга: в систематизированном, достаточно документированном обобщении реального опыта дана картина одного из важнейших фронтов минувшей войны.

Говорить о значении пропаганды, т. е. морально-политического фактора (так как пропаганда — совокупность приемов и методов моральной мобилизации, обороны и нападения), доказывать роль этого оружия незачем. Однако мы до сих пор даже и *собственного опыта* в гражданской войне не знаем толком, так как почти не изучаем, — а роли, сути, механики *буржуазной пропаганды* — и подавно. Факт ведь, что из всей богатейшей литературы, которая по сему предмету появилась на Западе, у нас только в 1928 (!) г. издана книга К. Стюарта «Тайны дома Крю».

Ласвель солидно заполняет эту брешь. Уже один просмотр находящегося на предыдущих страницах краткого конспекта его книги показывает, что по ней можно получить неплохое представление о стратегии, тактике и технике пропаганды во время войны. Ласвеля нужно проштудировать сперва, а затем уже подвергнуть строгому допросу с пристрастием нашей критики: почему так, а не иначе, и что годится для нас?

II

Так как принципы моральной обработки своего населения, нейтральных, врага в итоговых формулировках Ласвеля уже известны читателю, то можно ответить на основной вопрос:

Каков стержень буржуазной военной пропаганды?

Империалистская война ведется ради целей, в которых кровно заинтересованы только *командующие классы*. Вместе с тем войну ведут миллионные массы *эксплуатируемых*.

Поэтому:

1. Этим миллионам война должна *казаться навязанной*: хочешь, не хочешь, а защищайся.

2. Кого можно и следует убедить в его непосредственной материальной заинтересованности в войне и победе.

3. Необходимо замаскировать истинные цели войны под «борьбу за справедливый и вечный мир».

Значит, исходя из коренного противоречия *войны и интересов трудящихся*, военная буржуазная пропаганда стремится сгладить, затушевать эти противоречия и добивается *гражданского мира*.

Ласвель, вероятно сам того не понимая и не чувствуя, очень подробно и убедительно доказал весьма неприятный для него тезис — о тесной связи всякой империалистской войны с революцией, о перерастании одной в другую. В обоих лагерях империалистического фронта война держится на одном и том же фундаменте — на гражданском мире, на пленении сознания и воли трудящихся. Задача каждой стороны — свой фундамент подпереть получше, а вражеский — расшатать.

Иными словами, всячески поддерживая *ложь* о войне в своей стране, воюющая буржуазия пробует заменить эту ложь в сознании трудящихся противной стороны *полуправдой* о войне: дабы фронт повернулся против правящих классов, во всяком случае, дабы он сломился — «не считаясь с возможностью удачного восстания у себя дома», говоря словами Ласвеля.

Получается пикантная картина: Ласвель, самостоятельно пришедший к краеугольному положению Ленина о перерастании войны империалистской в гражданскую!

Конечно, тут — преувеличение и увлечение нашего почтенного автора, который, во-первых, бессознательную тенденцию выдает за сознательное, зрело продуманное стремление, а, во-вторых, забывает, что к *революции*, хотя бы и во враждебном лагере, даже Вильсон не призывал.

Мы вплотную подошли к *самому интересному и важному пункту* буржуазной военной пропаганды. Логика борьбы во имя победы во что бы то ни стало заставляет империалистскую шайку вступать на скользкий путь: громя врага, бить и по основе его сопротивляемости, т. е. по гражданскому миру. Диалектика неумолима, она наказывает тем

же, чем и награждает: приходится проповедывать поражение, измену своему государству, даже восстание против «власти предрержащей» — и дрожать, как бы такая же крамола не забралась и «к нам» в дом!

В этом противоречии сказывается не только *суть* военной буржуазной пропаганды, но и ее *предел*. Страшное оружие, взрывающее фундамент боеспособности неприятеля, не может быть применено никем из воюющих вполне последовательно и до конца. Никто не осмелится ворваться во вражеский лагерь и поджечь там пороховой погреб революции. Детонация — коварна. Взрывчатых веществ — хватит по обе стороны фронта; а фундамент — и там и здесь один и тот же.

Итак, Ласвель в полном соответствии с действительными уроками войны показывает:

Единственно *верная* ставка в подрыве политико-моральной стойкости врага — ставка революционная.

Два примера из того же Ласвеля. Развал фронта Австрии, в частности неуспех наступления весной и летом 1918 г., были результатом умно задуманной и хорошо выполненной пропаганды Нортклифа-Стида, которая исходила из политики расчленения Австрии и *подстрекательства всех ее национальных меньшинств повернуть оружие против «отечества»*. Второй пример: кошка и мышка — Вильсон и Германия.¹

Вильсон систематически, настойчиво и очень остроумно вселил в немцев мысль — справьтесь с кайзером, с «пруским милитаризмом» в Берлине, и на фронте дастся вам мир справедливый, милостивый. Конечно, Германия была сломлена в результате сложного переплета социально-экономических и военно-политических факторов, но значительную роль сыграло и «разложение тыла», внесенное вильсоновскими посулами.

Эти два примера и подтверждают первое вышеприведенное положение — о революционной «сердцевине» противоражеской пропаганды.

Они же не оставляют сомнения и насчет второго поло-

¹ О, неувядающий филистер под колпаком «ученого»! Ласвель с самой серьезной миной квалифицирует Вильсона и Ленина как чемпионов современных революционеров». Спасибо и за то, что так польстил Ленину...

жения, вытекающего из первого, но ему прямо противоположного: нет возможности вполне последовательно и до конца пользоваться столь двусторонним оружием.

Ласвель доказал и показал больше, чем желательно было ему самому. Он вскрыл сокровенную пружину пропаганды и показал наиболее слабый, уязвимый пункт. Самое сильное оружие — *одновременно и самое опасное*, коварное; пользоваться им дальше известного предела — строго-настрого заказано.

III

Тактический или стратегический вопрос — отношение пропаганды к правде, я решать не берусь. Но не удивлюсь, что Ласвель поставил и решил его без всякой «тактичности». Если бы он и хотел, он бы все равно не скрыл правды: что ложь есть основная и в сущности единственная субстанция пропаганды.

Это с неизбежностью вытекает из самой установки: навязать своему народу чуждую ему и враждебную его интересам войну.

Поэтому *правда* в пропаганде допустима лишь как *исключение*, вернее как деталь, как второстепенный, подсобный прием.

Стратегия империализма — ложь и только ложь. Тактика — та же ложь, изредка разбавляемая правдой. Наибольшее применение эта последняя может получить только при разложении противника, но и здесь, как мы только-что видели, далеко не разойдешься.

Как обманывают, Ласвель подробно демонстрирует на огромном материале, на бесчисленных примерах. Сейчас упомянем только об одном — о французской подделке номеров немецких газет; эту свою практику Антанта не без пользы вспомнила позже, фабрикуя «Правду»...

Ласвеля занимает не то, можно ли лгать, — а *как лучше, прибыльнее лгать*. Ограничение лжи только одно — чтобы она была *правдоподобна*.

Одна проблема специально занимает нашего автора: о свободе пропаганды в руках правительства. Его тревожит возможность: а что, если великая сила будет использована в «партийных, групповых, личных» интересах, не

в пользу «общества», а ради «частной выгоды»... После необходимой разгримировки страх в своем натуральном виде таков: как бы одна группа буржуазии, теперь стоящая у власти, не усилилась, чрезмерно пользуясь в частности и пропагандой. Рассказ о нападках республиканцев в конгрессе на демократического главу американской пропаганды Криля разоблачает ласвелевские ламентации о контроле власти законодательной над тем, как власть исполнительная пользуется пропагандой.

Но и в пределах правящей фракции буржуазии возможны злоупотребления пропагандой: «пропаганде можно поставить в упрек содействие личным и партийным интересам, но трудно бывает провести демаркационную линию между частной выгодой, которая получается попутно с законной общественной выгодой, и теми случаями, когда частная выгода преобладает». Ласвель приводит и примеры, как хорошо жиреет частная выгода от общественной пропаганды. Демаркационные линии в тумане лжи, понятно, нелегко проводить; а так как и проведенные — сохранить очень, очень трудно, то Ласвель и «предает дело воле божийей»: бог уже с ней, с частной выгодой — мы надеемся, что общая всегда будет преобладать.

Следовательно с этой стороны проблема правды в пропаганде решается вполне успокоительно: ложь сохраняет все свои позиции и права.

Ложь произрастает и колосится на почве, обильно удобренной изменой социал-демократии. Вся пропаганда буржуазии полетела бы к чорту, если бы не помощь реформистов. Ласвель о них прямо не говорит, но то, что мы знаем и без него, в соединении с бесстрастными его положениями позволяет окончательно закрепить за социал-демократическим предательством почетное место навоза в военной буржуазной пропаганде. Именно социал-демократия усердствовала по части «великих целей войны во имя справедливости», по части «вынужденной обороны» и т. п. (См. материалы, опубликованные Ф. Блументалем в его книге «Буржуазная политработа в мировой войне».)

Однакоже в защиту социал-демократов от них самих следует сказать, что до гомерических столпов лжи, подпираемых предательством, они дошли не во время мировой войны, а после нее...

IV

«Хорошая пропаганда должна опережать политические события; она должна расчищать путь политике и формировать общественное мнение, не подавая вида, что она это делает». Так Ласвель цитирует Людендорфа, который коснулся очень пикантной темы о взаимоотношении пропаганды и политики. Вообще-то говоря, пионеры не принимают в комсомол, если он не понимает, что политика предшествует пропаганде, ибо пропаганда есть... пропаганда *какой-нибудь политики*, в пользу какой-нибудь политики.

Лишь фикция «свободного общественного мнения», «свободной воли народа» предполагает, что народом выслушиваются «за» и «против», а затем принимается решение.

Сказке этой для детей дооктябрьского возраста и Людендорф верит не больше, чем октябренка. Он говорит о совершенно другом — о том, что нельзя ограничиваться материальной своей силой, пренебрегая моральными факторами, отодвигая пропаганду на задний план. Этим была грешна германская военщина и до войны, и в начале ее, и почти до конца. Об этой ошибке и плачется Людендорф в своих мемуарах, стараясь заодно вину свалить с себя.

Ласвель же слова Людендорфа приводит с иной целью — чтобы, подобно упомянутому К. Стюарту, доказать будто бы:

1. Без хорошей, правильной политики не может быть и успешной пропаганды (верно!).

2. Пропаганда может, а часто и должна, вызвать к жизни, *создать* правильную политику (неверно!).

Оба автора исходят из одного примера — против австрийской работы Нортклифа. Как известно, Нортклиф после назначения директором управления пропаганды против неприятеля потребовал от кабинета установления ясной политики в отношении Австрии и предложил свой план: поставить ставку на расчленение Австрии и заявить об этом во всеуслышание, одновременно предприняв и практические меры по организации революционных элементов национальных меньшинств. Нужно было также сломить упорство Италии и заставить ее отказаться от части требований, закрепленных за нею договором 1915 г. — умерить ее аппетиты на Балканском полуострове в пользу Югославии,

Нортклиф добился своего — правительство Англии взяло на себя инициативу точного и публичного определения целей войны против Австрии; за этим последовали декларации о соглашениях Италии с представителями националистов-революционеров Чехии и Югославии, конгресс угнетаемых Австрией народов и т. п., о чем изложено подробно в книге Стюарта. На основе только-что установленной и правильной политики Нортклиф и смог развернуть вполне оправдавшую себя пропаганду — удалось, как мы знаем, разложить австрийскую армию.

Поэтому-то *первое* из вышеприведенных положений Стюарта — Ласвеля верно, а второе неверно, так как Нортклиф выдвинул свой план политики вовсе не потому только, что он гарантировал успех пропаганды. Если бы такая политика и обещала золотые пропагандистские горы, но противоречила бы интересам Англии, — ее никогда бы не домогался Нортклиф. Он понимал — в тот момент лучше, чем Ллойд-Джорж и правительство, — что Англии и Антанте выгодно и полезно добиваться разложения Австрии на составные части, — а раз так, то естественно следует из этого факта извлечь и производную выгоду, использовать его в целях пропаганды. Конечно мыслимо такое положение, когда, не стремясь к расчленению Австрии, союзники все же вели бы пропаганду, рассчитанную на привлечение симпатий национальных меньшинств, но в этом случае они не связывали бы себя такими уже не пропагандистскими, а политическими мероприятиями, как созыв конгресса, изменение договоров и пр. Следовательно и наиболее яркий, пожалуй даже единственный, пример, приводимый в защиту приоритета и верховенства пропаганды над политикой, в этом смысле критики не выдерживает. Пропаганда всегда обусловлена содержанием, целями, направлением политики, которую обслуживает и от которой она в праве разумеется требовать тех или иных видоизменений, поправок, сокрытий

Тенденция и Ласвеля и Стюарта изобразить дело превратно, во-первых, объясняется вполне понятным увлечением и преувеличением *своей* роли пропагандистов, а, во-вторых, исходит из желания затемнить истинную подоплеку пропаганды, скрасить ее неприглядную, суть инструмента по осуществлению *любой* политической гадости буржуазии.

V

То, что Ласвель говорит об организации пропаганды — об устройстве руководящих ею и ведущих ее органов, большого интереса для нас не представляет.

Он рассказывает о прошлом, но оно уже прошло: и мы видим лишь цветочки, выросшие так сказать на ходу. Ягодок, возвращенных в «мирные» годы, нам Ласвель не показывает, их придется увидеть не ранее первого выстрела. Учиться у прошлого организационного опыта буржуазии нам нет нужды; мы выработали свои организационные схемы и системы, свои принципы, вытекающие из всего нашего государственного-политического устройства.

Что же до техники пропаганды, то Ласвель говорит о приемах и способах распространения и передачи внушаемых идей и настроений лишь то, что он *может* сказать. Он не выходит за пределы прошлого, к тому же достаточно уже знакомого и по другим источникам. Преимущество и достоинство книги — в том, что она систематизировала относящийся к этой проблеме материал, хотя эта — техническая — часть много меньше и беднее всех прочих разделов.

Из отдельных примеров любопытны воздушные шары из бумаги, применявшиеся для распространения литературы за фронтом неприятеля. Они были изобретены после того, как немцы пригрозили расстреливать летчиков, пойманных за сбрасыванием литературы. Немцы предпочитали получать с неба бомбы, но не листовки. Мотивировка их репрессий против воздушной пропаганды — нарушение «добрых обычаев» войны. Но и здесь обычное лицемерие — не имея возможности по многим причинам пользоваться этим же оружием, немцы объявили его «безнравственным».

Заслуживают внимания примеры широкого использования кино: оно тогда, 14 лет назад, работало больше и лучше для пропаганды, чем например наше нынешнее кино...

Техническая сторона пропаганды — это область, где мы можем и обязаны учиться у врагов, использовать весь имеющийся опыт. Конечно Ласвель, повторяем, не сообщает о том, что готовится в тиши, под сенью Келлогговского пакта; но из сочетания своего и чужого опыта, привлекая исследовательскую и техническую мысль, мы можем многое

сделать, чтобы достойным образом технически приготовиться и на этом, часто решающем, фронте.

«Идеи носятся в воздухе». Пропаганда во время войны в значительной степени только на этом и держится. Носящиеся в воздухе идеи о том, как следует возможно лучше разносить идеи по воздуху, могут быть и должны быть уловлены. Ласвелль дает здесь лишний, добавочный толчок:

VI

Отражать волны буржуазной пропаганды придется нам. Грядущая война столкнет два принципиально разных мира: буржуазно-капиталистический и пролетарско-коммунистический. Хотя и в оболочке междугосударственной схватки она будет войной *классовой*. Наша цель — взорвать эту оболочку и войну сделать *гражданской*.

Буржуазное задание — расколоть наш тыл, наш гражданский мир, т. е. уничтожить союз рабочих и крестьян и вбить клин между пролетариатом и его партией.

Роль пропаганды, таким образом, необычайно возрастет.

Бить ею по тылам противника, равно как и формировать неустанно сознание своего населения — будет одним из важнейших заданий.

Каковы же тут взаимоотношения нашей и вражеской пропаганды?

Сугубо классовый характер всякой военной пропаганды мы видели уже на примере минувшей империалистской войны. И тогда борьба шла за гражданский мир в своем тылу и *против* гражданского мира в тылу противника. Буржуазия работала ложью, ибо правда, доведенная до сознания масс, — ее могильщик.

И впредь буржуазия — еще более, чем раньше, — вынуждена орудовать ложью и вымыслом. Убедить свой народ в том, что война результат красного империализма и советского нападения будет много труднее, чем в минувшую войну свалить ответственность на врага... Даже и Келлог, и Лига наций, и социал-демократы не гарантируют быстрого и легкого успеха. Затем, если в минувшую войну «свой» народ подвергался обработке со стороны *буржуазного* врага и потому удары по классовому миру не были решительными, последовательными, сокрушающими, то в будущем

дело будет обстоять иначе: призывы из-за фронта будут исходить *от своего же класса*, организованного в государство. *Не полуправда, перемешанная с ложью, а острая правда будет атаковать твердыни буржуазного тыла.* Значит роль и внутренней и внешней буржуазной пропаганды вырастет.

Если война опять будет протекать при секундантах нейтральных, то и в таких странах воюющая буржуазия при поддержке туземной разовьет бешеную пропаганду.

В меру небывалого усиления пропаганды, до «геркуловых столбов», подымется и рассеваемая ею ложь.

Значит приемы вуалирования лжи под правдоподобие утончатся, — легкость и грациозность вымысла, наравне с изощренными приемами техники распространения, составят то оружие самозащиты и нападения, которое буржуазия противопоставит объективной логике исторического процесса, перерастанию войны из империалистского нападения на первое советское государство в войну гражданскую во имя мировой революции.

Объективный, непреложный ход вещей будет против буржуазии и ее пропаганды, за пропаганду гражданской войны, за пропаганду пораженчества буржуазного «отечества», напавшего на социалистическое отечество, за пропаганду победы этого последнего. В том же направлении действует и тот исходный факт, что *ложь* более чем когда бы то ни было окажется единственным орудием буржуазии, а *правда* — монополией ее противника.

Но однако из благоприятных объективных предпосылок отнюдь автоматически не вытекает столь же благоприятное *реальное* соотношение сил, а тем более легкая победа правды над ложью. Ложь тем и сильна, что она — ложь: правдоподобие в руках искусного, технически ловкого, умелого пропагандиста может надолго «покрыть» правду. А в искусстве ложью держать в повиновении сознание масс буржуазия достаточно натренирована. Помощь же ее «левой» реформистской руки тоже не мало значит.

Следовательно? Следовательно борьба должна быть упорной, и на стороне исторической правды нужно иметь искусство, технику и выдержку не меньшие, чем в стане лжи, а *большие*.

Книга Ласвеля переведена с некоторыми незначительными по размеру и несущественными сокращениями.

Автор использовал обширную литературу — он буквально загромоздил страницы своей работы ссылками на источники. При переводе значительное количество этих ссылок опущено, чтобы не утомлять читателя и не разгонять объема, а значит и цены книги. Но *все* труды, которые использованы автором и на которые он ссылается, перечислены в библиографическом перечне, помещенном в конце.

М. Гус.

ВВЕДЕНИЕ

СО ВРЕМЕНИ войны 1914 года замечается пробуждение интереса к международной пропаганде. На эту тему издано немало книг лицами, занимавшими во время войны ответственные должности по службе пропаганды. Таковы, например, труды: Криля — в Соединенных штатах, Стюарта — в Англии, Николаи — в Германии и Ветца и Тоннэле — во Франции. Выпустили в свет свои мемуары и отдельные деятели пропаганды, подвизавшиеся как на высших, так и на низших должностях. Наконец, имеются ссылки на международную пропаганду также во всех воспоминаниях и самооправданиях, изданных в послевоенное время.

Профессора, ученые и журналисты со своей стороны, много содействовали систематическим исследованиям и изучению этого вопроса. Среди видных германских ученых, выпустивших свои труды по пропаганде, мы встречаем Иоганна Пленге, Эдгара Штерн-Рубарта, Фердинанда Тэннис и Курта Башвитца.¹ Ценные монографии по исследованию этого предмета были написаны: Шенеманом — по-немецки — о Соединенных штатах; Маршаном — по-французски — о некоторых видах германской пропаганды; Вилером — по-немецки — о специальных задачах пропаганды и некоторыми другими. Блестящим вкладом в эту сокровищницу мыслей и взглядов явился труд Демарсиаля, в котором проанализированы французская и германская пропаганды во время войны.

Некоторые представители новейшей пропаганды и публицистики начали рационализировать и специализировать добытый опыт. Первыми ласточками в этом отношении

¹ Заглавия их книг, а равно и названия тех трудов, на которые будут делаться ссылки в дальнейшем, помещены в конце этого труда в «Примечаниях автора к тексту», отмеченных цифрами в круглых скобках, и в разделе «Библиография».

явились книги Бернейса, Вильдера и Буэлля. Университеты стали открывать курсы лекций по новейшей технике, а в Штутгарте, Париже, Лондоне и Станфорде собраны значительные коллекции по разным вопросам военной пропаганды.

Имеется много причин для того, чтобы роль пропаганды в международной политике, особенно в военное время, подвергнуть сейчас более тщательному исследованию, чем это делалось раньше. Так, в побежденных странах, к каковым относится Германия, военные с целью реабилитировать себя объясняют свои неудачи неприятельской пропагандой. Они уверяют, что их армия вовсе не была разбита оружием противника, но что катастрофа произошла позади фронта, в тылу, где чуждые и радикально настроенные элементы населения легко поддались соблазнительным приманкам иноземной пропаганды. Для общества такое объяснение кажется правдоподобным, так как, несмотря на то, что во время войны везде и всех предупреждали о необходимости беречься вражеской пропаганды, все же немцы попадались на удочку «Рейтера — фабриканта военной лжи», Нортклифа — «министра лжи», и союзников, — «олицетворявших собою ложь». ¹ Поэтому они и расположены к тому, чтобы придавать пропаганде большое значение. Но вместе с тем патриотически настроенные немцы стремятся понять природу того «невоенного оружия», которое было пущено в ход против них во время войны и так успешно содействовало их поражению. Вот почему в настоящее время в Германии как нигде наблюдается пышный расцвет исследований по международной пропаганде, ее природе, рамках и достижениях.

Происходящее ныне увлечение пропагандою обязано до некоторой степени своим существованием и правоверным пацифистам. Существует мнение, будто бы в основе всякой войны лежит недоброжелательство и что, если войне приходит конец, то наступает лишь «мораторий враждебности». А если это так, то не может ли пропаганда послужить средством для соответствующего воздействия на психологию народов и для укрепления доверия там, где господствует недоверие?

¹ В подлиннике игра слов: Allies — союзники, All-lies — все — ложь. (Прим. перев.)

Подобные мысли о способах управления общественным мнением указывают лишь на падение традиционных представлений, проникнутых демократическим романтизмом и на возрастание «диктаторского» направления ума.

Тот, кто старается уяснить себе тайны общественного мнения в области политики, вынужден, — по крайней мере, в настоящее время, — базировать свои изыскания на данных далеко не точных. Но если дело идет о выяснении политических взглядов и об управлении ими, о выяснении отношений к лицам и группам и о различных видах политической деятельности, а также о контроле над ними, то можно ожидать более осязательных результатов.

Роль взглядов в международной политике особенно заслуживает внимания, так как значение ее все более и более возрастает. Мы являемся свидетелями роста мирового коллектива, — а этот коллектив возник отчасти потому, что международная пропаганда одновременно и взбудоражила и организовала его. Интересы этого коллектива не признают границ. Ведь это только фикция, будто граждане и правительства каждой страны избегают вмешательства в те дела, которые технически находятся в пределах компетенции другого государства. Например, летом 1925 года германский рейхстаг был занят рассмотрением законопроекта об установлении покровительственных пошлин на сельскохозяйственные и мануфактурные товары. Теоретически это — вопрос внутренней политики и подлежит решению исключительно тех, кто живет внутри границ Германии. Но фактически были затронуты внешние интересы, представители которых и пытались произвести давление на германскую политику в свою пользу. Американские фабриканты, товары которых были бы заперты, если бы такой тариф вошел в силу, солидаризировались с английскими и французскими фабрикантами и послали в Германию своих агентов, которые приложили все усилия к тому, чтобы овладеть прессою и укрепить внутри Германии элементы, настроенные против введения этого закона.

Такое частное давление на политику не является в настоящее время исключением, — оно обычно. Например целые корпорации находят для себя удобным субсидировать заграничные газеты. И подобное воздействие на печать

не ограничивается неофициальными лицами, — правительства также принимают в этом участие.

Официальная пропаганда часто принимает форму поощрения патриотических обществ, имеющих отделения за границей. Так, германская заграничная «Лига» насчитывает 150 отделений в Германии и в других странах, а «Союз германизма за границей» уверяет, будто в нем числится свыше миллиона членов в Германии и Австрии. Кроме того существуют специальные организации в других странах, имеющие задачей поддерживать в своих членах чувство культурного единения, но при критических обстоятельствах могущие идти и дальше.

Правительства взирают благосклонно на некоторые международные общества, как например на «Alliance Française» или на «Союз говорящих по-английски». Эти союзы открыто пользуются влиянием, что может быть очень полезно в момент напряженных политических отношений.

Общественное мнение и пропаганда требуют к себе исключительного внимания в военное время. Ведение войны, понимаемое как психологическая задача, может быть успешно лишь при соответствующем моральном уровне населения. Народ высокого морального уровня способен разрешить выпавшую на него задачу благодаря тому подъему, который проявляется в нем при наличии серьезной опасности. Общими признаками высокого морального уровня считаются в таком случае энтузиазм, решимость, уверенность в собственных силах, отсутствие резкой критики и жалоб. Между тем на моральное состояние может повлиять решительно все. Количество калорий в казенном пайке, порядок снабжения папиросами, возможность отдыха, доверие к командному составу и общественным деятелям, поведение войск, способы поддержания дисциплины — все это и многое другое оказывает непосредственное влияние на дух и стойкость войск и гражданского населения.

Проблема поддержания настроения лишь отчасти входит в круг задач пропаганды. Хотя она и имеет большое значение, но поле ее деятельности ограничено. Пропаганда не имеет в виду управлять настроением умов путем изменения таких материальных условий, как порядок снабжения папиросами или химический состав пищи. Пропаганда не включает также в свои задачи укрепление настроения спокойным

и доверчивым отношением. Она сводится исключительно к управлению мнениями и взглядами при помощи «выразительных символов», или, — говоря более конкретно, но менее точно, — при помощи рассказов, слухов, сообщений, картин и т. п. Пропганда управляет мнениями и отношениями скорее путем непосредственной обработки общественной мысли, чем путем изменения каких-либо условий в самом организме или около него. Пропганда — лишь одно из трех главных орудий борьбы с ведущим войну неприятелем. Этими орудиями являются:

военный нажим, — т. е. действия сухопутными, морскими и воздушными вооруженными силами страны;

экономический нажим, — т. е. учинение препятствий к увеличению противником своих ресурсов, к расширению им своих рынков и к притоку капиталов и рабочих рук;

пропаганда, — т. е. непосредственное применение внушения.

Во время войны на пропаганду может быть возложено много задач, например: содействие экономии в пище, мануфактуре, топливе и других предметах; поощрение к покупке займов, к записи в добровольцы, к участию в уходе за ранеными, к поступлению на службу военной промышленности и т. п. Но еще более важная роль пропаганды заключается в том, чтобы возбуждать в гражданах своей страны ненависть к неприятелю; в том, чтобы поддерживать дружественные отношения с нейтральными государствами и с союзниками; в том, чтобы восстанавливать против неприятеля нейтральные государства; наконец, в том, чтобы разлагать противника и ослаблять силу неприятельского сопротивления. Короче говоря, исключительная важность пропаганды во время войны обуславливается значением ее в области международных отношений. Именно потому международная военная пропаганда и разрослась в течение мировой войны до изумительных размеров, что этою войною были захвачены интересы широчайших масс населения и вызвана потребность мобилизации гражданских умов. Никакое правительство не могло бы надеяться выиграть войну, не имея за собой объединенного в одно целое народа, и никакое правительство не могло бы иметь за собою объединенного народа, если бы оно не управляло настроением его умов. От гражданского населения зависело дать

добровольцев на фронт и рабочие руки для военной промышленности, а приносимые войне жертвы надо было переносить без жалоб, потому что сетования могли бы вызвать в тылу раздор, а в окопах — уныние.

Но для гражданской части населения нельзя установить ту же дисциплину, что и для солдат. По описанию Максвелля результаты солдатской муштровки заключаются в следующем:

Каждый индивидуум становится подражателем, копируя все свои движения с обучающего. Ему не позволено делать ни малейших отступлений от показанного. Его постоянно останавливают, пока наконец его движения не станут удовлетворительными. В этой стадии обучения действия солдата почти в полной мере становятся механическими, а единство, достигаемое обучаемой группой, немногим выше той согласованности, которая существует между частями машины. Тот факт, что каждый человек действует совершенно одинаково со своим соседом, дает индивидууму возможность рассчитывать на сотрудничество своих товарищей для достижения конечной цели. На учебном плацу каждый солдат видит, что всякий член той единицы, к которой он принадлежит, действует во всем сходно с ним. В окопе он уверен, что люди, находящиеся рядом с ним, делают то же, что и он, и что войсковые части, находящиеся по сторонам той части, в которой числится он, участвуют в его работе для общей цели. В армии такое сотрудничество достигается дисциплиной, причем в результате зародившегося доверия является спайка того, что иначе было бы лишь механическим объединением живых единиц. ⁽¹⁾

Служба на фронте содействует наклонности человека обратиться в первобытное состояние. Многие наблюдатели утверждают, что для человека наибольшее значение всегда имеют самые простые вещи. Пища, питье, куренье, сон, тепло, убежище и возможный комфорт — вот что всего важнее на фронте. За отсутствием побуждающих стимулов там притупляются «человеческие» чувства. Успокаивающее влияние, какое оказывают на людей дружеские сцены и лица, отсутствует. Влияние некоторых из более сложных форм религии понижается. ⁽²⁾

Таким образом военная жизнь сближает между собою дисциплинированных людей и в то же время мешает проявлениям их духовной жизни. Но человек невоенный, живущий вне автоматической дисциплины, остается в такой обстановке, в которой его духовная жизнь может продолжаться «по-человечески». Сплоченность гражданского населения не может быть достигнута его мускулами. Она достигается скорее повторением идей, чем повторением

движений. Гражданский ум приобретает определенную установку посредством сообщаемых ему сведений, а не путем военного натаскивания. И этому процессу помогает и содействует пропаганда.

Намеренное распространение определенных идей путем пропаганды помогает преодолеть нежелание принять участие в войне, которое проявляется тем сильнее, чем более угасает вера в начальников. Не на войну, а на мир стали смотреть как на нормальное состояние общества. Существуют идеологии, осуждающие войну как что-то само по себе дурное или как продукт ненавистного строя общества. Пропаганда есть война идей против идей.

Настоящий труд является предварительным анализом тех проблем пропаганды, которые связаны с вопросом управления во время войны международными симпатиями и антипатиями: как возбудить ненависть к неприятелю? как деморализовать противника? как наконец укрепить за собой дружбу нейтральных и союзных народов?

Автор имеет в виду не *изложение истории*, а *описание техники*. Когда война отойдет в глубь прошлого, то окажется возможным написать, хотя бы частично, историю международной пропаганды во время этой войны. Настоящее исследование наметило себе более скромную, но и более смелую цель, чем писание истории: оно останавливается лишь на немногих из тех фактов, которые должны быть достоянием подробной истории, — но тем не менее оно берет на себя выяснение теории того, каким образом на практике можно с успехом вести международную пропаганду. При этом исследование опирается почти исключительно на опыт Америки, Англии, Франции и Германии.

Метод настоящего труда заключается в том, чтобы держаться возможно ближе анализа, основанного на здравом смысле. Существует много соблазнительных аналогий между поведением коллектива и поведением отдельных лиц в клиниках, ⁽³⁾ но в этих аналогиях чувствуется слишком сильная натяжка; клиническая психология слишком рудиментарна, чтобы выдержать тяжелую надстройку.

Настоящее исследование так далеко не идет.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОПАГАНДЫ

В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ странах существует некоторое предубеждение против правительственной пропаганды. Джиллет, говоря в качестве депутата о работе бюро Криля, но допуская, что оно не велось в партийном духе, сказал:

Подобные бюро представляют большую опасность, так как все мы должны признать, что для республики является угрозой, когда ее администрация имеет в своем распоряжении так называемое «бюро общественной информации», а на самом деле — бюро рекламы, бюро пропаганды, бюро печати, короче — бюро, при помощи которого очень удобно использовать различные правительственные акты и ведомства. Это опасно потому, что, будучи использовано в партийном духе или для партийных целей администрации, оно обладает большою мощностью, — и я не думаю, чтобы в обычное мирное время какое бы то ни было правительство или какая бы то ни было партия могли это оправдать или одобрить.

Во время войны пришлось убедиться, что мобилизация людей и средств оказалась недостаточной. Потребовалась мобилизация мнений. Власть над мнением, — так же, как над жизнью и имуществом, — перешла в официальные руки, ибо та опасность, которая грозила в результате свободы мнений, была больше той, которая могла получиться от искажения этих мнений. И в самом деле не может быть сомнений, что необходимость для правительства управлять общественным мнением является неизбежным следствием всякой современной войны более или менее крупного масштаба. Вопрос заключается только в том, в какой мере правительство должно вести свою пропаганду тайно и в какой — явно.

Поскольку дело касается своего народа, скрываньем не выиграешь ничего, — и что бы там ни говорилось, при попытке создать тайну правительство всегда теряет часть престижа. Живая сила идей заметно возрастает, если к ним присоединяется авторитет правительства. За некоторыми незначительными исключениями (например тайного ввоза

материала для пропаганды в соседние враждебные страны) не будет никакого ущерба, если в нейтральных и союзных странах операции пропаганды будут вестись открыто. В противном случае может зародиться подозрительность и недоверие там, где необходимо полное доверие и согласие. Комитет общественной информации в Соединенных Штатах поступил несомненно правильно, осведомив нейтральные правительства о том, что именно он собирался делать в пределах нейтральных границ. Но в то же время было бы плохой тактикой — сообщить противнику, что назначен специальный «директор пропаганды в неприятельских странах». Вот как высказался в Палате общин Герберт Самюэль, когда лорд Нортклиф был призван в 1918 году на этот пост:

Возможно, что лорд Нортклиф, собственник газет «Daily Mail» и «Evening News», представляется немцам в том же свете, в каком мы видим графа Ревентлова. Что бы мы подумали, если бы услышали, что германским правительством официально объявлено о назначении графа Ревентлова руководителем пропаганды в Англии и союзных с нею странах.

Если признать принципиально, что пропаганда должна вестись воюющим государством открыто, то проблема организации выявится сама собой.

Какие же органы должны вести эту работу и до какой степени возможно ее объединение?

Ведение войны требует активного контроля над источниками информации населения как внутри страны, так и за границей. У себя дома мы имеем министерство иностранных дел, а за границей — дипломатический и консульский корпус. У себя дома мы имеем военное и морское министерства, а за границей — военных и морских представителей. Есть кроме того генеральный штаб и главная квартира. Имеются разного рода органы, ведающие вопросами снабжения и внутреннего распределения. Одного перечисления этих органов достаточно, чтобы сделалось очевидным, насколько в каждую из функций вплетаются посторонние влияния, от которых невозможно освободиться. Отсюда ясно, что несогласованность всех указанных органов в деле ведения пропаганды чрезвычайно опасна. Министерство иностранных дел и главная квартира могут распространять среди неприятеля прямо противоречащие друг другу воззвания и тем целиком скомпрометировать всю пропаганду демора-

лизации противника. Военные могут объявить о произведенном ими в занятых местностях разрушении общественных зданий, чем вызвать великое смущение среди своих дипломатических представителей в нейтральных странах. Затем всегда существует возможность того, что разного рода дурные вести обрушатся на население одновременно и тем вызовут в нем нежелательное состояние уныния, если каждый из органов государственного управления будет спешить самостоятельно сообщать обществу свои собственные новости. Так например известия о крупных военных, морских или воздушных потерях могут совпасть с недостатком муки или притти в то время, когда печать внутри страны взволнована острыми вопросами заработной платы и цен. Если бы все такие неблагоприятные известия приводились через какое-нибудь центральное фильтрующее учреждение, то они могли бы сообщаться постепенно, через некоторые промежутки времени, и таким образом дурное впечатление от них сводилось бы к минимуму, благодаря более благоприятному общему положению.

Несогласованность приводит в значительной степени к параллелизму в работе. Не получится ничего хорошего от того, что военные захотят выпустить ту же самую брошюру, что и дипломаты, и станут распространять ее за границей через военных представителей, когда посольства уже ее распространили. Невозможно составить себе правильное представление о той политике, которая нужна в области пропаганды, когда нет постоянного механизма, который управлял бы всеми ее видами.

Некоторые из указанных опасностей уравниваются теми невыгодами, которые возникают в связи с объединением работы. Всякий план объединения рискует задеть самолюбие какого-нибудь органа управления и испортить его настроение. С другой стороны, если бы управление и внешней и внутренней пропагандой было слишком крепко зажато в руках одного лица, то или один или другой вид пропаганды мог бы пострадать от односторонности взглядов такого ответственного лица. Требования двух указанных видов пропаганды настолько различны, что лишь редкое сочетание талантов сумело бы развить и тот и другой вид до высших пределов.

Приведенные соображения указывают повидимому на

то, что объединенное руководство делом пропаганды более желательно, чем сколько-нибудь несогласованные действия в этой области. Однако такое руководство требует, чтобы в плане организации пропаганды была в значительной степени сохранена автономия участвующих в работе органов.

Каковы же возможные формы этой организации?

Может быть создан единый исполнительный комитет пропаганды, — но может быть также образован орган и из таких исполнителей, из которых каждый ответствен за свою отрасль деятельности: один — за пропаганду среди неприятеля, другой — за пропаганду в нейтральных и союзных государствах, третий — за пропаганду среди гражданского населения, четвертый — за пропаганду среди войск. Во всяком случае пропаганда в учебных лагерях, на фронте, в ближнем тылу, на военных судах, в службах транспорта и т. п. должна широко опираться на военные и морские авторитеты. Третья форма организации пропаганды может выразиться в том, что будет установлено общее информирование прессы представителями соответствующих отраслей государственного управления, а все другие функции будут выполняться самими заинтересованными в этом органами, каковыми в особенности являются: министерство иностранных дел, главная квартира, военное министерство и министерство внутренних дел.

Во время мировой войны Соединенные Штаты избрали первый из указанных способов, Великобритания — второй, а Германия — третий.

Вскоре после вступления Соединенных Штатов в войну был образован по распоряжению президента «Комитет общественной информации». Он состоял из военного и морского министров, государственного секретаря (министра иностранных дел) и Джоржа Криля. Последнее назначение было фактически равносильно назначению отдельного министра пропаганды, так как Криль являлся ответственным за каждый шаг пропаганды, как внутри страны так и за границей. Одним из результатов указанного мероприятия было то, что работавшие за границей представители комитета пользовались престижем названных выше трех крупных органов государственного управления.

В то время как американская система возникла сразу и не менялась существенно в течение всей войны, английская

система прошла долгий и сложный путь изменений. Генерал Джорж Эстон писал:

Партийные политики — народ подозрительный: они неохотно дают деньги на пропаганду, опасаясь, как бы правительство не использовало их скорее в собственных интересах, чем в интересах страны. Поэтому в парламентском «Комитете целей войны» (War aims) участвуют представители всех партий. Комитету была поручена внутренняя пропаганда, за которую его подвергли жестокой критике. (4)

В «Веллингтон-Хаузе», в конторе страховых агентов, было образовано небольшое издательство для выпуска брошюр и листовок. Там же было положено начало «Известиям Брайса» (Brice report), которые сделались одним из выдающихся боевых органов на фронте пропаганды; большей части материалов «Известий» был придан частный характер, хотя он исходил из официальной агентуры. Позднее был учрежден «Комитет кинофильм и радиотелеграфа» под председательством мэра, но отношение этого Комитета к министерствам внутренних и иностранных дел было неопределенным. В августе 1914 года было импровизировано «Бюро печати», которое позднее было «усыновлено» министерством внутренних дел. Что касается деятельности министерства иностранных дел, то отчет о ней, представленный младшим секретарем иностранных дел Экландом в парламент, говорит следующее:

Мы принимаем меры к тому, чтобы пресса нейтральных государств снабжалась не только так называемыми новостями, но и такими сообщениями, которые здесь нам кажутся банальными, а на самом деле для других являются интересными, как например сведениями о внутреннем состоянии той или иной страны, об ее торговле, заработной плате, военных наборах и всем том, что действительно интересует наших друзей.

В январе 1917 года был организован «Департамент пропаганды». Ставший во главе его полковник Бечен управлял четырьмя далеко распространившими свою деятельность отделами и нес ответственность перед военным кабинетом и премьер-министром. Был учрежден «Совещательный комитет», состоявший из лорда Нортклифа, лорда Бернгема, Роберта Дональда и К. П. Скотта. Когда лорд Нортклиф перенес свою деятельность в Америку, то в этот комитет был назначен лорд Бивербрук, а позднее кроме того и Джордж Риддель. При такой организации дела велись беспорядочно. Для согласования деятельности отдельных

агентов был приглашен Е. Керзон, член военного кабинета, а военное министерство организовало у себя особый отдел для ведения пропаганды против германской армии и гражданского населения Германии.

Наконец в феврале 1918 года лорд Бивербрук был назначен министром пропаганды. В то же время лорд Нортклиф получил звание «директора пропаганды в неприятельских странах», а в нейтральные государства были назначены «директора для осведомления и кинематографической пропаганды». Технически лорд Нортклиф являлся ответственным перед лордом Бивербруком в отношении финансов, но фактически он имел право доступа к премьер-министру и в военный кабинет. Для координирования работы устраивались неофициальные совещания, а позднее образовался «Комитет политической пропаганды» под председательством лорда Нортклифа. Таким образом была наконец достигнута деловая согласованность, но это произошло уже после многих месяцев и лет недоразумений и параллелизма ⁽⁶⁾ в работе.

Итальянцы пришли к такой же системе.

Главное различие между американским и английским способами организации пропаганды заключалось в том, что в Англии лица, стоявшие во главе иностранной и внутренней пропаганды, вели дело на началах согласования между собою своих действий. Когда технические условия допускали, то британская система не делала различия например между Нортклифом и Бивербруком: оба они имели непосредственный доступ и к премьер-министру, и в военный кабинет. Англичане настаивали на необходимости автономии каждого из видов пропаганды: внутренней, нейтральной, союзнической и антинеприятельской. Они ссылались при этом на необычайное разнообразие международных интересов, чем и оправдывается, повидимому, их образ действий. ¹ Американцы приняли участие в войне уже тогда, когда им не было надобности ни завоевывать расположение нейтральных стран, ни восстанавливать одну группу государств против другой. Их пропаганда сводилась к простым «посланиям», подлежащим широкому распространению (о приготовлениях Америки, о Вильсоновском мире),

¹ Это особенно выявится в дальнейшем. (Прим. авт.)

почему ее можно было без особых опасений поручить единому исполнительному органу.

Всего меньше согласованности в ведении пропаганды было у немцев. Каждое ведомство шло своим путем. Единственной официальной формой сотрудничества между ними являлись их совещания с представителями печати, собиравшимися два или три раза в неделю. В них принимали участие: военное министерство, генеральный штаб, морское министерство, окружные военные власти, министерство колоний, почт и телеграфа, внутренних дел, финансов, народного продовольствия и иногда — иностранных дел. Председательствование переходило от одного представителя ведомства к другому по очереди, а участвовавшие в совещаниях журналисты выражали свои пожелания через выбранную из их состава комиссию.

Военным властям пришлось организовать эту работу с самого ее основания.¹ Когда вспыхнула война, то из числа военных было лишь одно должностное лицо, имевшее соприкосновение с прессой. Но вскоре «служба печати» развернулась весьма широко как в области отчетов о военных действиях и организации фронтовых газет, так и в отношении контроля над поступающими на фронт тыловыми органами периодической прессы и ведения пропаганды против неприятеля.

Министерство иностранных дел оказалось тяжело на подъем, но в октябре 1914 года, когда неудача на Марне отдалила перспективы мира, им было создано специальное «Бюро для службы за границей». Это бюро было завалено работой и выпустило множество материала для пропаганды.

По мере развития войны конфликты между военными и гражданскими властями все более и более обострялись. Военные хотели победоносного мира на продиктованных Германией условиях. Людендорф дал берлинской прессе интервью, посредством которого эти взгляды были доведены до сведения населения. Тотчас же левая и центр приняли вызов и атаковали военных за их попытку вмешаться

¹ Николай жалуется, что рейхстаг не давал достаточно денег для удовлетворительной постановки руководства печатью до войны, так как «в мирное время на прессу смотрели как на орудие партийной борьбы». Nicolai, Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung. S. 53. (Прим. авт.)

в политику. Чтобы не попасть между огней партийных перестрелок, канцлер, как и его предшественник, отказался от создания отдельного министерства пропаганды. Военные власти предлагали это три раза по трем различным случаям, так как они уже начинали чувствовать действие союзнической пропаганды. Наконец верховное командование делало попытку непосредственного воздействия на гражданское население созданием специального печатного органа, под названием «Германские военные известия», — и этот орган имел крупный успех, несмотря на оппозицию больших газет. Сверх того под руководством Людендорфа был разработан специальный план «отечественного просвещения», который должен был воздействовать и на гражданскую, и на военную часть населения.

Были и другие попытки создать специальные органы пропаганды для согласования работы внутри страны и за границей, но все эти попытки оказались неудачными. По частной инициативе была организована почти в самом начале войны «Вагнеровская культурная комиссия», — также в целях распространения германской пропаганды, — но этой комиссии не хватало в работе ни престижа, ни ловкости. Слишком заботливые старания частных лиц восполнить недочеты правительственной деятельности только вредили Германии. Профессор Лампрехт с презрением рассказывает об одном ученом муже, который, «вооружившись огромным пером, написал всем свои иностранным друзьям, что они и представить себе не могут, какие чудесные ребята — немцы, но при этом частенько добавлял, что во многих случаях их поведение нуждается в оправдании». Результаты были печальны.

Наконец в августе 1918 года канцлер Гертлинг предпринял некоторые шаги к объединению руководства пропагандой, но его меры оказались недостаточными и кроме того запоздавшими.

Французская пропаганда находилась в руках постоянных дипломатических, военных и морских учреждений. Иногда французы дополняли свою зарубежную деятельность посылкою за границу высокопоставленных должностных лиц, в руках которых вместе с пропагандою объединялись экономическая и разные другие виды деятельности, — подобно тому, как это имело место во всех временных

военных миссиях союзников. Организация, носившая название «Дом печати», имела своих агентов во всех зарубежных представительствах.¹

Когда союзники ведут войну сообща, то возникает задача координирования их политики и пропаганды. В мировую войну ко времени перемирия сотрудничество между союзниками находилось в зачаточном состоянии. Когда в феврале 1918 года лорд Нортклиф стал во главе британской пропаганды в неприятельских странах, он созвал предварительное совещание по вопросу о междусоюзнической пропаганде. Один из участвовавших в этом совещании знатоков дела, сотрудник «Таймса» Викгем Сид, пишет, что личный секретарь французского военного министра Анри Муассэ, выступая в качестве представителя Франции, настаивал на необходимости создания «идейного генерального штаба» для объединения дела пропаганды союзников в неприятельских и нейтральных странах. В результате этого предложения совещание избрало для указанной цели итальянского профессора Боргеза, Стида и Муассэ, предполагая, что все они будут вместе работать в Париже, но, как говорят, недоверчивость Муассэ помешала развитию этого дела. (6) Союзники провели официальную конференцию в августе 1918 года. Наиболее удачным из их решений было создание «постоянной междусоюзнической комиссии» при итальянской главной квартире.

Хотя задача организации международной пропаганды и не была за время мировой войны разрешена удовлетворительно, тем не менее опыт союзников в других отношениях был достаточно велик для того, чтобы выявить здравые принципы этой организации. Артур Сольтер, столь наглядно доказавший свои способности в деле междусоюзнического контроля над движением судов, следующим образом формулирует условия постоянной совместной деятельности независимых друг от друга государств:

¹ В 1918 году, под руководством министра народного просвещения, был сформирован комитет для проведения за границей «артистической» пропаганды. Кроме «Дома печати» в нем участвовали неофициальные члены таких организаций, как «Chambre syndicale de la haute couture»; «Journal Officiel» от 8 марта 1918 года. (Прим. автора.)

Должен быть установлен контакт — и непременно регулярный контакт — между соответствующими должностными лицами национальных администраций. Важно, чтобы эти лица (где возможно) продолжали пользоваться исполнительной властью в своих собственных ведомствах. Там же, где этому препятствуют географические условия, они должны, хотя бы в качестве специалистов, оказывать на исполнительную власть определенное влияние. Эти лица должны пользоваться доверием соответствующих министров и быть постоянно в курсе их политики. Они должны уметь влиять до известной степени на их действия и должны знать пределы собственного влияния. (7)

А. Сольтер добавляет, что они должны работать вместе, в достаточно тесном контакте, с целью укрепления взаимного доверия или по крайней мере с целью выяснения тех пределов, до которых они могут доверять друг другу. Они должны также стараться развить такого рода отношения, которые дали бы им возможность без ущерба интересам собственных государств откровенно обсуждать политику в ее ранних стадиях, прежде чем она окончательно определится в их собственных странах. Официальные собрания международных представителей должны созываться только для ратификации соглашений, уже достигнутых неофициальным путем. Даже незначительные переговоры никогда не должны принимать характер торга.

Сольтер доказывает, что предлагаемая им система является единственно правильной установкой роли международных административных комиссий.

Ничто не может быть бесполезнее, чем комиссия, состоящая из лиц, не занимающих определенных должностей и не обладающих лично исполнительной властью, но в то же время пытающихся направлять действия исполнительной власти. Другое дело, когда собираются люди, облеченные исполнительной властью, которую каждый из них может проявлять в своей собственной определенной сфере, — причем собираются для того, чтобы согласовать между собою общие мероприятия и увязать их с общим планом, а затем вернуться к себе для приведения в исполнение того, относительно чего они пришли к соглашению. Такая комиссия является полезным орудием совместной работы.

Предположив, что проблема согласования междусоюзнической пропаганды может быть разрешена удовлетворительно, обратимся теперь к задачам внутренней ее организации.

Коль скоро установлено, что в деле ведения пропаганды должно быть достигнуто единство действий, возникает вопрос, нужно ли при организации пропаганды стремиться

использовать своих заграничных дипломатических представителей, — или же для работы по пропаганде следует набирать специальный персонал?

Последняя война показала повидимому, что для указанной цели должны быть созданы за границей специальные агентства, несмотря на то, что дипломатический персонал часто относится недружелюбно к своим новым коллегам по деятельности за границей. Трудно думать, чтобы дипломаты были более способны овладеть всеми сторонами такой новой, чисто практической работы, как пропаганда, чем специальные агентства, личный состав которых подобран как раз для этой цели. В некоторых случаях успеху может помешать также привычка дипломатов вести дела тайно. Именно поэтому тактика американского «Комитета общественной информации», открыто объяснявшего свои цели нейтральным государством, на территории которых он собирался действовать, шокировала многих дипломатов, привыкших к скрытности.

Что же сказать в частности о персонале для работы по пропаганде?

Руководителем каждого крупного вида пропаганды должно быть лицо, престиж которого соответствовал бы престижу должностных лиц, направляющих течение политики. Затем — политика и пропаганда должны действовать совместно, в тесном контакте между собою. Людендорф, проницательные замечания которого относительно пропаганды признаны всеми, пишет в своих «Воспоминаниях»: «Хорошая пропаганда должна опережать политические события; она должна расчищать путь политике и формировать общественное мнение, не подавая вида, что она это делает». ¹ Самое худшее, что могут сделать пропагандисты и дипломаты, это — открыто противоречить друг другу.

Нужно дать пропагандисту возможность участвовать не только в выполнении задуманной политики, но и в ее формировании. Бесцельно пытаться проводить какую-нибудь политику, не имея от осведомленных людей определенных данных, что население отнесется к ней сочувственно. Лица, занятые пропагандой, живут в таких условиях,

¹ См. «Meine Kriegserinnerungen», S. 284 — 313,

при которых ежедневное выяснение тончайших оттенков в настроении общества является их обязанностью. Но полная оценка состояния общественного мнения может быть сделана только лицами, авторитетность которых по меньшей мере равна авторитетности лиц, играющих решающую роль в делах политики. Для этого не нужно, чтобы лица, возглавляющие отдельные виды пропаганды, занимали министерские кресла или входили в состав кабинета министров, но они должны фактически пользоваться таким же влиянием, как и министры.

То, что здесь предлагается, есть логический вывод из роли, которую лорд Нортклиф играл в Великобритании. Когда он взялся за дело антинеприятельской пропаганды, то понял необходимость скорейшего разрешения всех политических вопросов, остававшихся до того времени неясными и противоречивыми. Так, британское правительство совместно с другими дало противоречивые обещания Италии и Югославии. Нужно было рассеять все недоумения. Он потребовал от кабинета быстрых действий, и ему настолько посчастливилось, что все неясности в отношениях между Англией и Италией были устранены как раз к тому времени, когда необходимо было начать сильнейшую пропаганду против австро-венгерских войск, результатом которой и явилась приостановка наступления на р. Пиаве, вследствие деморализации южнославянских полков.

В Соединенных Штатах отсутствие престижа Криля не было особенно важно. Иностранную политику направлял сам президент Вильсон, и это имело для пропаганды огромное значение.

Желательно ли, чтобы руководители пропаганды набирались из числа наиболее крупных собственников и издателей газет?

Выбор подобных лиц непременно должен вызвать резкие нападки. После сделанного в английском парламенте заявления о том, что несколько издателей и владельцев газет назначены на разные государственные посты, один из членов парламента поднялся и спросил:

Не собирается ли правительство «купить» всех лондонских издателей? (Дело касалось издателей газет «Экспресс», «Таймс», «Дейли-Мейль», «Ивнинг Пост», «Кроникль» и некоторых других руководящих органов печати.)

Остин Чемберлен высказал свое критическое отношение к тому же заявлению менее лаконично, но более обоснованно:

Коль скоро собственник газеты является членом вашей администрации, вас будут считать ответственным за все, что он пишет в газетах. Вам нельзя будет позволить коллеге, собственнику газеты, выступить с речами, противными политике правительства, или делать нападки на лиц, находящихся на службе. Вам нельзя будет также позволить ему писать статьи, вместо произнесения речей, или допускать помещение соответствующих статей в его газете.

Правительство никогда не оправдывается в глазах общества и никогда не будет пользоваться должным авторитетом, пока оно не ликвидирует связи с газетами.

Премьер-министр Ллойд-Джордж в ответ на это указал:

Правило, которое применяется к директорам всех обществ и ко всем профессионалам, поступающим на государственную службу, должно относиться и к журналистам; кроме того, как только эти журналисты были назначены министрами, они отказались от всякого руководства своими газетами.

На это Чемберлен ответил отрицанием возможности проводить аналогию между частными обществами и прессой:

Допустить, что ради министерских портфелей журналисты откажутся от своей независимости, это значит признать, что пресса может потерять свободу, а со свободой и свой авторитет.

Воспользовавшись нападками в газетах на некоторых должностных лиц, Чемберлен добавил:

После этого правительство не нашло возможным держать на службе тех, кто подвергся нападкам, — те же, которые нападали, вскоре оказались по своим личным качествам — и только поэтому — необходимыми для особой службы.

Ллойд-Джордж ответил на эти упреки заявлением, будто бы заранее знал, что эти назначения подымут шум, и он оказался прав, но что он пришел к убеждению о пригодности для этого дела только журналистов.

Можно согласиться, что для дела пропаганды более всего пригодны публицисты. Почти все светила, появившиеся за время войны на небосклоне пропаганды, были журналистами, — хотя имелись и литераторы, как например Сэтон Уотсон (Seton Watson). И эти привлеченные к делу журналисты вовсе не были раньше редакторами, писавшими передовые статьи, но большей частью репортерами и хроникерами.

Нортклиф был по специальности репортером, а Сид — иностранным корреспондентом «Таймса».

Работники печати зарабатывают насущный хлеб, излагая свои произведения живым, красочным языком. Они знают, чем можно привлечь к себе среднего читателя улицы, и умеют воспользоваться его языком, предрассудками и склонностями. Они знают, что публику нельзя убедить логикой, но можно настроить сказками.

Германия дала лучшую иллюстрацию того, чего не надо делать. Немецкий офицер, руководивший в генеральном штабе делом пропаганды, был человеком весьма искренним и добросовестным. Тем не менее, как мы это увидим дальше, он был совершенно неподходящим для своего дела. Один американский журналист, живший в Берлине, был лично знаком с ним. Вскоре после того, как союзники подняли грандиозный шум по поводу казни сестры Кавель, французы казнили приблизительно при таких же обстоятельствах двух немецких сестер милосердия. Никакого возмущения по этому поводу в германской прессе не поднялось. Американец, встретившись с упомянутым офицером, спросил его:

— Почему вы не делаете ничего для противодействия английской пропаганде в Америке?

— Что вы хотите этим сказать?

— Подымите дьявольский шум по поводу тех сестер милосердия, которые недавно были расстреляны французами.

— Что? Протестовать? Французы имели полное право их расстрелять...

Такое суждение было вероятно правильно, но в пропаганде совершенно неуместно. Германский офицер просто не мог относиться к данному положению с наивным возмущением несведущего в военном деле человека. А ведь подобные вопросы решались мнением гражданского населения.

Персонал для пропаганды должен быть набран из лиц, близко знающих те группы населения, с которыми им придется иметь дело. «Ганзи», чье настоящее имя было Вейтц, происходил из Эльзас-Лотарингии, откуда летом 1914 года он скрылся во Францию, чтобы избежать ответственности перед германскими властями за свою пропаганду, призывавшую к восстанию. Он организовал французскую пропаганду против немцев, и его прекрасному, в высшей степени характерному немецкому языку очень помогало

употребление намеков, имевших чисто местное значение. Он совершенно правильно утверждает, что пропагандистская статья должна быть написана хорошо, для каких бы читателей она ни предназначалась.

У Бисмарка чувство понимания сути дела заставляло его бесконечно трудиться над стилем. Буш, его секретарь по пропаганде, рассказывает об одной статье, которую он прочитал Бисмарку.

Статья должна была быть опубликована в «Кельнише Цейтунг» под видом присланной из Парижа. Он заметил: «Да, вы совершенно верно выразили то, что я хотел сказать. Изложено хорошо все, что касается мыслей и фактов. Но никакой француз не будет рассуждать так логично и так последовательно, — а ведь предполагается, что письмо написано французом. В нем должно быть побольше сплетен, и вам следует легче перебрасываться от одной темы к другой. Письмо пишет парижский либерал, высказывающий мнение об отношении своей партии к германскому вопросу, а потому он должен выражаться обычным для такого случая языком».¹

За последние годы в пропаганде наблюдается прогресс, который в будущем может совершенно изменить постановку вопроса о нужном для нее личном составе. Пропаганда сделалась профессией. Современный мир быстро разворачивает кадр людей, которые только тем и занимаются, что изучают пути и средства к изменению общественных настроений или для внушения собственных убеждений. Как было уже сказано на первых страницах этого исследования, пропаганда создает своих практиков, своих профессоров, своих учителей и развивает свои теории. Можно ожидать, что с течением времени правительства будут все более и более нуждаться в советах и помощи пропагандистов-профессионалов.

Другим вопросом организации пропаганды является задача координирования деятельности центра со службой местных отделов. Германский посол Бернсторф жалуется на неудовлетворительность материала, присылавшегося из Берлина в Америку:

Германской «Службе печати» никогда не удавалось примениться к американским требованиям. То же может быть сказано и о большей

¹ Busch, Bismark. I. S. 8.

части германского материала для пропаганды, который с третьего месяца войны в значительных количествах посылался в Америку, частью на немецком, частью на английском (не всегда безукоризненном) языке. Этот материал, — так же, как и телеграммы прессы, — показывал полное непонимание американской национальной психологии. Я никогда не перестану повторять, что характер американца совсем не так сух и расчетлив, как это обычно представляют немецкие изображения делового американца. Выдающейся характеристикой среднего американца является скорее большая, хотя и поверхностная, сентиментальность. Если облечь какие угодно сообщения в сентиментальную форму, то можно гарантировать, что они разойдутся по всей стране. Наши враги тонко воспользовались этим обстоятельством при вторжении германцев в «бедную маленькую Бельгию», при расстреле «героини-сестры» Эдиты Кавель и в других случаях. С другой стороны лица, руководившие берлинской пропагандой, не умели пользоваться такого рода поступками неприятеля, как вторжение в Грецию, бомбардировка священной процессии в Карлсруэ и т. п. Было обстоятельство, которое могло оказать громадное влияние на Америку, если бы его распространением руководили хотя бы мало-мальски искусные люди, это — страдания наших детей, женщин и стариков, как результат британской голодной блокады, но об этом они даже не пытались оповестить мир.¹

Он жалуется также на то, что вместо сообщений Берлин посылал «рассуждения».

Таково мнение человека «с места». Он чувствовал, что центр не справлялся с делом. Его желание использовать то, что он называет «сентиментальностью» американца, заставило его поощрить движение, которое в результате окончилось ничем, вследствие того, что центральные власти не сумели поддержать его.

Со времени катастрофы с Лузитанией я принял за правило, которое по мере возможности и провожу в жизнь, а именно — предоставлять дело пропаганды нашим американским друзьям, имевшим возможность узнавать всякие новости раньше нас и понимавшим психологию американцев во всяком случае лучше, чем германские императорские агенты. Ведь слова «немецкий пропагандист» стали в Америке бранными... Был образован «Гражданский комитет для погрузки предметов питания», деятельность которого распространилась по всей стране и была явно сочувственна Германии. Специальная комиссия, с доктором фон-Махом во главе, провела месячную пропаганду по всей стране, с целью получить средства, необходимые для снабжения молоком немецких детей. Возник даже смелый план постройки подводной лодки, чтобы провезти молоко через английскую блокаду. Большая часть американской прессы яростно нападала на такого рода пропаганду, но последняя безбоязненно продолжала свое дело,

¹ «My three years in America», p. 53.

собирала деньги, подавала протесты Государственному департаменту против отношения Антанты и т. п.

Доктору фон-Маху удалось обратить на это дело внимание президента, который горячо им заинтересовался и обещал позаботиться о том, чтобы молоко благополучно прошло через английскую блокаду и дошло невредимым до Германии. Вследствие этого Государственный департамент дал инструкцию американскому посольству в Берлине выпустить соответствующее воззвание. Тем временем известный американский журналист Мк. Клур вернулся из поездки по Германии, имевшей целью ознакомиться с ее положением; в течение этой поездки германские государственные учреждения оказывали ему содействие во всех отношениях. Он дал очень благоприятный отзыв о количестве имевшегося в Германии молока, равно как и вообще о детском питании. Началась неприятная полемика. Мк. Клур не уступал. К несчастью Государственный департамент опубликовал такой же благоприятный отчет американского посольства в Берлине, который, будучи опубликован с одобрения немецкого министерства иностранных дел, окончательно уничтожил доктора фон-Маха. Этот инцидент произвел в Америке чрезвычайно тяжелое впечатление и привел к ряду жестоких нападок на доктора фон-Маха, равно как и на все движение, выказавшееся таким образом в очень неприглядном свете.

Благоприятный отчет по вопросу о молоке был составлен доктором Е. А. Тэйлором, а фактически инспирирован германскими властями.¹

Германский посол рассказал этот инцидент для того, чтобы дискредитировать центральные власти, но, может быть, именно на него должна быть возложена главная ответственность за ведение политики, которая, — как он должен был это знать — не одобрялась центральными властями. В данном случае здравый смысл был пожалуй на стороне Берлина, так как там понимали, что опубликовать о недостатке молока значило бы поддержать упорство противников и, в частности, еще крепче стянуть сжимавшее Германию кольцо экономической блокады.

Там, на месте, Бернсторф придавал должное значение сентиментальному призыву, и в этом он был прав; но он не желал подчинить свои взгляды взглядам центральных властей и воздержаться от поощрения такой пропаганды, которая весьма вероятно принесла бы больше вреда, чем пользы. Этот инцидент иллюстрирует необходимость согласованности между работниками центра и работниками периферии, так как все же в некоторых отношениях был прав Бернсторф, а в других — центральные власти. В большинстве случаев Бернсторф бывал лучше осведомлен, чем

¹ Бернсторф, *My three years in America*, S. 259.

Берлин. Согласованность действий достигается главным образом благодаря однородности персонала, и лишь очень мало зависит от механизма организации.

Хотя при обсуждении организации пропаганды мы и касались до сих пор только проблем управления, однако для лица, изучающего политические науки, не существует более интересного вопроса организации, чем вопрос о правильных взаимоотношениях между законодательным аппаратом и полем деятельности пропаганды.

Пропаганде можно поставить в упрек ее содействие личным и партийным интересам, но трудно бывает провести демаркационную линию между частной выгодой, которая получается *попутно* с законной общественной выгодой, и теми случаями, когда частная выгода преобладает. Член английского парламента обратил однажды общее внимание на хвалебную иллюстрированную биографию премьер-министра, — биографию, которая была издана за общественный счет как материал британской военной пропаганды. Конечно можно утверждать, что для поддержания военного духа особенно необходимо доверие к премьер-министру и что такой расход был правилен и соответствовал моменту. Но на это можно возразить, что тон книги был слишком преисполнен лести и давал полное основание заподозрить ее в пристрастности.

Криль сделал однажды ложный шаг, возблагодарив бога за то, что Соединенные Штаты не были готовы к войне. Республиканской партии это показалось самой беззастенчивой попыткой обелить демократическое правительство, и в стенах Конгресса возгорелись яростные споры. Рэйни пришел на помощь осажденному главе Комитета общественной информации, напомнив палате, что в течение шестнадцати лет кряду власть находилась в руках республиканцев и перешла к демократам лишь за два года до европейской войны, — так что если председатель и возносил благодарения, то они относились более к республиканцам, чем к демократам.

Иногда в целях общих интересов является необходимость в сокрытии некоторых фактов, но в этом отношении могут произойти злоупотребления, ибо такое сокрытие фактов совпадает с интересами власть имущих, всегда стремящихся избежать критики. В законодательных палатах относятся

с подозрением ко всяким проявлениям партийной таинственности. В то время, когда американская авиационная программа была предметом неприятного внимания, Комитетом общественной информации распространялись фотографические изображения аэропланов с такого рода надписями: «Хотя уже и погружены сотни, но наши фабрики выпускают их массами, и скоро последуют тысячи за тысячами». Ясно, что если сообщения такого характера будут циркулировать среди американской публики, то она с раздражением будет смотреть на депутатов оппозиции, порицающих правительство за несостоятельность его авиационной политики. Тогда республиканские депутаты обратили свою тяжелую артиллерию на комитет. Комитет утверждал, что он строил свой оптимизм на авторитетном свидетельстве воздухоплавательных властей. Повидимому это и было так, — однако такого рода сообщение давало обществу преувеличенное понятие о положении дел.

В другом случае имелось полное основание заподозреть, что морские власти пользовались комитетом для введения общества в заблуждение. 4 июля 1917 г. публика поздравляла друг друга с благополучным прибытием американских транспортов на ту сторону океана, хотя они и «были дважды атакованы германскими субмаринами». Но одновременно с этим корреспондент «Объединенной прессы», находившийся на борту одного из транспортов, прислал сообщение, в котором говорил, что море было спокойно и что путешествие прошло без приключений. Даже такие правительственные органы, как «Нью-Йорк Таймс» присоединились к требованию объяснений. Республиканцы разразились громовой тирадой против Комитета, морского министерства и всего правительства. В конце концов оказалось, что транспорты шли четырьмя эшелонами, и что два эшелона прошли спокойно, а два — имели стычки с субмаринами. В этом случае общество было неумышленно встревожено кажущейся выдумкой, и Конгресс поступил правильно, рассеяв сомнение. Но он сделал это обидным способом, рассчитанным на то, чтобы уменьшить общественное доверие к прямоте и компетентности лиц, ответственных за войну.

Пропаганда, непомерно превозносившая верховных главнокомандующих Англии и Франции, привела к тому,

что большая часть английского общества стояла за Китченера еще долго после того, как лица, более осведомленные, уже знали о недостатках этого «лорда К. из хаоса». Французы продолжали доверять Жоффру долго после того, как для людей знающих выяснилось, что его твердость граничит с глупостью, а его спокойствие — с тупостью. Законодательным палатам и кабинетам пришлось затратить не мало труда, чтобы придумать удобные способы для устранения этих вождей и для очищения пути более талантливым главнокомандующим. Им приходилось примирять расходившиеся между собой требования компетентности и общественного доверия.

Другая опасность злоупотребления пропагандой заключается в возможности использования ее в целях коммерческих и классовых. Имевшая место в парламенте атака британского министерства пропаганды исходила от Лейф Джонса, отметившего некоторые подозрительные обстоятельства. Прежде всего он указал на прикосновенность к деловому миру наиболее видных лиц министерства:

Лорд Бивербрук... состоит директором семи обществ (говорят, что он оставил активное управление ими)... Снэг, секретарь министерства, является директором девяти обществ и заинтересован главным образом в резиновом производстве. Директор пропаганды в Скандинавии и Испании Гэмбро — член парламента, банкир и директор железнодорожных обществ... Директор пропаганды в Швейцарии Гиннес — директор девяти обществ... Полковник Брайн, работающий по американской пропаганде, состоит директором шести обществ и заинтересован главным образом в судоходстве и судостроении. Полковник Галлоуэй, помощник директора по делам призрения, является директором пяти или шести обществ. Кенлиф Оуэн числится директором 36 обществ. Насколько я знаю, эти общества образуют один крупный табачный трест, помощником председателя которого состоит Кенлиф Оуэн. Этот последний джентльмен управляет пропагандой всей Азии и Дальнего Востока, включая и Японию.

Далее он переходит к сути дела:

У меня есть описание замечательной демонстрируемой в настоящее время фильмы... Заглавие картины — «Гуни всегда останутся гунном». Прежде всего она показывает двух немецких солдат в разрушенном французском городе. Они встречают женщину с ребенком на руках и сбивают ее с ног. Потом эти два солдата обращаются постепенно в коммивояжеров и после войны появляются в английском селении. Один из них входит в небольшую сельскую лавочку и показывает лавочнику миску. Сначала лавочник заинтересовался тем, что ему предлагают для торговли, но потом входит его жена, переверты-

вает миску и видит, что на ней помечено «Made in Germany». ¹ Она раздражается гневом по адресу этих комми-вояжеров и призывает полисмена, который и выставляет их из лавки. Последняя надпись на экране гласит, что после войны никоим образом не следует вести с этими людьми торговых дел, а затем следует подпись «министерство пропаганды».

Вопрос о послевоенной торговой политике должен быть конечно решен страной, и я надеюсь, что министерство пропаганды не намеревается решать его самостоятельно, прежде чем нам будет предоставлена возможность хотя бы только обсудить этот вопрос правительственной политики.

В приведенном случае было нечто большее, чем простой намек на то, что интересы капиталистов извращают национальную пропаганду. Не подлежало сомнению, что министерство пропаганды уже заранее обязывает страну к политике, вопрос о которой еще не был решен законодательными органами. Знаменитое заявление лорда Нортклифа в конце войны имело приблизительно тот же смысл. Нортклиф был членом комиссии, назначенной британским кабинетом для изыскания формул мирных условий (целей войны). Он работал с представителями военного кабинета, адмиралтейства, военного министерства, Комитета целей войны и официального бюро печати.

«... Принятые формулы были объявлены лордом Нортклифом в первый раз в Лондоне 22 октября 1918 года в речи, обращенной к должностным лицам Соединенных штатов. 4 ноября они были опубликованы в «Таймсе» под заглавием: «От войны к миру», откуда их перепечатали все газеты.

Всегда возможно, что пропаганда повредит группам меньшинства в стране. Члены парламента от Ирландии восставали против этого министерства из-за некоторых видов пропаганды в Америке. Так, Дэвлин заявляет:

Одна из книг, изданных в Америке, носит название «Угнетенные англичане» («The oppressed english»); ее написал Ян Хэй (Jan Hay). Издание было оплачено министерством пропаганды. Хотя книга эта была распространена по всей Америке, но в Англии она не была разрешена. Она представляет собой сплошной вымысел.

Так как дело пропаганды в большом масштабе было в демократических государствах нововведением последней войны, то и контроль законодательных палат над расходами

¹ Изготовлено в Германии.

на это был вначале слабо организован. Фонды для британской пропаганды брались большей частью из сумм, назначенных «на иностранную и другие секретные службы его величества». Бюро Криля было создано в административном порядке и финансировалось из тех ста миллионов долларов, которые назначались ежегодно президенту на общее обеспечение обороны страны. Когда нападки на бюро Криля достигли апогея инсинуаций и недоверия, Криль решил добиться расследования со стороны бюджетной комиссии, и обратился к Конгрессу с просьбой о назначении ему определенной суммы. После обсуждений, которые заняли три дня, комиссия назначила этому бюро 1 250 000 долларов и одобрила его предшествовавшую деятельность. В будущем вероятно окажется возможным с самого начала получать на дело пропаганды прямые назначения.

Во время мировой войны законодательные палаты обсуждали подробности организации пропаганды довольно свободно. О'Коннор старался уничтожить введенную в начале войны стеснительную систему цензуры, которая возбудила против себя такой протест в кругах американских журналистов. В сентябре 1914 года он заявил:

Нет на свете другого общественного мнения, которое так нуждалось бы в верном осведомлении о причинах, событиях и ходе этой войны, как мнение Соединенных Штатов Америки.

Конгресс был далеко не сдержан, критикуя деятельность Комитета общественной информации. Сенатор Лодж, торжественно предостерегая от германской пропаганды мира, резко напал на книгу под заглавием «Две тысячи вопросов и ответов о войне», ⁽⁸⁾ изданную Комитетом с предисловием, написанным самим Крилем. Одно из должностных лиц «Национальной лиги безопасности» назвало эту книгу *chef d'oeuvre* германской пропаганды. Криль заявил в свое оправдание, что он написал предисловие, не прочитавши книги, полученной им от Альберта Шоу, который в свою очередь получил рукопись от англичанина несомненной честности; что им овладело беспокойство относительно этого документа, когда он обратил внимание на некоторые места книги, и что теперь он ее пересматривает.

В другом случае сенатор Пойндекстер, бывший во время войны чем-то в роде «цепного пса», обвинял Комитет в том,

что он выступает защитником немцев, так как засвидетельствовал сообщение, отрицавшее историю американского сержанта, распятого немцами.

Сенатор Ленрут из Висконсина защищал правительство, говоря:

Существовало убеждение, будто это (распятие и подобные зверства) являлось делом обычным. Если же это было не так, то военное министерство было обязано опровергнуть этот факт. Родители нашей молодежи страдают достаточно и без того, чтобы заставить их еще думать, что наши американские солдаты, попавши в плен, могут быть подвергнуты невыразимым пыткам.

Протоколы законодательных палат переполнены записями о нападках на персонал службы пропаганды. Характер этой критики станет понятным из следующих замечаний Конгресса по адресу Криля:

Пенроз (сенатор от Пенсильвании.) Я не понимаю, почему таким лицам, как Криль, чьи непристойные и клеветнические выражения по адресу конституции Соединенных Штатов были здесь на днях прочитаны, мы позволяем занимать важный пост и издавать газеты, когда он целиком замаран грязью измены.

Лонгуорт (представитель от Огйо). — Г-н председатель, если мне и приходится извиняться перед этой палатой и еще кем-либо за те мнения, которые я высказывал об этом человеке, оскорбившем третьего дня патриотическое чувство американского народа, а сегодня оскорбляющего Конгресс, — то только в том, что мой язык был слишком умеренным.

Шерман (сенатор от Иллинойса). — Конгресс опозорен этим чиновником, ставленником исполнительного власти, но получающим деньги от того учреждения, которое он поносит... После этого всякий закоренелый эгоист, зараженный все возрастающим сомнением, может лягнуть Конгресс своим копытом, а потом обратиться к нему же за денежками на свое пропитание, вежливо уверяя, что прецедент оправдывает все.

Неприкосновенностью членов Конгресса пользовались так беззастенчиво, что Крилю пришлось заметить:

Могут небеса обрушиться, земля — исчезнуть, но право членов Конгресса лгать и бесчестить останется нерушимым.

В Англии лорд Нортклиф и другие подвергались жесточайшей критике, но парламент вел себя с большей сдержанностью и достоинством, чем Конгресс.

Из этого обозрения отношений между законодательными учреждениями и Бюро пропаганды становится достаточно ясным, что тут должно неизбежно открыться широкое поле для недоразумений, критики и подозрений. Если законодательная власть не будет осведомлена о работе пропаганды и не отнесется к ней критически, то отделы пропаганды могут уклониться в сторону интересов партийных, личных и классовых. Если же законодательная власть отнесется с излишне большой критикой, то может быть разрушена вера общества в своих вождей, и моральное настроение будет ослаблено. А раз это зависит от добровольной сдержанности законодательных учреждений, то, зная человеческую природу, нельзя рассчитывать, чтобы мог быть найден удовлетворительный средний курс. Единственная надежда заключается в установлении между администраторами и законодателями доверчивых, неофициальных отношений, дополняемых призывом к гласности в тех случаях, когда такой образ действий кажется законодателю допустимым. Личные объяснения за обеденным столом, в клубе на диване или на углу улицы — вот что способствует устранению трений в большой и сложной государственной машине.

Этим мы заканчиваем рассмотрение проблемы организации пропаганды во время войны в целях воздействия на международные отношения. В последующих главах будет сделан очерк психологических влияний, которые повидимому необходимы для достижения механизмом пропаганды поставленной ему цели, т. е. для возбуждения ненависти против неприятеля, для поддержания дружественных отношений с союзниками и нейтральными государствами и для деморализации противника.

ВИНОВНОСТЬ В ВОЙНЕ И ЦЕЛИ ВОЙНЫ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ противодействие войне со стороны современных народов так велико, что каждая война должна быть представлена в их глазах обороной против угрожающего, жестокого зачинщика. Не должно быть колебаний по отношению к тому, кого нужно ненавидеть. Причиной войны не должны выставляться ни мировая система управления международными делами, ни тупость и недоброжелательство правящих классов, но исключительно хищнические инстинкты неприятеля. Преступность и простодушие должны быть разграничены географически, причем вся преступность должна находиться по ту сторону границы. Для возбуждения в народе ненависти к противнику пропагандист должен позаботиться, чтобы циркулировало все, что устанавливает исключительную ответственность неприятеля. Отклонения от этого курса могут быть допущены лишь в известных случаях, которые мы современем перечислим, но лейтмотив должен быть таков.

Правительства Западной Европы никогда не могут быть уверены в том, что сознающий свои классовые интересы пролетариат их страны откликнется на их призыв к войне. Уже до 1914 года рост социал-демократии в Германии, мода на антипатриотизм во Франции и восходящая звезда рабочих в Англии вызывали опасения правящих классов. Открыто предсказывалось, что мобилизация может оказаться парализованной общей забастовкой, а может случиться, что подымет свою голову и социальная революция.

К ненадежности пролетарских чувств должны быть присоединены капризы примиренческих настроений. Когда в 1914 году в Великобритании возник кризис, сразу стало ясным, что наиболее крупные силы кабинета, партия либералов, литературный и даже финансовый мир противятся вмешательству на помощь Франции. Столбцы газет «Daily

News» — либерального органа левых, другого либерального органа «Manchester Guardian» и «Labour Leader» были наводнены письмами, передовицами и выражениями протеста против идеи британского участия в угрожающей континенту борьбе.

Вспомним, предостерегает 29 июня «Daily News», что

с нашей стороны самым действительным средством для сохранения мира будет открытое заявление, что ради русской гегемонии в славянском мире не будет принесено в жертву ни единой жизни британца.

На следующий день там писалось, что

свободные народы Франции, Англии и Италии должны бы отказаться быть вовлеченными в круг этой династической борьбы.

1 августа та же газета опубликовала ярый протест против вмешательства, — протест, подписанный хорошо известными инициалами «A. G. G.» и озаглавленный: «Почему мы не должны воевать».

Годы умелой пропаганды лорда Нортклифа, м-ра Стрэчи, м-ра Максе и милитаристов привели страну в антигерманское настроение, совершенно необъяснимое фактами. Где во всем мире сталкиваются наши интересы с интересами Германии? Нигде. С Россией же возможны конфликты и в отношении всей юго-восточной Европы, и в отношении южной Азии.

Лондонский епископ, а также Дж. Рамсей Мак-Дональд, Кейр Харди, Томас Харди, Дж. Дж. Томсон, Джильберт Мёррэй и множество других меньших знаменитостей протестовали по различным причинам против оказания Англией помощи Франции и России. Большинство этих лиц не были интернационалистами-пролетариями и находили причины возражать против войны, опираясь на национальные интересы Англии. Большинство из них понимало, что при известных условиях война может быть явлением законным, но в решительный час они все-таки отказывались верить, что этот час уже настал.

Примиренческое настроение склонно занимать выжидательную позицию и выискивать разные причины для отсрочки решений.

С другой стороны деловые и банковские интересы, захваченные врасплох перспективой неминуемой войны, также могут тормозить дело. Всем известно, что такие между-

народные банкиры, как Шпейеры и Бонны, во время первого и второго марокканских кризисов оказались задерживающей силой. Менее успешный пример подобного же давления на политические власти разоблачен Викгемом Стидлом в лондонском «Таймс'е». В разгар кризиса 1914 года финансовый издатель этого органа, Гюг Чайшольм, был спешно приглашен к главе одного из наиболее крупных банкирских домов Сити. Финансист объявил ему напрямик, что передовицам «Таймс'а», ратующим за войну, должен быть положен конец. Они гонят страну к войне. Лондонское Сити находится накануне такой катастрофы, какой не было еще во всем мире. Строгий нейтралитет — вот единственный курс для Англии. Он показал только-что написанное им распоряжение парижскому отделению своей конторы, в котором с тревогой заявлял, что для платежей по обязательствам у него имеется всего лишь один миллиард ¹ фунтов стерлингов в Английском банке и восемьсот тысяч в объединенном Лондонском банке и банке Смита (Union of London and the Smith's Bank), что поступления слабы и что поэтому парижское отделение должно воздерживаться от выдачи чеков и счетов на него.

Можно добавить, что «Таймс» не поддался этому давлению, хотя на некоторых членов кабинета приведенное заявление подействовало весьма сильно. ²

Для устранения подобных нежелательных течений нужно пользоваться всякими средствами. Доказательства того, что данная страна враждебна нам, могут быть установлены тремя путями. В моменты кризисов она всегда вооружается первой (открыто или тайно) и ведет себя вызывающе, чем обнаруживает преступное стремление довести дело до конца. Более того, она всегда выдает себя тем, что во время лихорадочных переговоров, предшествующих окончательному разрыву, старается выставить зачинщиком наше правительство. За всем этим кроется целый ряд незаконных, жестокости и лукавства, неоспоримо доказывающих заранее обдуманное намерение погубить нас.

Весьма типичен обвинительный акт, помещенный 3 августа 1914 г. в «Le Petit Journal» одной из «пяти больших»

¹ В подлиннике — биллион. (Прим. перев.)

² Steed, Through thirty years, II, p. 8.

парижских газет. «Le Petit Journal» давал свою версию войны в статье под заглавием «Двоедушные, достойное Макиавелли». В этой статье сообщалось, что Германия тайно потворствовала составлению неприемлемого для Сербии ультиматума. В то же время она объявляла во всеуслышание о своем желании мира. Она пыталась посеять раздоры между союзниками, уговаривая Францию оказать на Россию то давление, которое она сама не хотела применить к Австрии. Приглашая Францию объявить о своем союзе с Россией или о своей готовности сражаться вместе с ней, она пыталась представить Францию в глазах Англии стороной нападающей. Германия начала военные действия против Франции и заняла ее территорию до разрыва дипломатических сношений. Она нарушила нейтралитет Бельгии, только-что давши торжественное обещание защищать его. Поступая так, она действовала в силу своих исторических традиций жестокости и варварства. Тому примеры — Фридрих Великий и ограбление Марии Терезии.

Такого рода обвинительные акты имеют особый вес, когда исходят от историков и других лиц, которые в глазах общества искренно стремятся к истине. Во время последней войны ученые мужи Германии сыграли в руку правительства знаменитой, незабываемой декларацией, подписанной девяносто тремя из ее наиболее известных мыслителей. Под этим документом стояли такие имена, как Эрлих, Беринг, Рентген, Оствальд, Гарнак, Шмоллер, Брентано, Нернст, Гауптманн, Зудерманн, О'Клен, Вундт, Эдуард Мейер, Лампрехт, Виламовиц, Гумпердинк, Рейнгардт и Либерман. Серьезные историки и журналисты объединяли свои силы для разъяснения ответственности врагов Германии в таких «кооперативных» попытках, как например, книга «К историческому пониманию великой войны»¹ А. О. Мейера, графа Эрнста Ревентлов, Р. Неберсбергера, Беккера, Г. Кюнцеля и Ф. Мейнеке (2-е изд. Berlin 1916). Смелая политика России в Европе после ее посрамления Японией на Востоке, стремление к реваншу во Франции и завистливое отношение Англии к расширению Германии — вот главные пункты толкования войны. Непосредственно предшествовавшая конфликту дипломатия показала, что

¹ «Zum geschichtlichen Verständniss des grossen Krieges».

Россия, тайно поддерживаемая Францией, ухватилась за сербское осложнение для провоцирования всеобщей войны. Россия мобилизовалась раньше всех и заняла германскую территорию так же, как и Франция, до прекращения дипломатических сношений. Завистливые англичане, внешне нейтральные, но связанные тайными договорами, ухватились за возможность раздавить соперника, морскому и торговому первенству которого должен быть во что бы то ни стало положен конец, хотя бы за счет морали и приличия.

Кризис разразился в отношении Франции и Бельгии с такой всепарализующей внезапностью и такими разрушительными последствиями, что не было особенной надобности в исцепывающих рассуждениях для выяснения зачинщиков войны. Немцам приходилось давать объяснения по поводу войны на западе, так как там они находились на чужой территории и поэтому действительно являлись нападающею стороною. В Англии, где территория оставалась неприкосновенной, — а вопрос о том, быть ли войне или миру, пребывал нерешенным в течение многих тяжелых часов после того, как на континенте жребий был уже брошен, — там споры и рассуждения оказывали большое влияние. Для того чтобы убедить наиболее миролюбивые элементы страны в том, что к Германии надо относиться как к ближайшей и главной опасности, требовались мастерские (в стиле «Таймс'а» от 31 июля) призывы-напоминания о национальных интересах. Рассуждали так:

Германское продвижение через Бельгию на север Франции может дать возможность Германии занять Антверпен, Флюссинген и даже Дюнкирхен и Кале, которые могут тогда стать ее морскими базами против Англии. К такой возможности ни один англичанин не отнесется равнодушно. Но ведь это только возможность, — почему же Англии, прежде чем переходить к действиям или начинать к ним готовиться, не подождать, чтобы эта возможность осуществилась? Потому, что в эти дни быстрых решений и еще более быстрых действий слишком поздно было бы выступать Англии с надеждой хоть на минимальный успех, после того как Франция окажется разбитой на севере...

Даже если германский флот и будет продолжать бездействовать, все же занятие германскими войсками Бельгии и северной Франции нанесет сокрушительный удар британской безопасности. Тогда нам придется одним, без союзников, нести бремя содержания флота, превосходящего германский, и пропорционально сильной армии. Это бремя было бы для нас разорительно.

В Соединенных Штатах, где вопрос войны и мира взвешивался дольше, чем в Великобритании, разногласия относительно того, за какими группами враждующих держав скрывается неприятель (Соединенных Штатов), вызвало неимоверное количество суждений, годных для пропагандистов любой стороны. Историки и другие искатели правды были не более сдержанны, чем их немецкие коллеги, сваливая вину ужасов войны, раз война началась, на неприятеля. Удивительным фактом является то, что при таких критических обстоятельствах искатели правды находят несколько различных истин. Та легкость, с которой горячие и искусные люди могут при спорах придавать фактам ту или иную окраску, не оставляет сомнения в том, что в будущем пропагандист всегда может рассчитывать на целый батальон честных профессоров, которые перепишут историю заново так, что она сможет служить требованиям момента и будет снабжать его подходящим материалом для разброски по всем направлениям.

В натуре людей несомненно существуют глубоко заложенные психологические предпосылки, облегчающие работу пропагандиста и закрепляющие виновность в войне за неприятелем. В чем точно заключаются эти предпосылки — дело темное и спорное, но возможно, что самым остроумным объяснением этого является выдвинутое Башвитцем, который определяет настроение общества как конфликт между неприятным фактом войны и желанием верить, что в мире всегда должно восторжествовать добро. Поэтому конечно, народ, к которому я принадлежу, защищает добро против зла.¹ Теории такого рода в высшей степени рискованны, и пропагандист рад-радехонек всякой помощи от своих анонимных союзников, пока он спешно увеличивает арсенал доказательств ответственности неприятеля. Он поощряет или приветствует такой счастливый случай, подкрепивший в последнюю войну сторону Антанты, как появление красноречивой книги под заглавием «J'accuse»² (Лозанна 1915 г.), написанной Ришаром Греллингом, уроженцем Швейцарии, хорошо изучившим Германию. Он настраивает себя на контратаку против лживых нападок,

¹ Baschwitz, Der Massenwahn,

² «Я обвиняю».

сфабрикованных немцами, которые заставили сына Греллинга, Курта, опубликовать в Цюрихе в 1916 г. «*Anti-j'accuse*». По мере развития войны он выискивает новый материал, как это делали немцы, когда они обыскивали бельгийские архивы в поисках документов, могущих служить обвинением для Антанты, и широко распространяли все, что казалось им подходящим для этой цели.

Когда пропагандист укрепит за неприятелем вину стремления к войне, тогда только начнется его настоящая деятельность. Едва лишь неприятель определился, немедленно все народы обнаруживают запас энергии, накопившийся у них в часы и дни неопределенности, и проявляют его мгновенно в актах обороны и контратаки. В самом акте нанесения ударов народы призывают к сплоченности и победе. Дело пропагандиста дополнить и повторить этот призыв.

Уже 29 июля 1914 года лондонский «Таймс» призывал все партии «сплотить ряды». Кайзер объединил за собой весь народ, когда объявил, что для него не существует более партий. В Италии появился фашизм, а французский парламент объявил «*union sacrée*». ¹ Сенсационный призыв Густава Эрве к рабочим разошелся широко и далеко. Эрве был известным «*sans-patrie*», ² не признававшим патриотизма и считавшим его орудием капитализма. В самом начале войны он изменил название своей газеты «*La Guerre Sociale*», ³ назвав ее «*La Victoire*», ⁴ и вместе с другими, со всем жаром своего пламенного сердца призывал к сплоченности:

Amis socialistes, amis syndicalistes, amis anarchistes, qui n'êtes pas seulement l'avant-garde idéaliste de l'humanité; mais qui êtes encore le nerf et la conscience de l'armée française, la patrie est en danger! La patrie de la Révolution est en danger. (⁹)

«Друзья социалисты, друзья синдикалисты, друзья анархисты, — вы, являющиеся не только идеалистическим авангардом человечества, но также нервом и совестью французской армии: Отечество в опасности! Родина Революции в опасности!»

В британской империи лозунг «король и страна призывают вас» похоронил замыслы Ирландии и дал доброволь-

¹ «Священное единение».

² «Человеком без отечества».

³ «Социальная война».

⁴ «Победа».

цев со всех концов английских владений. В целях прославления сплоченности Великобритании было издано большое количество богато иллюстрированных книг, изображавших историю британской благотворительности и помощь, оказываемую ею на фронте. Такой была например книга «Индия и война», с предисловием, написанным лордом Сэйденгэмом (1915 г.); книга эта восхваляла британское владычество над Индией и была наполнена раскрашенными иллюстрациями, изображавшими индийские войска в национальных формах.

Призыв к единению является главным образом призывом вспомнить историю, — а такое написание об общем прошлом имеет большую сентиментальную ценность. 2 августа 1914 г. французская газета «La Libre Parole»¹ обратилась к своим читателям так:

Haut les coeurs! La France de Jeanne d'Arc, de Louis XIV et de Napoléon, la France de Bouvines, de Valmi, de Jena et de Montmirails n'a rien perdu des ses antiques vertus.

Будем отважны! Франция Жанны д'Арк, Людовика XIV и Наполеона, Франция Бувиня, Вальми, Иены и Монмирая не утратила ничего из своей прежней доблести.

Для того чтобы оправдать — несмотря на убийства и ненависть, — воинствующий идеализм, нельзя пренебрегать ни одним из чувств, глубоко врезавшихся в общественные традиции. К историческому словарю может быть добавлен религиозный. Эти струны не были никем затронуты с большим драматизмом, чем кайзером Вильгельмом II, когда он, глядя в тот создававший эпоху июльский вечер на волновавшуюся в Люстгартене толпу, сказал:

— Роковой час настал для Германии.

Всюду завидующие нам народы принуждают нас к справедливой защите.

Меч вложен в наши руки насильно. Я надеюсь, что если моим усилиям не удастся в последний час образумить противника и сохранить мир, то с божьей помощью мы сумеем так действовать мечом, что с честью вернем его потом обратно в ножны.

Война потребует от нас огромных жертв и имуществом и жизнью, но мы покажем нашим врагам, что значит бросить вызов Германии.

Теперь я поручаю вас богу. Идите в церковь и коленопреклоненно молитесь о помощи нашей доблестной армии.

¹ «Свободное слово».

Уместным может оказаться даже такое излишество чувств, как в «символе веры», изготовленном для Франции Анри Лаведаном:

Верую в храбрость наших солдат и в искусство и преданность наших вождей. Верую в силу справедливости и в крестовый поход цивилизации. Верую во Францию, вечную непоколебимую, необходимую. Верую в награду страждущим и в ценность надежды. Верую в доверие, в спокойную мысль, в скромный ежедневный труд и дисциплину, в милосердие воюющих. Верую в кровавые раны и в благодать святой воды, в огонь артиллерии и в пламя поставленных по обету свечей; в шарики четок. Верую в благоговейные обеты старцев и истинную непорочность детей. Верую в молитвы женщин, в неусыпный героизм жен, в спокойное благочестие матерей, в святость нашего дела, в незапятнанную славу нашего знамени. Верую в наше великое прошлое, в наше великое настоящее и в наше еще более великое будущее. Верую в наших сограждан, живых и умерших. Верую в руки, сжатые в кулак для борьбы, и в руки, сложенные для молитвы. Верую в нас самих, верую в бога. Верую, верую. ⁽¹⁰⁾

Такой вид словесного бреда способен на многое, — как мы это видим, например, когда Альберт де-Мюн, почтенный вождь католиков, торжественно умоляет бога «помочь сынам Хлодвига», намекая на одного из варварских тевтонских вождей древней истории Франции. ⁽¹¹⁾ А на изящных фразеров в роде Мориса Барреса, считавшего, что во Франции царит дух «серьезного энтузиазма, дисциплинированной экзальтации», можно положиться, что они снабдят нас летучими словами, приемлемыми для умов, менее религиозно настроенных.

Для подавляющего большинства населения каждого государства достаточно бывает цели разбить неприятеля во имя своей безопасности и обеспечения будущего мира. Такова великая цель войны, и в единодушном стремлении к ее достижению находят то «миролюбие в войне», о котором писал однажды Принципал Джекс. ¹ В 1915 году он оглянулся назад на первые 12 месяцев войны и заметил, что «жизнь Великобритании приобрела единую цель; сама цель воинственна, но достигается она усилением миролюбивого настроения». Он бросил желчный взгляд на довоенный мир и написал: «С точки зрения нравственности он был аренной неопишемого беспорядка. Это был фактически нравственный хаос. Вследствие этого наше внутреннее состоя-

¹ «New republic» 11 сентября 1915 г.

ние отличалось отсутствием спокойствия». Раньше не знали, что делать, теперь нашлась цель. Пропагандист действительно может всегда рассчитывать на состояние умов, так хорошо здесь описанное. Мужья, имеющие неподходящих жен; жены, страдающие от несходства характеров с мужьями; юноши с обманутыми надеждами; люди зрелого возраста со своими заботами и робким стремлением к приключениям; бездетные женщины и некоторые не имеющие жен мужчины; люди опозоренные и стремящиеся начать жизнь сызнова, — все они и многие другие находят умиротворение от нравственной борьбы в упоении жизнью в такой исторический час и для такой исторической цели.

Однако, простого призыва к единению и победе (с последующим затем миром) недостаточно. Ведь, неизвестно еще, какую форму примет победа. Есть пытливые умы, которые торопят с формулой победы и пытаются ее подсказать. А так как военная задача пропаганды заключается в том, чтобы возбуждать честолюбие и укреплять стремление к окончательному преодолению всякого сопротивления, то нужно представить неприятеля в таком виде, чтобы он казался более чем угрозой социальному наследию; неприятель — это препятствие к реализации новых национальных ценностей. Для людей дипломатического склада ума эта война может стать войной за распространение национального влияния в отношении земель, концессий и портов. Секция руководства общественным мнением в Германии была более чем насыщена видениями униженной Англии с ограниченным флотом и мечтаниями о разделах Франции и России. В Англии в этих кругах наиболее популярной целью войны являлся разгром германского флота. Для Франции победа обещала возврат Эльзаса и Лотарингии и раздел Германии.

Впрочем встречаются люди, для которых война — отвратительная гнусность и которые упорно отказываются верить, что стремление уничтожить личного врага стоит продолжения всех связанных с войною передраг.

Пропагандист, имеющий дело с таким образом мыслей, должен действовать тоньше, чем в том случае, когда он имеет дело с «карательным» направлением умов. Если хотят, чтобы люди, мыслящие подобным образом, присоединились к остальным в деле осуждения неприятеля, то нужно,

чтобы они увидели в противнике величайшее препятствие к осуществлению новых мировых условий. Если хотят сделать из них сторонников войны, то представленные им цели войны должны быть в высшей степени рациональны и идеальны.

Такого сорта пропаганда играла в последней борьбе за мировую гегемонию решающую роль, — и понятно, почему. Если мы проследим за проявлениями общественного настроения в Англии в недели, непосредственно предшествовавшие кризису 1914 года, то должны будем заметить многочисленные признаки особого антивоенного возбуждения. В лондонском органе «Daily News» от 15 июля была напечатана передовая статья под заглавием «Гидра милитаризма», заявлявшая, что действия воинствующей клики:

космополитичны в своих проявлениях и низменны по своим мотивам; они рассчитаны на страх и ненависть людей невежественных; для достижения своих целей эта клика использует прессу, а также дипломатов и государственных деятелей, многие из которых материально заинтересованы в успехе этого дела.

Несколько дней спустя названная газета опять вернулась к этому предмету, спрашивая:

почему одно (дуэль) было упразднено, а другое (война) оставлено? На это имеется только один ответ, а именно — тот, что при вооруженных столкновениях играют роль деньги, чего не бывает при дуэлях.

В течение этих же недель во всех обозрениях говорилось о новой книге Брэзльсфорда под заглавием «Война стали и золота».¹ Не утихала полемика по поводу тезисов Нормана Анджелла в «Великой иллюзии».² Спокойное влияние Джона Гобсона и многих других публицистов либеральных и рабочих кругов помогло притти к экономическим толкованиям войны. Их писания менее отзывались доктринерством, чем подобные же статьи на континенте.

Во всяком случае социалисты Франции и Германии вопили громче английских, понося войну и ее «поджигателей». Но когда настал решительный момент, то доказательства

¹ The War of Steel and Gold.

² См. его письмо против вмешательства Англии в конфликт, помещенное 1 августа 1914 г. в «Таймс» и написанное в сильных выражениях.

виновности неприятеля были для них так подавляющи, что и они присоединились к войне. Это решение раскололо социал-демократов в Германии и образовало фракцию недовольных во Франции. Однако, по мере течения войны связанные с нею лишения способствовали возникновению прежнего непримиримого к ней отношения. Социалистические и демократические газеты Германии стали шипами на теле императорского правительства. Такой же поворот наблюдался и во Франции. К рабочим, жестоко кающимся в том обороте, какой приняло дело, присоединились и либеральные элементы, объединяемые такими лицами, как Леон Буржуа и Этурнель де-Констан; а после того, как были пережиты первые удары войны, стало до некоторой степени наблюдаться, как и в Германии, обратное движение.

Хотя во Франции и в Германии и делались такого рода уступки настроениям, но более всего внимания на них было обращено в Англии и Америке. В обеих этих странах войне предшествовал период колебаний. За образец пацифистически настроенного либерала можно считать Дж. Уэльса, — однако более умеренного, чем большинство; он дошел до сознания необходимости поддерживать войну ценою внутренней борьбы, и его исполненный энтузиазма призыв к длительной борьбе основывался на тщательно разработанных и сгруппированных рассуждениях о целях войны. Он писал 20 августа 1914 г. в лондонском «Daily Chronicle» следующее:

Не стоит начинать войну, которая только слегка пощиплет Германию, а потом опять восстановит ненавистное напряжение последних сорока лет. Такой конец всех наших усилий равнялся бы почти невыносимому поражению. Но все же это может случиться, если не будут установлены и объявлены во всеобщее сведение основные цели войны.

Уэльс видел конечно в «германском милитаризме» одно из колоссальнейших препятствий к осуществлению лучшего мирового порядка. Его образ мыслей как раз таков, что им легко может воспользоваться изобретатель целей войны: стоит только установить идеал, могущий возбудить энтузиазм тех национальных элементов, которые нуждаются в поддержке, и выяснить им, что главным задерживающим препятствием к этому идеалу является воинствующий неприятель. Это позволяет совестливым людям убивать

с чистой совестью или по крайней мере подстрекать к этому молодежь.

Когда большевики опубликовали дипломатическую переписку, которую они нашли после второй революции в архивах царского правительства, государственные деятели союзников были поставлены в чрезвычайно затруднительное положение, так как большевики разоблачили впервые, что союзные правительства раскраивали весь свет на большие куски и бросали жребий, кому что достанется. Это возбудило вопросы, очень смущавшие тех, кто толковал об этой войне как не похожей ни на какую другую войну, так как будто бы целью ее было прекращение войн и сохранение вселенной для демократии. Договорами, помеченными 1915 годом и позднейшими, владения неприятельских держав были распределены между их будущими владельцами даже без намека на плебисцит или на международный контроль. Несмотря на усилия союзных правительств воспрепятствовать распространению сведений об этих инкриминирующих документах в Великобритании, слух о них скоро дошел до британских рабочих лидеров, и они востребовали, чтобы потребовать объяснений у правительства. Ллойд-Джордж произнес 5 января 1918 года сенсационную речь, в которой он блестяще вышел из положения, обнародовав условия мира, приемлемые для миролюбиво настроенных элементов общества. Тайна истории этой речи вообще не была известна до опубликования после войны записок Вудро Вильсона. В этих записках была приведена секретная каблограмма Бальфура, английского министра иностранных дел, американскому государственному департаменту. Вот ее содержание:

Последующее — для сведения президента, частью и секретно. Уже несколько времени ведутся переговоры между премьер-министром и тред-юнионами. Главный пункт заключается в желании освободиться от обещаний, данных рабочим лидерам в начале войны. Это совершенно необходимо с военной точки зрения для увеличения военных сил на Западном фронте. В конце концов переговоры дошли до такой точки, когда их успешный исход оказался главным образом зависящим от немедленного опубликования британским правительством объяснения, излагающего его взгляды на цели войны. Теперь премьер-министром было дано такое объяснение. Оно явилось результатом совещания с рабочими лидерами, равно как и с лидерами парламентской оппозиции.

При таких обстоятельствах не оказалось времени для обмена

мнений с союзниками по поводу условий, на которых пришли к соглашению премьер-министр и вышеупомянутые лица. При рассмотрении их выяснится, что они согласуются с теми заявлениями, которые до сего времени были сделаны на этот предмет президентом.

Если бы самому президенту пришлось давать объяснение своих собственных намерений, что, в виду воззвания большевиков ко всем народам мира, могло оказаться желательным, то премьер-министр уверен, что такое объяснение было бы согласовано с общим направлением предыдущих речей президента, которые были так горячо встречены общественным мнением как в Англии, так и в других странах. Такое же заявление, сделанное вновь, встретило бы конечно прежний горячий прием.¹

Активному пропагандисту следует помнить, что либералы и средний класс населения окажутся вероятно склонными одобрить политические и юридические цели войны. Рабочая идеология покоится более или менее на суждениях экономического характера, оскорбляющих чувство собственности имущих классов. Если проблема реконструкции мира должна быть освобождена от видимого классового перевеса, то она должна быть понимаема как проблема политико-экономического характера, так как толки о мировом законодательстве и судопроизводстве благосклонно принимаются там, где с подозрением относятся к предложениям о распределении сырых материалов мировыми актами и о применении мирового обложения для уравнивания существующего неравенства. Фразы в роде: «Мировая организация», «Соединенные штаты мира»,⁽¹²⁾ «Мировая конференция»,⁽¹³⁾ «Мировой союз свободных народов», «Лига наций» и т. п., легко сползают с языка.

Таким образом война, которая ведется с целью поддерживать международные законы, будет иметь санкцию буржуазной морали, но последняя избегает всего, что носит классовый оттенок. В мировую войну указанная идея слагалась медленно. Когда было получено известие, что немцы вступили в Бельгию, то те, кто ратовал за участие Англии в войне, принимая в соображение интересы нации (см. «Таймс»), выбросили эти соображения за окошко и преобразовали войну в крестовый поход за «всемирную законность». Французы организовали «Комитет защиты международных законов», возглавленный Луи Рено из «Инсти-

¹ R. S. Backer, Woodrow Wilson and the World settlement, p. 40.

тута». ¹ Германцы были приведены в замешательство таким взрывом страсти к международным законам, но скоро нашли возможным «предъявить иск» этим защитникам. «Встречный иск» доказывал, что Бельгия не была на самом деле нейтральной, так как захваченные в ее архивах бумаги разоблачили тайные военные переговоры ее с Францией и Англией. К тому же англичане не соблюдали законов о контрабанде и посягали на права нейтральных держав в открытом море. Кроме того германцы сделали открытие, что в сущности они борются за свободу морей и за право мелких государств вести торговлю без опасения стать жертвой разбойничьей тактики английского флота. Союзники уже объявили войну за освобождение угнетенных народов, под которыми они вначале подразумевали только Бельгию и Эльзас-Лотарингию. Позднее смысл этой фразы был расширен для включения в него народностей Австро-Венгрии и немецкой Польши. В ответ на это немцы заявили, что они тоже воюют за освобождение угнетенных, под которыми подразумевают Ирландию, Египет и Индию.

Пропагандист должен быть всегда на-чеку, чтобы ухватиться за священную фразу, кристаллизующую вокруг себя общественные стремления, и ни при каких обстоятельствах не должен допускать, чтобы ею пользовался исключительно неприятель. Когда члены «Союза демократического контроля в Великобритании» стали говорить, что они хотят, чтобы эта война положила конец тайной дипломатии и демократизировала международную политику, то они имели в виду одинаково как условия, существующие в Англии, так и условия других стран. Но фраза была уловлена ловким человеком и обращена в осуждение неприятеля. ²

¹ Т. е. Institut de France — соединение пяти Академий. (Прим. перев.)

² «Союз демократического контроля» был организован в Англии вскоре после начала войны Морелем, Понсонби и еще некоторыми. Причиной его основания было возмущение тем фактом, что английский кабинет вошел в тайные соглашения с Францией, что в сущности, заранее являлось обязательством присоединиться к ней в случае войны, вызванной нападением Германии. Интересно заметить, что образовавшийся почти в это же самое время в Германии «Союз нового отечества» (Bund neues Vaterlands) выражался тем же языком, хотя совершенно не знал о существовании в Англии «Союза демократического контроля».

Если бы случилась другая всеобщая война, то идеалистические цели этой войны имели бы вероятно такое же крупное значение, как такие же цели мировой войны. Международные организации так еще слабы, что можно было бы провести еще одну войну под предлогом укрепления их. Если бы Лига наций заклеила позором какую-нибудь из групп народностей, то нет сомнения, что эта группа сделалась бы мишенью для очень опасной идеалистической пропаганды. Но ей нетрудно было бы разъяснить, к удовольствию хотя бы собственного народа, что она стоит за более высокое понимание общественных прав, чем ее враги.

Все это касается тех целей войны, которые должны умерить угрызения совести либерала. Другой разряд целей войны общего характера может проникнуть в более широкие круги населения. Коллективный эгоизм или этноцентризм нации делает возможным толкование войны как борьбы за спасение и распространение собственной высокой цивилизации. Когда нация ведет войну с народом, техническое вооружение которого менее разрушительно, чем ее собственное, то такая форма самовосхваления основана на очевидном различии. Так, например, англичане легко поддерживают на своих плечах «бремя белого» в Индии и Африке, а американцы на Кубе и Филиппинах. Но с первого же взгляда может показаться парадоксом, что война между народами Западной Европы облеклась в личину войны за спасение цивилизации. Их однородность настолько более фундаментальна, чем их отличия, что даже пришлец с другой планеты слил бы их воедино.

Объяснение этому находится в росте грамотности. Грамотность и элементарное образование открыли культурное наследие нации более широкому кругу общества, чем это было раньше. «Желтая пресса» сделала такую мысль всюду популярной, а мудрые люди использовали свою проникаемость, чтобы доказать ее. 8 августа 1914 года лондонский «Evening Standard» крикнул «Цивилизация в опасности», и этот возглас распространился повсюду. «La Guerre contre les barbares», «Война против варваров» была немедленно провозглашена во Франции, в то время как в Германии защита культуры и нянчение с ней стало обязанностью и привилегией всех добрых немцев. Единство немецкой мысли проявилось в громадном количестве изда-

ний, ⁽¹⁴⁾ причем все авторы были убеждены, что традиционная Германия «мыслителей и поэтов» выявила еще практические таланты: политическую проницательность, примерную плодovitость, неослабное трудолюбие и колоссальную способность к исследованию, — и что все это, при сравнении с атеизмом, бесплодием и легкомыслием декадентов-латинян, — не упоминая уже об алчных спортсменах, занимающихся пустяками, британцах, — говорит в их пользу. Блестящим примером такого рода является книга «Торгаши и герои», ¹ написанная Вернером Зомбартом, известным авторитетом по современному капитализму. Содержание книги явствует из ее заглавия: торгоши — англичане, герои — немцы. Автор выдвигает тезис, что всякую войну можно рассматривать как войну убеждений. Данная война является борьбой между алчными британцами и сомоотверженными, честными и покорными немцами. Англичанин невероятно ограничен, совершенно неспособен подняться над «реальностью» момента, что доказывает хотя бы поверхностное знакомство с английскими философами от Бэкона до Спенсера. Для торговца жизнь это — ряд торговых сделок; даже наука и та «оторговлена». Вся империя — торговое предприятие, а войны империи — войны денежных расчетов. Германцы никогда не будут заражены этим проклятым оттенком торговства, и их дух заклеит его перед всем миром. Эта война есть война германской культуры, которую нельзя отрицать и которую не может не признавать даже торгош.

Война может быть также борьбой рас. Немцы известных слоев населения объявили не только войну за культуру, но также и войну рас, — и в этом к ним присоединились некоторые представители других стран. Крайние правые элементы во Франции лелеяли миф о чистой галльской расе: а номер газеты «La Croix» от 15 августа 1914 года находил, что героические проявления войны суть

возбужденные в нас древние порывы галлов, римлян и французов. Немцы должны очистить левый берег Рейна. Эти гнусные орды

¹ «Händler und Helden».

должны быть отброшены за их собственные границы. Галлы Франции и Бельгии должны решительным ударом прогнать завоевателя раз навсегда. Это — война рас.

В 1915 году в Париже Урбэн Гойе издал книгу «Раса заговорила» («La race a parlé»).

Хотя формулированные таким образом цели войны и завоевывают общие симпатии, но они все же нуждаются в подкреплениях более интимного свойства и более осязаемых. Нация как целое может быть подразделена на бесчисленное количество отдельных групп, из которых каждая имеет свои собственные стремления. Война должна быть истолкована им как что-то такое, в чем они заинтересованы не только как члены общей группы. Война должна вестись ради защиты их занятий, их семьи и их церкви, за увеличения их благосостояния и за укрепление их безопасности и веры. Должен поощряться всякий интерес, способствующий формулировке таких целей войны, которые фактически обращают общего врага в отдельного врага для каждого.

Торговым людям война должна быть разъяснена как выгодное предприятие. 10 августа 1914 г. член парламента Л. Г. Киюцца Монеи поместил в лондонском «Daily Chronicle» статью, являющуюся образцом этого сорта писаний. Он говорил:

Наш главный конкурент, как в Европе, так и вне ее, не будет в состоянии вести торговлю, а по окончании войны несомненный антагонизм, вызываемый повсюду агрессивностью Германии, поможет нам удержать отошедшие от нее к нам торговлю и пароходство.

Сидней Витман выпустил брошюру под заглавием «Война германской торговле. Мысли для плана кампании» (Лондон 1914 год). А в то же самое время экономические круги Германии были преисполнены мечтаний о возможном расширении их деятельности во всех направлениях. В грандиозной петиции, поданной канцлеру 20 мая 1915 года, они излагали свои требования, которые сводились к аннексии всей Бельгии и севера Франции до линии, проведенной прямо на восток от устья Соммы до бельгийской границы, затем — вдоль Мааса до его слияния с Мозелем в районе Паньи — Туль и оттуда на восток, через Люневиль вдоль Вогезов до Бельфора. Таким образом департаменты Пад-Кале и северная половина Мезского департамента,

большая часть Мерты и Мозеля, часть Вогезов и территория Бельфора рассматривались как приобретения Германии. На востоке аннекционисты требовали: часть Лифляндии, большую и наиболее населенную часть Курляндии, большую часть Ковенской губернии, всю Сувалкскую, половину Ломжинской, всю Полоцкую, небольшую часть Варшавской, половину Калишской, четверть Петроковской, небольшую часть Келецкой, — в общем 80 000 кв. км и 5 000 000 населения. Если добавить к этому 50 000 кв. км и 11 000 000 населения на Западе, то окажется, что промышленные и земледельческие организации Германии поручали присоединить к германской империи 130 000 кв. км и 16 000 000 негерманцев. Жители этих районов должны были быть лишены всякого права на политическое участие в делах внутренней германской политики, а крупные и средней величины владения должны были быть переданы германским гражданам за счет побежденных противников Германии.

Раз пламенный язык религии все еще имеет власть над горячими сердцами многих, то плох тот пропагандист, который пренебрежет духовным и религиозным толкованием войны, исходящим от проповедников разных сект. Нужно, чтобы каждая религиозная единица видела в поражении врага торжество своих богов, священников и догм. Прекрасные примеры рецептов, пригодных для этой цели, могут быть найдены в религиозной прессе каждой воюющей страны. «La Croix», орган французских клерикалов, сравнивал продвижение вперед французов в последнюю войну с приближением царствия божия. В лихорадочные августовские дни 1914 года, после подтверждения занятия французами Мюльгауза, он восклицал (8 августа):

L'histoire de France est l'histoire de Dieu.

Vive le Christ, qui aime les Francs.

(История Франции есть история бога.

Да здравствует Христос, любящий франков.)

Священная война — «La guerre sainte» — была провозглашена за день до того газетой «L'Echo de Paris», которая сообщала, как в церкви святой Магдалины во время торжественного богослужения раздался взрыв рукоплесканий,

«La Croix» опубликовала 15 августа свое толкование войны. Прежде всего это — война возмездия, того возмездия, которого мы желали в течение 43 лет.

Это колоссальная дуэль германцев с латинянами и славянами.

Это — борьба общественной морали и международных законов.

И в конце концов не есть ли это война католической Франции против протестантской Германии?

Французские католики так усердно ратовали за войну, что возбудили даже подозрения со стороны радикальных элементов страны, и это вызвало пререкания в литературе. Брошюра «Les curés ont-ils voulu la guerre?» («Желали ли священники войны») возбудила ожесточенную полемику.⁽¹⁵⁾

Германских католиков страшно возмущали попытки французских клерикалов монополизировать войну. Литературной реликвией такого рода споров является том талантливых этюдов, изданный Георгом Пфейльшифтером под заглавием: «Германская культура, католицизм и мировая война».¹ Можно рассчитывать, что все виды церкви дадут свое благословение популярной войне и будут видеть в ней возможность торжества тех видов божеского промысла, которым им угодно будет покровительствовать. Нужно конечно действовать осторожно, для облегчения перехода от осуждения войны вообще — что является традиционным отношением со стороны христианских сект — к восхвалению данной войны. Это может быть достигнуто путем разъяснения целей войны видными клерикалами в самом начале конфликта; меньшие светила блеснут потом.

Одним из преимуществ военной партии в Англии было заявление, сделанное Гирфордским епископом:

Такая война является дорогой ценой, уплачиваемой нами за наш успех в деле распространения христианства, заповеданного нам Христом; но долг призывает, и цена эта должна быть уплачена во благо тех, кто будет жить после нас. Тот лучший и счастливейший день, когда народ, призванный теперь к оружию, устроит свою жизнь, несомненно еще далек, — и такой старик, как я, едва ли может надеяться дожить до его рассвета. Но среди того гнета, уныния и горя, которое налагает на нас эта ужасная война, мы можем по крайней

¹ Georg Pfeilschifter, Deutsche Kultur, Katholizismus und Weltkrieg. Eine Abwehr des Buches «La guerre allemande et le catholicisme».

мере возблагодарить бога за то, что он этой войной на много стадий приближает лучший день для будущих поколений.¹

Патриотический хор немецких господ в рясах еще раз прозвучал на страницах сборника гимнов, изготовленных во время войны профессором Бонгом под заглавием «Ура и аллилуиа!» («Hurrah and Halleluja», Нью-Йорк 1917 г.) Бонг был датским профессором теологии и взял на себя труд собрать некоторые из германских перлов. Пастор Трауб, П. де-Лагар и многие другие клерикалы приняли неведомо для себя участие в этой книге. Вся она является бесстыдным проклятием по адресу врагов Германии и самым искренним изъявлением почитания в отношении ее друзей. Только либеральное меньшинство выразило в Германии и других местах протест против таких излияний в свою пользу. (16)

Число всевозможных интерпретаций войны столь же велико, как велико число специальных интересов, верность которым проповедуется или требуется. К тем экономическим и клерикальным группам, о которых мы уже упоминали, можно добавить бесконечную плеяду артистов, ученых, преподавателей и спортсменов. Члены ораторских профессий, проповедники, профессора и видные деятели добывают свой насущный хлеб умением возбудить эмоциональный отклик в сердцах своей клиентуры. Когда общество воспламенено до воинственного настроения, то клерикал, холодно рассуждающий о предмете, совершает самоубийство, — так же, как и писатель или общественный деятель. Сфера взаимного влияния установлена, так как один возбуждает другого. Актер — раб своей публики, но и публика бывает временами подчинена актеру.

На видных деятелей в любой сфере можно рассчитывать, что они сумеют истолковать войну тем группам, с которыми они отождествляются; так, например, некоторые из деятелей в сфере музыки открыли, что эта война есть в сущности не что иное, как борьба между немецкой и английской музыкой. Исидора де Лара писала так:²

¹ «Таймс» от 12 августа 1914 г.

² См. статью «Английская музыка и немецкие мастера» в журнале «Fortnightly Review», 103, pp. 847 — 853.

Настал час отложить в сторону и прикрыть крепом те партитуры, в которых так безошибочно выкристаллизовался дух современных гуннов...

Будущее принадлежит тому герою, у которого хватит мужества изъять из своей библиотеки произведения Генделя, Мендельсона, Вагнера, Брамса, Рихарда Штрауса... который извлечет из глубин собственного существа музыкальные картины всего, что прекрасно в удивительной поэзии Великобритании, и найдет тот сильный ритм, который говорит о неустрашимости тех, кто идет на смерть с пением «Tipperary».¹

Некоторые американские просветители воспользовались войной для того чтобы «набрать пару» для продвижения своих любимых проектов реформ в области просвещения. Пагубное влияние на американское образование школы типа германской нормальной школы было предано все-народному проклятию, а потому для этих просветителей война стала чем-то в роде крестового похода за освобождение вселенной от «Volksschule» (народной школы) и от «вышей школы для юношества». (17)

В Германии все портные и портнихи объявили войну безнравственным модам декадентского Парижа и вероломного Лондона. Несравненный стан германских «Fräulein» должен был впредь казаться смешным в безобразных и легкомысленных выдумках Парижа. Германская мода должна была сделаться свободной и не зависеть от преходящих капризов парижских дам полусвета.

Короче говоря, каждый активный пропагандист может быть уверен, что все с готовностью помогут ему представить войну как торжественное шествие в ту самую обетованную страну, которая по сердцу данной заинтересованной группе. И чем большее число таких групп он сумеет воспламенить для войны, тем сильнее будет преданность народа интересам страны и делу унижения противника.

¹ Tipperary — английская песня, в которой упоминается ирландский городок Tipperary и мотив которой с начала войны сделался настолько популярным в английских войсках, что она обратилась в походную песню. (Прим. перев.)

ПРЕСТУПНОСТЬ ВРАГА ¹

КОГДА общество доведено до сознания того, что войну начал неприятель и тем нарушил прочный, выгодный и справедливый мир, то можно сказать, что пропагандист достиг цели. Но для того чтобы уверенность в этом была вдвойне обеспечена, бывает полезно указать общественному мнению на примеры наглости и развращенности неприятеля. Ведь каждый народ, начавший войну и мешающий мирной жизни, непременно должен быть неисправим, порочен и развратен. Упирая прямо на эти его свойства, мы только принимаем меры предосторожности, главная цель которых — убедить, что враг способен даже на такую чудовищную вещь как наступательная война. Таким образом в силу круговой психологической реакции окажется, что зачинщик войны — истинный «сатана», — ну, а «сатана» не может не быть виновным.

Доказательства, которыми можно будет подтвердить последнее положение, будут в частности зависеть от кодекса морали того народа, чью ненависть надо возбудить. Но существуют некоторые определенные «общие знаменатели», которые можно с успехом использовать при любой обстановке.

Народ-противник почти всегда ведет себя с демонстративным высокомерием и заносчивостью. Французская пресса была переполнена презрительными нападками на самодержавный «Herrenvolk» (народ-господин) за Рейном. Германская патриотическая песня «Deutschland über Alles» («Германия превыше всего») вызывала такое же возмущение на Даунинг-стрите и Флит-стрите, ² как и английский национальный гимн «Rule Britannia» («царствуй, Британия»)

¹ В оригинале эта глава приведена под заголовком «Сатнизм». (Прим. перев.)

² Улицы Лондона, где помещаются государственные учреждения и редакции газет. (Прим. перев.)

на Вильгельмштрассе и Унтер-ден-Линден.¹ Одно время набор рекрут в Англии поддерживался насмешками над приписываемым кайзеру замечанием о «ничтожной маленькой английской армии».

Неприятель не только наг, он — алчен. Немцы были вполне уверены, что в корне войны лежала завистливость англичан и что последних, — так же, как и американцев, — толкнули на войну экономические соображения. В книге «Поджигатели войны с Уолл-Стрита»⁽¹⁸⁾ Чарльз Кольмен писал, что американские фабриканты и банкиры до тех пор противились войне, пока их лучшему клиенту — Великобритании не стала угрожать опасность банкротства, после чего они стали запугивать американское общество и настаивать его в пользу войны, — как раз во-время, чтобы спасти свои интересы. Банкирский дом Моргана, ссудивший британскому правительству 400 млн. долларов, находился в некоторой опасности, излишне превысив кредиты для поставки англичанам военного снаряжения. Моргана спасла лишь передача ему сумм, вырученных от реализации первого займа свободы. Британский канцлер казначейства, Бонар Лоу высказался откровенно относительно положения страны в речи, произнесенной им 24 июля 1917 года.

Ведь ни для кого на самом деле не тайна, что мы так свободно расходовали наши денежные средства и что к тому времени, как вступили в войну наши великие союзники, средства, которые могли быть реализованы в Америке, были почти полностью истощены.

В декабре 1916 года одно только сообщение, что Германия начинает мирные переговоры, вызвало падение ценных бумаг на биржах. Банковские кредиты были сильно урезаны, и союзным правительствам лишь с большим трудом удалось возобновить их. Зато известие о перерыве дипломатических переговоров с Германией 4 февраля 1917 года подняло «Вифлеемские» стальные акции на 30 пунктов. При слухах о мире перед американской промышленностью, уже приспособившейся к военному производству для снабжения союзников, вставала картина предстоящей ликвидации, переоборудования и даже разорения; теперь же она опять могла вздохнуть свободно.

Генри Дэвидсон, компаньон торгового дома «Дж. П.

¹ Главные улицы Берлина. (Прим. перев.)

Морган и К-о», был одним из самых активных противников германских «неискренних» мирных предложений; он желал участия Америки в войне для того «чтобы очистить нас от нашего эгоизма». (19)

Враг по своей натуре вероломен. Феликс Сармо писал в книге «Мораль кантовская и мораль человеческая»,¹ что

одной из наиболее утонченных черт немецкого характера является стремление к лицемерной лжи, проявляющейся под маскою наивной искренности и оправдывающей себя невероятнейшими софизмами... Часто приводилось свидетельство латинского историка Виллейуса Петеркулуса, считавшего древних германцев расою прирожденных лгунов.

Неприятель ведет пропаганду, основанную на лжи. Это — чрезвычайно важное обстоятельство. Так как неблагоприятные сообщения о наших союзниках, о командующих армиями, о положении на фронте и т. п. всегда могут проскользнуть помимо цензуры и одолеть все преграды в значительно преувеличенном виде, то между нежелательными сообщениями подобного рода и их пагубными результатами, кроме физических барьеров, должны быть поставлены и психологические. Таким психологическим барьером является намеренно внушенное подозрение, что неблагоприятная новость — не что иное, как ловкий образец неприятельской пропаганды. Если такое предположение крепко западет в умы общества, то этим будет выковано мощное оружие против уныния и пораженчества.

Работа союзнической пропаганды произвела чрезвычайно сильное впечатление на немцев, и они взялись за дело закаления против нее своего населения, выражая громкий протест против официальной английской и французской прессы как способов пропаганды. Рудольф Ротгейм объявил, что одним из условий мира должно быть освобождение мировой прессы от когтей неприятельских телеграфных агентств. Он написал книгу «Мирное условие германской печати — прочь от Рейтера и Гаваса». (20) Даже в прописях были такого рода упражнения: «Агентство Рейтера — фабрика военной лжи». Английская пресса послужила темой для книги Пауля Дена, озаглавленной «Англия и печать». (21) Немцы считали, что Нортклиф

¹ «Morale kantienne et morale humaine», 1916 г.

является выразителем характера английской прессы и потому осыпали его градом нападок.

Голос германской пропаганды во Франции был громок и настойчив. Некоторые газеты, даже столичные, были заподозрены в том, что они помрачают французские умы в соответствии с германскими целями. Более или менее типично были показаны германские методы в газете «Le Matin» от 24 октября 1917 года. Луи Форэ (Forest) обвинял немцев в том, что они подкупали иностранную прессу. Он обращает внимание на книгу об Эльзасе, в которой изложена германская довоенная система: даже во время франко-прусской войны у Германии были друзья в парижских редакциях. Пересмотрев доказательства прошлой и настоящей деятельности немцев, он заключает свою статью словами:

каждый может определить для себя, является ли нынешняя германская система новой или старой. Если она кажется для нас новой, то только потому, что мы — невежды в такого рода вещах». ¹

Неприятель заносчив, груб и жесток. Авторы Тюдеск и Диссор издали в ноябре 1917 года книгу «Немцы в их собственном изображении», в которой Гейне послужил авторитетом для замечания, что

христианство смягчило до некоторой степени свирепый воинственный дух германцев, но не смогло уничтожить его совершенно.

Особенно, обращает на себя внимание, восклицают французы, склонность немцев к разрушению соборов, что было полностью доказано бомбардировкою Реймса, сожжением бельгийских церквей и соборов в Лотарингии. То же признавал и Гете:

Мы, немцы, люди отсталые (of yesterday). Правда, за последнее столетие мы сделали значительные успехи в деле цивилизации, но пройдет еще много веков, прежде чем идеи и дух цивилизации достаточно разовьются в наших крестьянах, чтобы сделать их способными, наподобие древних греков, преклоняться перед красотой.

Шопенгауер краснел от стыда, что принадлежал к их расе.

¹ Теперь это кажется забавным, так как русские документы разоблачили цену, за которую русское правительство купило большой процент французской прессы для той поддержки, какою оно пользовалось в довоенное время. Особенно интересны в этом отношении «Черная книга» («Le livre noir») и статьи в газете «L'Humanité».

Неприятель ужасно жесток и развратен в своем поведении во время войны. Ловкий способ возбудить ненависть, если ее нет вначале, это — воспользоваться какой-нибудь жестокостью. Этот способ применялся с неизменным успехом во всех известных человечеству войнах. Здесь оригинальность хотя часто и бывает полезна, — но отнюдь не является совершенно необходимой. В начале войны 1914 года рассказывалась очень трогательная история о том, как семилетний ребенок, нацелившийся из своего деревянного ружья на патруль немецких улан, занявших селение, был убит ими тут же на месте. Такая же история отлично сделала свое дело во время франко-прусской войны, более чем сорок лет перед тем. Но многие из рассказов, пользующихся наибольшим успехом, имеют гораздо более древнюю историю. Есть например один рассказ о турках, который гремит по всему христианскому миру со времен первых крестовых походов. Согласно этого рассказа был найден сосуд, полный человеческих глаз, в том месте, где для увеселения турецких генералов пленники подвергались пыткам.

Всегда могут быть муссированы убийства женщин, детей, стариков, священников, монахинь, или сексуальные безобразия, или же случаи истязания пленных и мирного населения. Подобного рода истории способствуют проявлению возмущения против ненавистных вершителей таких темных дел и удовлетворяют кое-каким сильным, но глубоко скрытым инстинктам. Рассказ о молодой женщине, изнасилованной неприятелем, доставляет тайное удовлетворение множеству других насильников по другую сторону границы. Этим быть может и объясняется популярность и распространенность такого рода историй.

Так как все рассказы о жестокостях имеют фамильное сходство, причем можно вполне рассчитывать и на помощь старых историй, то все их виды должны рассматриваться практическим пропагандистом как средство воздействия. Всегда позволительно снабдить их новыми прикрасами, так как условия борьбы никогда не бывают одинаковыми. Со времени открытия микробов можно обвинять неприятеля в заражении колодцев, скота и пищи, не говоря уже о заражении ран. В 1917 году в Лондоне была выпущена брошюра о «Культуре микробов в Бухаресте», очень хорошо излагавшая эту тему. Если существуют признаки, что неприятель

считает кампанию ужасов за здоровую стратегию войны, то не колеблясь следует призвать бога и человека в свидетели того, что такая гнусность является новорожденным созданием сатанински настроенного неприятеля. Только отсутствие во время войны благоприятного случая для основательного опровержения дало например профессору Лависсу возможность объявить в его труде «Практика и доктрина ведения германцами войны»,¹ что

ни один из наших военных писателей не учил доктрине—делать войну ужасною («de la guerre atroce»).

Когда наступил мир, другой француз, Демарсиаль, нашел возможным в интересах правды прочитать лекцию и обратить всеобщее внимание на трехтомный труд французского офицера Монтэня под заглавием «Победить» («Vaincre»), в котором этот тезис защищается:

Устрашай, — а для того, чтобы устрашать, разрушай. Нападают, чтобы убить; стреляют, чтобы убить; хватают врага за горло, чтобы убить, — и убивают, пока не будут перебиты все. (22)

Американцы считали, что не стоит отменять теорию войны, проповедуемую генералом Шериданом. Он посетил во время войны 1870 года Бисмарка в полевом штабе прусской армии во Франции и заявил, что

Правильная стратегия заключается, во-первых, в том, чтобы нанести неприятельской армии возможно большее количество чувствительных ударов, а затем — в том, чтобы доставить жителям так много страданий, чтобы они поневоле затосковали о мире и заставили бы свое правительство просить его. Неприятелю не следует оставлять ничего, кроме глаз, чтобы оплакивать войну.²

Для президента Пуанкаре было совершенно в порядке вещей обрушиваться на варваров-немцев за бросание с аэропланов бомб на беззащитных женщин и детей. Но весьма немногие из союзных народов знали, что 26 июня 1916 года французские и английские авиаторы сбросили над Карльсруэ бомбы, которыми было убито и ранено 26 женщин и 124 детей, или что 22 сентября 1915 года одним налетом на тот же город союзные бомбисты собрали дань в 103 жертвы; да если бы и знали, то очень немногие из них обратили бы на это внимание. В пылу борьбы

¹ «Pratique et doctrine de la guerre allemande».

² Busch, Bismarck, 1, p. 128.

известия об избиении мирных жителей неприятельской страны способны даже вызвать клики радости о том, что истреблены «щенки и самки кровожадного врага», как рыцарски выразился Свинбёрн, когда узнал об ужасной смертности в концентрационных лагерях Южной Африки, где содержались бурские женщины и дети.

Союзники также ничем не рисковали, заявляя, что только немецким гуннам могло притти на ум организовать кампанию систематического разрушения машин, складов, мостов и железнодорожных путей тех районов, откуда они отступают. Не нашлось никого, кто обратил бы общее внимание на советы «Engineer'a», солидного английского технического журнала, рекомендовавшего в номере от 15 сентября 1914 года уничтожать оборудование и разрушать фабрики и заводы всех видов германской промышленности, которые по случайностям войны могли попасть в руки английской армии. Таким образом был бы нанесен большой вред германской конкуренции после войны. ⁽²³⁾ И разрушение союзниками нефтяных промыслов во время их отхода через Румынию тоже открыто истолковывалось народу как ловкий удар, чтобы обмануть неприятеля.

Список преступлений, приписанных неприятелю когда-то в прошлом, должен скорее подстрекнуть изобретательность, чем подражательность умелого пропагандиста. Все перечисленное здесь далеко не исчерпывает предмета. Во время последней войны были придуманы бесчисленные схемы для классификации насилий, совершенных неприятелем. Как образчик можно взять первую попавшуюся крупную и имеющую значение брошюру о германских зверствах, из числа выпущенных французским правительством. ⁽²⁴⁾

Германские грехи были разложены по ящичкам с такими ярлыками:

1. Нарушение нейтралитета Люксембурга и Бельгии.
2. Переход французской границы до объявления войны.
3. Убийство пленных и раненых.
4. Грабежи, поджоги, насилия, убийства.
5. Употребление запрещенных пуль.
6. Употребление горючих жидкостей и удушливых газов.
7. Бомбардировка крепостей без предупреждения и бомбардировка неукрепленных городов; разрушение зданий, посвященных религии, искусству, науке и благотворительности.
8. Предательские методы ведения войны.
9. Жестокости в отношении мирных жителей.

Член германского рейхстага, доктор Эрнст Мюллер-Мейнинген, собрал грехи Антанты в книге «Мировая война и крушение международного права». ¹ Эта книга к середине 1915 года вышла третьим, исправленным изданием. Общая ее схема видна из оглавления:

1. Нейтралитет Бельгии (как Бельгия тайно потворствовала союзникам).
2. Мобилизация и мораль наций.
3. Нарушение договоров с Конго. Колониальная война.
4. Привлечение к европейской войне диких и воинственных племен.
5. Нарушение нейтралитета Суэцкого канала.
6. Нарушение китайского нейтралитета Японией и захват англичанами Киао-Чау.
7. Применение пуль дум-дум и т. п.
8. Противоречащее международным обычаям обращение с дипломатическими представителями со стороны государств Тройственного соглашения. Нарушающие международные законы действия дипломатических представителей государств Тройственного соглашения.
9. Несоблюдение и нарушение постановлений Красного креста со стороны государств Тройственного соглашения.
10. Участие в войне вольных стрелков (franc-tireur) и жестокое обращение с безоружными до и после объявления войны. Захват в плен гражданского населения.
11. Беззаконные и бесчеловечные методы ведения войны, применявшиеся неприятельскими армиями и правительствами Тройственного соглашения и Бельгии.
12. Зверства русских, особенно в Восточной Пруссии.
13. Еврейские погромы и другие зверства русских в Польше, Галиции, на Кавказе и т. д.
14. «Дух» войск Тройственного соглашения. Грабежи и разорения собственной страны. Членовредительства. Отзывы о войсках Тройственного соглашения их собственных офицеров.
15. Разрушение телеграфных проводов и злоупотребление ими.
16. Дальнейшие подробности, касающиеся мстительной лжи со стороны прессы Тройственного соглашения. Метод ведения войны, противный всем международным правилам. Французское «искусство войны».
17. Бомбардировка с аэропланов городов и сел. Употребление газовых снарядов.
18. Деловая мораль англичан и кодекс английских кредиторов. Лишение во Франции и России немцев их законных прав.
19. Нарушение Англией и другими государствами Тройственного соглашения нейтралитета морей. Военная контрабанда. Блокады и т. д. (Приведено в сокращенном виде.)

По мере того, как развивался ход войны, к вопросу о зверствах были применены количественные методы

¹ Der Weltkrieg und der Zusammenbruch des Völkerrechts.

современных общественных наук. В сообщении, изготовленном для сербов относительно австро-венгерских зверств, первый лист, суммирующий это исследование, озаглавлен: «Статистика зверств». Это сообщение ограничивается районами Потчери, Мачва, Ядар и др. (Potzerie, Matchva, Yadar). Женщины и дети записаны параллельными колонками, и приведено число случаев, относящихся к каждой статье. Статьи следующие:

Казнено или вообще убито; поднято на штыки или зарезано; перерезано горл; убито; сожжено заживо; убито во время общей резни; забито на смерть ружьями или палками; побито камнями; повешено; выпотрошено; связано и замучено на месте; пропало без вести; взято в плен; ранено; отрезано или переломано рук; отрезано или переломано ног; отрезано носов; отрезано ушей; выбито глаз; изуродовано половых органов; сорвано кожи ремнями; снято скальпов и вырезано мяса; искрошено трупов; отрезано грудей; изнасилувано женщин.

Некоторые из отдельных статей, — как, например, применение разрывных пуль, — не поддавались учету, а потому разбирались качественно. ⁽²⁵⁾ К итогам количественного метода добавлена драматизация отдельных случаев. Книга богато украшена фотографическими изображениями ужасов изуродованных тел и опустошенных селений.

Имеется возможность вариировать форму отчетов о зверствах. Иногда можно позволить самой жертве рассказать свою историю; так, например, известный бельгийский ученый, приговоренный немцами к принудительным работам, сам рассказал обо всем, что он пережил, в книге под заглавием «За железной решеткой». ⁽²⁶⁾ Вильям Кэн опубликовал достоверное интервью с жертвой германского вторжения под заглавием «История г-на Сатогена». ⁽²⁷⁾ Злополучия от дельного лица рассказаны У. Т. Гиллем в книге «Мучения сестры милосердия Кавель». ⁽²⁸⁾ Нейтральный свидетель высказывается всегда авторитетно, а потому д-р де-Крисмас удостоверял печальную участь французских пленных в Германии, когда навестил их там, в труде «Обращение с французскими пленными в Германии». ⁽²⁹⁾ Признания врага всегда могут быть полезны, а потому французы опубликовали захваченный дневник немецкого унтер-офицера, в котором были записаны жестокости, учиненные офицерами в отношении солдат и гражданского населения. Дневник этот был отредактирован Луи-Поль Ало и издан в 1918 году

под заголовком «Воспоминания о войне германского унтер-офицера». ⁽³⁰⁾ В Нью-Йорке в 1917 году были напечатаны мемуары под названием «Военные переживания германского дезертира». ⁽³¹⁾

Превосходным средством, примененным англичанами для того чтобы придать вес своим историям о германских зверствах, было создание комиссии из лиц, пользующихся международной репутацией правдивости. На обязанности этой комиссии было собирание доказательств и опубликование собранных ею сведений. Англичане, имея в виду не только свое население, но и американцев, проявили гениальность, назначив так называемую «Комиссию Брайса». Главным козырем борьбы на этом фронте было издание книги «Представленные Комитету доказательства и документы о подтвержденных германских зверствах». ⁽³²⁾

Брошюра «Германский способ ведения войны», ⁽³³⁾ изданная Комитетом общественной информации в Соединенных Штатах в 1916 году, была одной из бесчисленных версий этих докладов.

Есть еще и другой прием обвинения неприятеля при помощи пропаганды, а именно — опровержение или памфлет. Д-р Макс Кутнер увещевал одного из своих бывших учеников, помогавшего своим пером французской «клевете», маленькой брошюрой, называвшейся «Немецкие преступления?» ⁽³⁴⁾ в ответ на книгу Жозефа Бедье «Германские преступления по свидетельству самих германцев». ⁽³⁵⁾ Ту же линию взял Губерт Гримм в своих примечаниях к книге «Злонамеренный пустомеля». ⁽³⁶⁾ Никто конечно и не воображал, чтобы эти книжонки могли вызвать раскаяние французов; они просто служили для того, чтобы поддерживать в Германии дух добродетельного возмущения. Задавать вопрос, не преступны ли немцы, это то же, что объявить проповедь на тему: «Не лицемеры ли пастыри духовные?» Ответом может быть только угодливое и громкое отрицание, быстро переходящее в возмущенное осуждение тех обманщиков, которые осмелились высказать подобную мысль.

Прежде чем расстаться с неприятной темой о жестокостях, нужно установить еще один принцип. Для многих простых умов трудно бывает придать личные черты такому расплывчатому понятию, как нация. Для них нужны

определенные лица, к которым они могли бы пришить свою ненависть. Поэтому важно бывает выбрать пригоршню вражеских вождей и нагрузить их грехами против всех десяти заповедей.

Ни одно лицо не навлекло на себя в последнюю войну большего количества злословия, чем кайзер. 6 августа лондонская газета «Evening News» окрестила кайзера «бешеной собакой Европы», а несколько дней спустя — «творцом войны». Остен Гаррисон писал о «войне кайзера» (Лондон 1914). Парижская газета «Liberté» постаралась в своем номере от 24 ноября 1916 г. отождествить Вильгельма II с апокалипсическим зверем. Повидимому на основании изысканий, сделанных одним английским ученым, число этого зверя было 666 и число кайзера как раз такое же. Слово кайзер состоит из шести букв. Поставим их одну под другой в колонку. Налево от каждого числа поместим число места, занимаемого в азбуке каждой из этих букв. Таким образом «к» — одиннадцатая буква азбуки, будучи помещена рядом с шестью, образует число 116. Полная сумма этой колонки даст мистическое число 666. ⁽³⁷⁾

Можно было бы привести значительное количество индивидуальных прилагательных, могущих служить темами для ведения ругательной пропаганды против нации, но теперь более кстати предложить несколько методов, при помощи которых весь этот обвинительный материал может быть представлен синтетически. Находятся люди, которые без всяких колебаний, одним жестом, выносят обвинение целой цивилизации, и на такие умы можно рассчитывать, что они снабдят нас систематическими трактатами на темы в роде «Цивилизованные — против немцев». ⁽³⁸⁾ Эта замечательная книга была написана в 1915 году в Париже французом Жаном Фино, выпустившим до войны превосходный объективный трактат о расовых предрассудках. В том же направлении писал знаменитый историк Эрнест Лавис в своем сочинении «Культура и цивилизация» ⁽³⁹⁾ и Андре Соре в книге «Мы и они». ⁽⁴⁰⁾ Редиард Киплинг 22 июня 1915 года выразился на столбцах лондонской газеты «Морнинг Пост» так:

Хотя и предполагается, что мир делится на части, но в настоящее время имеется только два подразделения — существа человеческие и немцы.

В книге, которую считали за научный трактат об инстинктах войск в мирное время и на войне (Лондон 1917), Троттер торжественно заявил:

Непонятность для англичан всего направления немецких чувств и их выражения заставляет думать, что между ними существует какой-то антагонизм, глубоко пустивший корни. Можно рискнуть высказать предположение, что это — антагонизм между общественностью и агрессивной стадностью.

Джон Кушер Пауис возражает профессору Мюнстербергу статьей под заглавием «Угроза со стороны германской культуры». ⁽⁴¹⁾ У немцев накопились груды литературы, являвшейся самовосхвалением на тему о культуре. ⁽⁴²⁾ Немецкая самоуверенность и самомнение были поддержаны сочувствием множества иностранных свидетелей. Скандинавский писатель Бьерн-Бьернсон заплатил в этом отношении свою дань сочинением «О немецкой сущности. Впечатления родственника по племени». ⁽⁴³⁾ Хустон Стюарт Чемберлен, экспатрировавшийся англичанин, присоединился к защите немцев книгой «Немецкая сущность». ⁽⁴⁴⁾ Еще в своих прежних писаниях он восклицал: «Если и существует в мире миролюбивый, нравственный и набожный народ, то это только немцы. За последние 43 года ни единый человек во всей Германии не хотел войны, — ни единый. Англия была вовлечена в войну бессовестными махинациями короля, который являлся орудием в руках хитрых дипломатов. Англия перестала быть страной свободы, — она стала рабом порочной «олигархии». ⁽⁴⁵⁾ Фердинанд Теннис, знаменитый германский социолог, собрал в своей книге об Англии все выражения империалистического характера, произнесенные государственными деятелями Британии. ⁽⁴⁶⁾ Дело издания сборников с обвинениями в преступлениях непрерывно развивалось в течение всей войны. Жан Рюплингер издал коллекцию германских военных лозунгов по заглавию «Так говорила Германия». ⁽⁴⁷⁾ Книга эта вышла в 1918 году в Париже с предисловием, написанным Эдуардом Эрио.

Во время войны желательно возможно большее количество исследований о различных чертах жизни и характера другой стороны. Маститый философ и психолог Вильгельм Вундт в брошюре, озаглавленной «Народы и их философия» ⁽⁴⁸⁾, проводил сравнение между философскими

идеями разных стран, с весьма сильным уклоном в пользу Германии. В частности барон Кэйфон Брокдорф постарался высказать правду о Бергсоне, как он ее понимал, в брошюре, так и озаглавленной — «Правда о Бергсоне». ⁽⁴⁹⁾ В Соединенных Штатах Джон Дьюэй совершенно ненамеренно оказал большую услугу тем, кто трубил во-всю, возбуждая чувства против Германии. Услуга эта заключалась в том, что в своей книге «Германская философия и политика», ⁽⁵⁰⁾ о которой вспомнили, когда Америка вступила в войну, он настойчиво указывал на перемену некоторых взглядов немецкой философии. Если история Пруссии изображалась учеными союзниками в виде ряда грабежей, произведенных негодяями, то и история британского империализма с точки зрения немцев припахивала чем-то нехорошим. Несколько отрывков, обвиняющих англичан в преступлениях, были собраны в книгах о Персии и Индии, — как например «Английские документы об удушении Персии» и «Индия под британским кулаком». ⁽⁵¹⁾ Истинное значение политической свободы было выяснено А. О. Мейером, который открыл, что истинная свобода пребывает в Германии, а не в Англии, и написал книгу «Германская свобода и английский парламентаризм». ⁽⁵²⁾ Бельгиец Фр. де-Хове думал сделать комплимент английской системе воспитания, когда, сравнивая ее с немецкой системой к невыгоде последней, написал, что ее цели могут быть суммированы советом:

* Будь доброй, моя милая девочка, а умным пусть будет тот, кто захочет.

Его книга называлась «Германское и английское воспитание». ⁽⁵³⁾ Еще пока мир Германии с Америкой не был нарушен, д-р Карл Геннинг издал непристойный памфлет об Америке под названием «Правда об Америке». ⁽⁵⁴⁾ Впоследствии, когда началась война, этот памфлет оказался полезен. Геннинг обратил большую часть своего внимания на систему воспитания в Соединенных Штатах. Он перебрал отчеты некоторых муниципальных комитетов по надзору за нравами, в поисках пикантных историй о совершенных детьми проступках против нравственности, и воспроизвел их в качестве типичных образцов американских нравов. Перлом такой коллекции являлось письмо, — которое

будто бы имелось у него, — написанное восьмилетней девочкой мальчику того же возраста. Вот оно:

Дорогой Артур, — я приду сегодня вечером, хорошо? Любишь ли ты меня? Я очень люблю тебя. Сегодня вечером мы пойдем на спектакль, пробудем там до двенадцати, потом долго будем танцевать в театре, потом вернемся домой, и ты можешь спать со мной до утра, а в следующее воскресенье мы поедем верхом. Любящая тебя М. (стр. 54).

Но всевозможные монографии доходят до сведения лишь очень ограниченной аудитории, и если хотят, чтобы синтетические изображения жизни другой страны достигли более широких кругов, то нужно, чтобы форма носила личный характер, была драматична и вполне литературна.

Образцом этого может служить книга, изданная в Англии во время войны. Она была общедоступна, написана литературным языком и совершенно разрушала прежние представления о Германии. Многие из деятелей германской пропаганды говорили, что они считают эту книгу лучшим из всех образцов союзнической пропаганды во время войны. Это — «Христина», написанная Алисой Чалмондлей (Нью-Йорк 1917). Книга состоит из коллекции якобы подлинных писем, будто бы написанных матери в Англию девушкой, изучавшей в Германии музыку. Девушка была талантливой скрипачкой и отправилась туда в мае 1914 года, чтобы работать под руководством знаменитого немецкого маэстро. Она вся пылала огнем энтузиазма, предвкушая жизнь и изучение искусства в Германии. Свои письма она писала из Берлина, с Лютцовштрассе, где на самом деле есть пансион. Все в ней дышало энергией и радостью, пока она не стала постепенно знакомиться с немецкой цивилизацией. Полиция груба и высокомерна. Ее учитель музыки презирает втайне все германские порядки. В пансионе только и разговору, что о чистом Берлине и о грязном Лондоне. Ее считают более или менее ответственной за бурскую войну. Она досадует на всякого рода правила и порядки, так как ей не позволяют играть упражнения по праздникам. Германия — страна правил; так, она узнает, что одна из ее знакомых празднует через пять лет после смерти отца, которого она презирала, день его рождения. В десять часов вечера тушат электричество, и она остается с одной свечой.

Вульгарного чванства сколько угодно. Некая графиня покровительствует искусствам, но не позволяет своей дочери оскверняться ими. Молодой немец из хорошей семьи стремится стать музыкантом, но кастовые предрассудки делают из него офицера. Дети в Германии прибегают к самоубийствам, так как их замучивают в школах. Когда она выходит одна, на улицах к ней пристают мужчины и мальчишки. Ее повсюду преследуют рассуждения о мировой политике. Зловещее предчувствие войны разлито повсюду. Низшие классы пресмыкаются перед высшими. Быть может это — результат военных обучений. Незамужние девушки не смеют при разговоре задавать вопросов: они должны скромно молчать и стараться быть незаметными. Деревенский пастор делает ей замечание за любовь англичан к деньгам. Она встречается со штабным офицером, который многозначительно советует ей потребовать от властей ее Суссекского селения, чтобы они исправили дороги для тяжелых повозок. Беременная женщина молит бога послать ей мальчика для того, чтобы она могла стать матерью солдата. В немецких аристократах она находит мещанство. Она становится невестой очаровательного молодого офицера с напрасными мечтаниями о музыкальной карьере. По мере приближения международного кризиса она видит повсюду дикие выражения радости по поводу неминуемости войны. Ее маэстро заткнули глотку орденом. Ее брак запрещен начальником ее жениха. Она бежит, чтобы избежать интернирования, но ее задерживают на границе. Молодой солдат оставляет ее в течение двух часов на солнце; она схватывает воспаление обоих легких и умирает в Штутгарте 8 августа. Все факты относительно германской жизни носятся в волне излияний о музыке и о матери. Написано замечательно, и книга пользовалась громадным успехом среди женщин и учащихся союзных и нейтральных стран. Она являлась образцом того типа написанных на определенный случай сантиментальных вещей, которые могут быть помещены в разделе романов любого женского журнала и в любом книжном киоске. С помощью такой книги нация противника становится «его сатанинским величеством» — Врагом.

Таким образом обвинение врага в преступности истекает от ненависти и вскармливается ненавистью. Воз-

буждающие строфы знаменитого «Гимна ненависти» Лассауера показывают это в первобытной наготе.

Ненависть на воде и ненависть на суше; ненависть сердца и ненависть руки; мы любим, как один; мы ненавидим, как один; у нас только один враг — Англия.

Должны восхваляться все специальные средства, помогающие победить духа зла. Культ борьбы требует, чтобы всякая форма общих усилий (напр. пополнение армии новыми призывами, бережное отношение к пище, изготовление оружия, умерщвление неприятеля) имела за собой всеобщее сочувствие и благословение. В христианских странах должны быть приняты все меры к тому, чтобы не возникало никаких сомнений у лиц, выслушивающих непривычное толкование таких книг, как библия. Всегда бывает целесообразно распространять аргументы проповедников и священников, расположенных давать объяснение, каким образом можно быть одновременно последователем Христа и в то же время убивать своих врагов. Для этого всегда найдется достаточно вождей-теологов, так как фанатичными считаются лишь мелкие секты, которые находят эту задачу трудно разрешимой. В германской литературе можно найти много книг, написанных для того чтобы рассеять сомнения нерешительных душ, которым убийство казалось еще более ненавистным, чем даже англичане. Теодор Бирт успокаивал христиан, смущаемых поучением «Любите ваших врагов», проповедью «Что значит «любите ваших врагов»? Слово успокоения». ⁽⁵⁵⁾ В. Вальтер написал популярный трактат для лютеран под названием «Германский меч освящен Лютером». ⁽⁵⁶⁾ Отто Альбрехт нашел у Лютера предвещание победы и издал книгу «Проповедь войны в писаниях Лютера». ⁽⁵⁷⁾

Оправдание войны полезнее бывает базировать на этических, чем на религиозных основаниях. Знаменитый Рудольф Эйкен восхвалял моральную сторону войны в статье «Нравственные силы войны», ⁽⁵⁸⁾ а Теодор Эльзенгауз, в качестве великого учителя, возносил ей хвалу в статье «Война как воспитывающее начало». ⁽⁵⁹⁾ Теодор Кит не видел антитезиса между силой и правом, считая, что самое главное — сделать право сильным, как он и утверждал это в сочинении «О силе права». ⁽⁶⁰⁾

Оправдание войны может быть проведено более гладко,

если скрыть от взглядов публики ее страшную действительность. Народу можно позволить сожалеть о войне абстрактно, но нельзя никоим образом допустить, чтобы ужасы войны рисовались ему слишком живо. Действительно, желательны даже и такие сообщения, как помещаемое ниже, появившееся в американской прессе в начале испано-американской войны:

Смертные случаи уменьшились. Не повторяется более ужасов Трафальгара. Автоматические ружья производят только моральный эффект. Действие современного оружия менее разрушительно, чем действие кремневого ружья, стрелы и копья.¹

Еще лучше конечно представлять войну как проявление героизма, доброго товарищества, удачества и картинности. Во время последней войны можно было положиться на художника Мюайрхед Бони, что его эскизы западного фронта будут выполнены в смягченных тонах. Юмористические журналы и книги отвлекают мысли от реальностей битв, используя стремление каждого отвернуться от зрелища, которое могло бы стать невыносимым, если бы оно воспринималось во всей его наготы. Популярны отчеты о военных действиях дают обществу возможность думать, что оно знает, как идут дела, но конечно писатель должен стараться, чтобы к его рассказам не было примешано слишком много крови. Такие литераторы, как Бернар Шоу, Дж. Уэльс и Артур Конан-Дойль, будучи командированы на театр военных действий, вернулись со сдержанными рассказами о том, что они вынесли из этого посещения. Людвиг Гангхофер описал в целой серии книг все германские фронты.

Наибольшее значение придается книгам и письмам, написанным активными участниками войны. Гарольд Пит и сержант Гью Эмпей объясняли американцам современный способ ведения войны. Дональд Ханкей² был солдатом, смотревшим на войну глазами высоко-нравственного и религиозного идеалиста; его книга задела много созвучных струн и в Америке и в Англии. Теми же свойствами отличались и труды некоторых других писателей.

¹ Louisville «Courier-Journal» 16 июня 1898 г.

² Выпустивший свои воспоминания под заголовком «Студент под ружьем» (Student in arms).

Прежние романтические чары войны поддерживались в населении рассказами об отдельных приключениях. Один из солдат рассказал: «Что я пережил в более чем 80 сражениях и боях». ⁽⁶¹⁾ Пат-о-Бриен дал описание того, как он бежал от немцев, в книге под названием «Перехитрил гунна». ⁽⁶²⁾ Д-р Прейер повествует, как ему удалось вернуться домой из Нью-Йорка в книге «Из Нью-Йорка в Иерусалим и в пустыню». ⁽⁶³⁾ Пауль Кениг в книге «Поход «Германии» ⁽⁶⁴⁾ описывал приключения подводной лодки при переходе ее через Атлантический океан. Марсель Адо коснулся сферы воздушных боев в произведении «На полном полете». ⁽⁶⁵⁾ Книга «Цеппелины над Англией» ⁽⁶⁶⁾ встретила в Германии такой же горячий прием, как и книга «Капитан-лейтенант барон ф. Ферстнер как командир подводной лодки против Англии». ⁽⁶⁷⁾ Рассказ Мюке о крейсере «Эмден» был одной из наиболее популярных книг во время войны. Крут Аграм в своей книге «В Сибирь со 100 000 немцев» ⁽⁶⁸⁾ сообщал сенсационную историю о 100 000 немцах, сосланных русским правительством в Сибирь, а также о том, как ему удалось бежать. Эмиль Циммерман рассказал в книге «Моя военная поездка из Камеруна на родину», ⁽⁶⁹⁾ как ему удалось пробраться в Германию из окруженных блокадою колоний.

Во всех странах собирались и выпускались специальными сборниками коллекции писем с фронта. ⁽⁷⁰⁾ Всякие очерки фронта читались с интересом, если они были написаны хоть сколько-нибудь литературно. ⁽⁷¹⁾

Разного рода профессионалы способны оказывать влияние на свою публику, а потому их следует поощрять к писанию. Пастор из Льевена, Авг. Леметр, по происхождению швейцарец, издал повесть под названием «Год близ полей сражений в Артуа». ⁽⁷²⁾ Эмиль Бланш в своих «Записках артиста» ⁽⁷³⁾ коснулся артистической братии. Учителя и сестры милосердия, не говоря уже об инженерах и химиках, принадлежат к числу тех, кто умеет описывать виденное, выказывая в то же время сдержанность при описании всего неприятного.

В первые недели войны те из элементов делового мира, которые, не освоившись еще с действительностью, требовали бережного к себе отношения, поддерживались фразами в роде «Торговля — как всегда». ⁽⁷⁴⁾ Эта фраза появилась

в Англии вскоре после начала войны, но была в ходу лишь непродолжительное время, не устояв перед фактами и насмешками. Том Брус Джонэ выпустил брошюру под заголовком «Опасность вторжения в Британию и как при этих обстоятельствах можно продолжать *«торговлю как всегда»*».⁽⁷⁵⁾ 11 августа эта фраза появилась в лондонской газете «Daily Chronicle», в письме Моргана о конторе «У. Г. Смит и Сыновья.»

Таким образом преодолеваются всякие препятствия, и прославляются всевозможные средства, лишь бы силой побороть зло.

ИЛЛЮЗИЯ ПОБЕДЫ

ВОИНСТВЕННЫЙ дух населения поддерживается убеждением, что есть шанс победить. Враг может быть опасным, упорным, сатанински-злым, — и если станет ясно, что он побеждает, то настроение многих групп населения делается неуравновешенным и начнет падать. В таком случае ненависть пришедшего в уныние народа может обратиться на новый объект: народ может возыметь такую злобу к правящим классам собственной страны или к союзникам, что он просто перестанет ненавидеть врага, вследствие чего воинственность его ослабеет.

Иллюзия победы должна поддерживаться ради тесной связи между силой и добром. Первобытные, привычные идеи остаются неизменными и в современной жизни: в силу этих идей, на сражения смотрят как на испытание, имеющее целью доказать, на чьей стороне находятся правда и добро. Если мы выигрываем, это значит — бог за нас. Если мы терпим поражение, это значит, что бог был вероятно на стороне неприятеля. Склониться перед необходимостью — значит склониться перед добром, если только сама вселенная не есть зло, или же если поражение не может быть истолковано как временное несчастье, насланное на нас за прошлые грехи или как очищение для будущей славы. Во всяком случае поражение нуждается во многих объяснениях, тогда как победа говорит сама за себя.

Состояние общества, ожидающего исхода войны, зависит от ответа на вопрос, каковы военные силы у нас и каковы они у неприятеля. С точки зрения пропагандиста существует несколько замечательных примеров того, как следует отвечать на этот вопрос. Настаивать на слабости неприятеля и поощрять ожидание, что враг немедленно падет, это значит поддерживать надежды, исполнение которых может быть отсрочено на неопределенное время, в результате чего явятся разочарование, уныние и поражение. В первый

месяц мировой войны Париж не имел точных сведений о сражающихся армиях, и такая пустота заполнялась самыми лихорадочными слухами. Париж ожидал немедленной победы. «Разве фон-дер-Гольц не признался, что нервирующая жизнь городов привела Германию к упадку? Разве генерал Кейм не заявлял, что в 1870 году победа не была бы на стороне Германии, если бы у нее случайно не оказалось на одну треть больше войск, чем у Франции, — разница, которая теперь уничтожена присутствием бельгийцев и англичан? Разве Италия, Голландия и Португалия не находятся накануне того, чтобы вместе с Антантой бросить и свой жребий? Разве плененные враги не выпрашивают, как милостыни, хлеба для себя и овса для своих лошадей? Разве в Берлине не разгораются бунты и забастовки? Разве прусские офицеры не гонят солдат в сражения, угрожая им револьвером? Разве солдаты не дезертируют толпами и разве один-единственный французский солдат из разъезда не напугал пятьдесят человек немцев и не принудил их к сдаче? Разве наши лошади не пьют воду из ручьев Лотарингии?»

После сообщения, что 9 августа был занят Мюльгаузен, в течение долгого времени не публиковалось специальных сведений с театра войны. О чем же писали тогда газеты? Д-р Гро вел дневник военных слухов, который и был напечатан в пяти томах. Он так отвечает на этот вопрос:

О германских зверствах? Это, увы, было верно. Но также о переписке солдат, о церковной церемонии в Кремле, о расследованиях военной комиссии в Бельфоре, о нашей манере обращаться с пленными, о ранении кронпринца — неверное сообщение, о военных корреспондентах, о запрещении вывоза из России, о швейцарском нейтралитете, о немецких блефах, о патриотическом адресе Клемантеля, о лазарете мадам Мессими, о швейцарских добровольцах, о «promenades de Paris», о победе Того, о снабжении Красного Креста, об американцах, подвергшихся в Германии дурному обращению. ⁽⁷⁶⁾

Но где же были немцы?

И только с 20-го числа в «Matin» стали появляться сообщения. В заглавной строчке стояло:

НЕ В БРЮССЕЛЕ ЛИ ОНИ?

Когда частично начала просачиваться истина, небеса затуманились дикими слухами. Алармисты уже видели немцев в Буа-де-Булонь.¹ 27-го официальных сообщений не было, а 28-го газеты постарались заполнить пробел пророчеством:

**СКОРО ЦАРЬ БУДЕТ ДИКТОВАТЬ
ГЕРМАНИИ СВОИ УСЛОВИЯ.**

29-го фронт оказался передвинутым к Сомме, а 30-го стали известны факты. Тем временем надежды поддерживались сообщением о том, что вторгшийся неприятель будет уничтожен новым смертельным снарядом «Turpinite'ом».

В Берлине первые 25 дней войны протекли в каком-то радостном бреде. Газеты были переполнены сообщениями о взятых в плен солдатах, захваченном оружии, знаменах. По количеству военного снаряжения было захвачено больше, чем во всю кампанию 1870 года. Падение Парижа было вопросом нескольких дней.

Преувеличенный оптимизм этого периода сменился в дальнейшем течении войны ропотом обвинения. Разве народ не был грубо обманут своими вождями? Правильный путь к управлению людьми заключается, конечно, в том, чтобы настаивать на конечном успехе нашего дела. И французский, и немецкий командный состав спасался от совершенной потери доверия, объясняя свои неудачи «внезапной атакой» со стороны неприятеля, — и это — действительно прекрасное объяснение, которым может пользоваться пропагандист. В случае успеха можно позволить, себе забыть о «внезапной атаке», но если положение затруднительно, то упоминание о ней может сослужить службу. Гражданское население с готовностью хватается за эту фразу, так как отлично знает, что оно не замышляло войны и что поэтому весь замысел в руках неприятеля.

Официальный тезис правительств Антанты состоял в том, что Германия, вооружившись «до зубов» и приготовившись ко вторжению, вступила неожиданно, — к ужасу

¹ «Булонский лес» — громадный парк на окраине Парижа, любимое место прогулок парижан. (Прим. перев.)

миролюбивых и неподготовленных к войне народов, — в Бельгию и прошла северную Францию, прежде чем мирно настроенные и изумленные союзники успели достаточно оправиться для того чтобы отразить нападение.

Насколько дело касается истины, нужно заметить, что молва о «внезапной атаке» и о «неподготовленности» была, повидимому, умышленно преувеличена с целью скрыть несостоятельность французской стратегии и помешать совершенному упадку гражданского мужества. Таково по крайней мере заключение Жана-де-Пьерфё, который, в качестве составителя официальных сообщений при штабе главнокомандующего во время войны, находился в благоприятных условиях, чтобы удостоверить правду. После того, как он в течение всей войны был участником обмана, он вздумал вдруг открыть истину такой, какой он ее видел.¹ Он говорит, что французский генеральный штаб в течение многих лет знал, что в случае войны германское нападение должно было произойти через Бельгию и что план своей стратегии французы составили, принимая именно это в соображение, но что они были разбиты в открытом бою, так как их план не удался. Левому флангу, который был смят немцами, верховное командование не дало необходимого подкрепления, полагая, что французское наступление через Эльзас порвет связь между германскими армиями на западе. Французы были отброшены назад в Эльзас, сметены на западе, и весь их план кампании разбит вдребезги, так что самое существование их было спасено лишь благодаря бестолковому образу действий немцев. (77)

Росказни о неприятельских шпионах придают в глазах гражданского населения правдоподобность тезису о «внезапной атаке». Охота за шпионами обязана своим существованием сильному возбуждению перед лицом той громадной опасности, какую представляет собою война, причем эта опасность еще более увеличивается чувством собственной беспомощности, сознанием бессилия сделать что-нибудь существенное для рассеяния этой опасности. Германские крестьяне были взволнованы дикими толками о

¹ В книге под названием «Plutarque a-t-il menti?» («Лгал ли Плутарх?»). Имеется в русском переводе под названием «Плутарх солгал», изд. «Воен. вестн.» 1926. (Прим. перев.)

желтых автомобилях, которые, как предполагалось, мчатся из Франции через Германию нагруженные золотом для России. Они натягивали поперек дорог железные цепи, чем доставляли неприятности несчастным туристам. В Великобритании в лихорадочные дни войны часто случалось, что останавливали и арестовывали военных курьеров. Шпиономания является большим неудобством для многих, но она помогает возбудить в обществе более глубокое сознание необходимости принять деятельное участие в кризисе.⁽⁷⁸⁾

Для того чтобы предотвратить излишний пессимизм, необходимо сочетать теорию «внезапного нападения» с тезисом нашего блестящего сопротивления временному превосходству неприятельских сил. Наши запасы людей и материалов больше, а наши дружественные отношения с другими странами крепче, чем неприятельские. Относительно этих пунктов особенно успокоительно действует свидетельство иностранцев. Французы подбадривали себя, публикуя в 1916 году «Голос итальянцев о войне 1914—1915 гг.» и «Голос латинской Америки» (с предисловием Гомеца Карильо.⁽⁷⁹⁾ Англичане собрали «Шестьдесят американских мнений о войне»⁽⁸⁰⁾ и приветствовали сочинение Рузвельта «Почему Америка должна присоединиться к союзным державам».⁽⁸¹⁾ Немцы ухаживали за военными корреспондентами чужих стран еще прежде, чем союзники опомнились и поняли важность этой меры; поэтому они всегда могли рассчитывать на богатую поживу от них для своей внутренней прессы. Швед Свен Гедин написал книгу «С германскими армиями на Западе»,⁽⁸²⁾ которая была переведена на несколько языков. Судя по книге Карла Юнгера, под заглавием «Американские немцы мобил. .!»,⁽⁸³⁾ германцы были уверены в симпатиях немцев, живших в Соединенных Штатах. Нейтральный швейцарец Ж. Стребель рассказал немцам о некоторых утешительных признаках изнеможения, которые он наблюдал в союзных странах. Его «Путевые картины» («Reisebilder») были изданы в 1915 г. в Люцерне и в Берлине. Нейтральный швейцарец Поль Бальмер рассказал французам о некоторых утешительных признаках изнеможения, которые он наблюдал в Германии. Его книга «Германцы у себя дома»,⁽⁸⁴⁾ была издана в 1915 г. в Париже. Одна немецкая пацифистка, Маделен Доти, сама была свидетельницею немецких страданий и написала

нигу «Уменьшенные пайки», ⁽⁸⁵⁾ которая вышла в Нью-Йорке в 1917 году.

Такое собрание фактов и мнений может быть дополнено пророчествами. В критические дни 1914 года альманах «знаменитой» предсказательницы Тэб ⁽⁸⁶⁾ поддерживал настроение некоторых классов французского общества. 19 августа 1914 года французская газета «Фигаро» опубликовала предсказание, которое будто бы было сделано в 1600 году: некий Фрайер Джон предвидел, что антихрист, носящий имя Вильгельма Второго, падет на той же территории, на которой он ковал свое оружие. Несомненно имелись в виду Эссен и Вестфалия.

Иногда может случиться, что одно и то же пророчество годится для обеих сторон. Так например немцы распространили предсказание, что победа будет на стороне трех императоров и трех королей; ясно, что имелись в виду Германия, Австрия, Турция, Бавария, Саксония и Болгария. А Антанта могла к тому же пророчеству приспособить список: Россия, Индия, Япония, Бельгия, Италия и Сербия.

Для людей, склонных к рассуждениям, пророчества должны облекаться в более тонкую форму. Так, профессор Ланессан принял в этом участие, объясняя «Почему немцы будут побеждены». ⁽⁸⁷⁾ Говорят, что в 1916 году Ллойд-Джордж сказал бельгийцу Вандервельде, что

Англия объявила войну в 1914 году, начала ее в 1915, развернула в 1916 и закончит в 1917.

Но главным образом хитрый шотландец ставил повидимому своим пределом прекрасную формулу:

Мы кончим войну тогда, когда достигнем своей цели.

Большое преимущество иметь для общества таких надежных неофициальных толкователей войны, на которых можно рассчитывать, что они сумеют представить дело в наиболее выгодном свете. В Соединенных Штатах — Франк Саймондс, в Англии — полковник Репингтон и во Франции — майор Руссе сумели завоевать доверие общества и служили громадной поддержкой властям, так как они являлись колесами той машины, при помощи которой распространялись толкования, наименее вредящие настроению общества. Они умели объяснить, что

отступления — это стратегические отходы, а эвакуации имеют целью только выпрямление линии.

Одним из вопросов, возникающих при ведении войны, является вопрос о том, как быть с сообщениями о потерях. Возможная в этом отношении политика проходит все градации от полного умолчания до немедленного объявления. Когда Винстон Черчилль возглавлял адмиралтейство, главный морской цензор характеризовал его как

до некоторой степени игрока: он задерживал на время плохие известия, рассчитывая на получение хороших, чтобы опубликовать их вместе, и должен сказать, что нередко это так и происходило. Но с другой стороны случались дни, когда хороших известий не было; тогда атмосфера становилась напряженной, и на всех лицах появлялось выражение озабоченности.

После его ухода я всегда настаивал на немедленном публиковании всех неудач или во всяком случае на том, чтобы они сообщались тотчас же после отчета о числе потерь и извещения родственников; и действительно, это стало более или менее практиковаться. ⁽⁸⁸⁾

Британцы применили политику полного умолчания, когда 27 октября 1914 года они потеряли свое военное судно «Audacious» («Смелый»), наткнувшееся на мину у ирландских берегов. В течение всей войны это не было официально опубликовано, и печальное сообщение об этом появилось уже после замирения. Из такого умолчания англичан в первые дни войны немцы имели возможность извлекать много выгод, и только после Ютландского дела англичане смогли вновь вернуть себе доверие и дома и за границей. 31 мая немцы объявили по беспроволочному телеграфу, что одержали крупную морскую победу. К берегам Англии стали прибывать поврежденные суда и сообщения родственникам; молчание стало больше невозможным. Официальное сообщение от 2 июня откровенно опубликовало британские потери, — поскольку они были известны. Впечатление было ужасающее. Когда же днем позднее стали прибывать сведения о потерях неприятеля, общее волнение стало успокаиваться. ⁽⁸⁹⁾

В общем вероятно правильное сообщать о случившихся потерях, полагаясь на то, что ловкое преумножение благоприятных известий сможет нейтрализовать впечатление. Особые вопросы возникают в связи с сообщением о тех потерях, которые известны неприятелю только в общих чертах. Браунриг восставал против публикации гибели

британских торговых судов, потопленных неприятельскими подводными лодками и минами, потому что таким путем неприятель получал бы точные сведения обо всем, что иначе оставалось бы для него неизвестным. Общественное требование сообщать о ходе «подводной» войны было так настойчиво, что в конце концов пришли к компромиссу. Сначала объявляли о количестве потерянных за неделю судов без дальнейших подробностей, позднее же количество судов стало заменяться количеством потерянных за неделю тонн. Это указывает на то, что к такого рода делам был применен здравый принцип. Когда потери по своему характеру не могут быть точно известны неприятелю, сообщение о них должно быть суммарное. Конечный итог нужен для того, чтобы уничтожить дикие преувеличения глухой молвы алармистов.

Другая задача, возникающая по мере хода войны, заключается в том, как быть с теми новыми средствами, которые предполагается ввести в дело. Возможно, что каждое новое изобретение со стороны ведущего войну будет приветствоваться дома как обещание победы и осуждаться в чужих странах как преступление против человечества. Но и в этом правиле существуют исключения; ради тех домашних чувствительных душ, которые будут пожалуй сожалеть о применении особенно сокрушительных средств следует провести осторожную подготовительную кампанию. Если же распространится слух, что неприятель только-что применил новое средство, то немедленно раздадутся крики за то, чтобы применить такое же в качестве меры справедливой отплаты. Воздушные бомбардировки и применение газов считались и союзниками и немцами продуктами гнусности противной стороны. Подводная война защищалась в Германии как ответ на жестокую английскую блокаду, которая так далеко переступила границы международных законов, что сделалась оружием нападения скорее на старых и малых, на женщин и детей, чем на воюющих мужчин. Германское правительство защищало свои приказания топить без предупреждения, рассказывая о том, как союзники воспользовались добрым сердцем командира подводной лодки: когда субмарина остановила судно, английский матрос, переодетый женщиной, стал у борта на палубе, держа в руках сверток, который имел вид завернутого

ребенка; сумбарина поднялась на поверхность, чтобы принять несчастную женщину прежде, чем потопить судно, а в это время переряженный матрос бросил в сумбарину бомбу, моментальнее уничтожившую.

Для тех многочисленных групп населения, которым война представляется битвой голиафов, необходима пропаганда доверия к вождям. Бывает очень успокоительно прочесть хорошо написанную биографию военного деятеля. Так, Отто Крак написал популярную брошюру «Жизнь Людендорфа», а Гарольд Бегби прославил Китченера в книге «Китченер — организатор победы». Брошюра «Генерал Пауль фон-Гинденбург» была написана Бернардом фон-Гинденбургом.

Рассказы о героических подвигах в обыденной жизни или об исключительных случаях укрепляют уверенность в конечной победе. К рассказам из жизни в окопах должны быть присоединены менее драматичные повествования о том, как в тылу сплотилась страна, сберегая пищу, изготавливая оружие и ухаживая за больными и ранеными. Рудольф Ганс Бартч объехал Германию и написал книгу,¹ которая ободряла солдат на фронте и поощряла гражданское население.

Воля к победе находится в тесном сродстве с шансом победить. Для ведения войны необходим тезис конечной победы, если не хотят, чтобы упадок духа подорвал энергию и усилил внутренние трения и распри.

¹ Das deutsche Volk in schwerer Zeit (Германский народ в тяжкое время).

ПОДДЕРЖАНИЕ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

ДЛЯ ПРОЧНОСТИ фронта против неприятеля необходимы сердечные отношения между союзниками. Особенно важно, чтобы союзники побуждали друг друга к соревнованию, подчеркивая напряженность своих усилий в деле продолжения войны. В мировую войну действительное вступление в борьбу Америки произошло раньше, чем итальянцы успели оправиться от разгрома у Капоретто. Измученные и упавшие духом итальянцы недоверчиво отнеслись к искренности желания американцев вести войну. Американцы, — как под шумок толковалось кругом, — народ промышленный; они забыли, как нужно воевать. Им не хочется променять свои цветущие дела на занятие, полное опасностей. У Америки нет армии; она не нуждается в армии и не сможет создать ее, если бы и пыталась. Даже если бы армия и была создана, все равно подводные лодки потопят транспорты, могущие перевезти ее в Европу. Да наконец американские офицеры и солдаты слишком неопытны, чтобы им можно было придавать какое-нибудь значение. ⁽⁹⁰⁾

Поэтому главным лейтмотивом американской пропаганды в Италии была непоколебимая решимость Америки раздавить центральные державы, что и доказывается ее приготовлениями к войне. Нью-Йоркский комитет общественной информации изготавлял сведения, которые должны были распространяться через агентство Стефани — крупнейшую итальянскую ассоциацию печати. Эти сведения должны были касаться военных приготовлений, постройки судов, сбережения продуктов питания, займов свободы, Красного креста и других гражданских служб. Влиятельным итальянцам были посланы отдельные сообщения, напечатанные на мимеографе.

Несколько итальянских журналистов должны были

объехать Америку и дать отчет о своих впечатлениях. Итальянцы, жившие в Америке, поощрялись к тому, чтобы писать домой письма с рассказами о великом напряжении американцев. К сотрудничеству были призваны газеты, печатались также памфлеты и брошюры. Американцы (особенно итальянского происхождения) произносили речи. В огромном количестве доставлялись кинематографические фильмы и картины для волшебного фонаря. Повсюду распространялись американские фотографические снимки, открытки, ленты, пуговицы, объявления, флаги, музыка и пьесы. В Италию был привезен отряд настоящих живых солдат-американцев, — не столько для того, чтобы сражаться, сколько для целей выставочного характера, — и солдаты эти вызвали громадный энтузиазм как авангард американской доли участия в войне.

Доминирующей темой всего этого были напряженные старания Америки выиграть войну. Глава американской миссии в Италии пишет:

Наша единственная ошибка заключается в том, что мы умаляли размеры приготовлений Америки. Нам казалось, что так как американцы имеют репутацию хвастунов, то лучше будет умалить эти размеры, чем переоценить их, и мы были чрезвычайно обрадованы, когда, проведя в Италии несколько месяцев, услышали дружественный отзыв одного итальянца, заявившего, что получаемые от нас сведения не давали полного понятия о силе напряжения Америки.

Если есть основание подозревать, что цели войны одного из союзников расходятся с целями другого, то для возбуждения энтузиазма союзников недостаточно бывает проявления одного лишь напряжения в деле ведения войны. Англичанам все время приходилось считаться со скрытым подозрением Франции, что победа будет использована англичанами в ущерб интересам Франции. Держались настойчивые слухи, что англичане не только намеревались оставить за собой Кале, — как это доказывалось тем, что они строили там прочные дома, — но что, продолжая войну, они вносили в нее свою долю — главным образом техническими усовершенствованиями — исключительно для того чтобы воспользоваться французскою кровью для потопления в ней своего опасного соперника по торговле. В тяжелую зиму 1917 года Виггэм Стид из лондонского «Таймс'а» был поражен, когда открыл, сколько вреда принесли намеки

на то, что в любой момент мог бы быть заключен благоприятный мир, если бы англичане согласились вернуть отнятые ими у немцев колонии.

Стид ухватился за возможность объяснить в одной из своих речей, что Англия не имеет права распоряжаться прежними германскими колониями по одному решению Доунинг-Стрита. Британская империя, в сущности говоря, давно уже перестала быть империей; она сделалась общим достоянием тех наций, которые проливали на этих прежних германских территориях свою кровь и которые никогда не согласятся на то, чтобы Даунинг-Стрит использовал их в качестве простых пунктов договора. Стид предполагал, что эти слухи могут быть подавлены раз навсегда только объяснением конституционных положений Британской империи.¹

Равнодушие Италии к участию американцев в войне объясняется отчасти широко распространенным утверждением, будто Америка вступила в войну для того чтобы завоевать коммерческое владычество над всем миром. План Америки состоял в том, чтобы открывать крупные кредиты обедневшим европейским правительствам, а по окончании войны потребовать непредусмотренные заранее тяжелые компенсации. С этой хитрой кампанией инсинуаций и подозрений в бой вступила энергичная пропаганда Вильсона, настаивавшая на бескорыстном и гуманном характере военных целей Америки.

Французы были огорчены открытием, что мнения американцев не отличались единодушием в деле поддержки того положения, что по окончании военных действий Эльзас и Лотарингия должны отойти к Франции. Французская военная миссия в Соединенных Штатах усердно старалась убедить в необходимости этого американцев, а французский главный комиссар М. Тардые напрягал в этом направлении все свои силы. Через несколько месяцев после его прибытия, в мае 1917 года, он имел удовольствие сообщить:

Такой образ мыслей совершенно изменился. Я имею смелость полагать, что в этой перемене сыграла большую роль деятельность моих сотрудников и моя собственная, а также 1 500 произнесенных по-английски речей, в которых молодые офицеры со всем авторитетом,

¹ См. С т и д, Through thirty years II, p. 135.

придаваемым им опытом войны и полученными ранами, изобразили жалкое состояние захваченных провинций (Тардье основал в Америке общество эльзас-лотарингцев). Тысячи огромных объявлений, воспроизводящих «Alsacienne» Геннера, с текстом Бордосского протеста... довели до сведения каждого штата в Союзе значение и цели наших требований.

Прием пропаганды в пользу определенной страны иллюстрируется кампанией, проведенной в 1919 году для обеспечения поддержки Америки в вопросе о признании Литвы независимым государством и финансировавшейся друзьями Литвы. Литовский национальный комитет нанял для проведения кампании «Совет общественных отношений» (Public relations council) — что было равносильно плате союзнику за признание домогательств (полной независимости) его младшего сочлена. «Советом общественных отношений» были предприняты следующие шаги:

Он исчерпывающим образом изучил литовский вопрос со всевозможных сторон, начиная с древней и современной истории Литвы и ее этнографического происхождения вплоть до теперешних свадебных обычаев и народных развлечений. Он разделил полученный материал на различные категории, принимая прежде всего во внимание ту публику, на которую он должен оказывать влияние. Для любителя-этнолога он запасался интересными данными и точными датами коренного происхождения Литвы. Изучающего языки он привлекал подлинными хорошо написанными исследованиями развития литовского языка, начиная от его происхождения от санскритского. Он рассказывал фанатикам спорта о литовском спорте, а женщинам — о литовских костюмах. Ювелиру он рассказывал о янтаре, любителям музыки устраивал концерты литовской музыки.

Сенаторам он доставлял такие факты о Литве, которые могли бы дать им основание для соответствующих действий. Так же он поступал в отношении членов Палаты народных представителей. Тем обществам, скристаллизовавшиеся взгляды которых могли оказаться полезными для руководства мнениями других, он доставлял факты, могущие служить базисом благоприятных для Литвы заключений.

Была задумана и приведена в исполнение целая серия событий, которые должны были привести к желательным выводам. В различных городах устраивались митинги; писались, подписывались и представлялись петиции; «ходоки» обращались в Сенат и в Палату народных представителей. Были использованы все способы подойти к обществу, сосредоточить на этом вопросе интерес общества и вызвать общественное движение. Почта рассылала сообщения о положении Литвы тем отдельным лицам, которых можно было бы заинтересовать этим. С высоты платформы повсюду раздавались воззвания за Литву. Покупались и оплачивались газетные объявления. Радио передавало публике речи ораторов. Кинематографические фильмы посылались владельцам кинематографов.

Мало-по-малу, фаза за фазой общество, пресса и должностные лица правительства ознакомились с обычаями, характером и стремлениями Литвы и того маленького прибалтийского народа, который добивался свободы.

Когда Литовское бюро информации выступало перед союзом прессы для исправления неточных или вводящих в заблуждение польских сообщений, оно являлось в качестве представителя группы, уже широко фигурировавшей в течение нескольких недель в американских известиях, что было результатом совета и деятельности его «Совета общественных отношений». Точно так же, когда перед членами Конгресса или перед должностными лицами государственного департамента появлялись делегации американцев, заинтересованных литовским вопросом, они являлись адвокатами страны, которая не была уже более неизвестной. ⁽⁹¹⁾

Такого рода пропаганду всегда необходимо сопровождать постоянными доказательствами уважения и почтения. Союзники соблюдали важнейшие праздники друг друга. 4 июля американцев праздновалось по всей союзнической Европе. 24 мая, в день вступления в мировую войну Италии, американские пропагандисты организовали в честь ее громадную демонстрацию. Публичные обращения и обзоры, издаваемые Междусоюзнической военной миссией, пользовались тошнотворно-льстивой фразеологией, которая однако звучала искренно в моменты глубокого возбуждения чувств. ⁽⁹²⁾

Каждый союзник должен подкреплять темы внутренней пропаганды во всех их пунктах. Союзники должны заставить друг друга понять, что неприятель одновременно и угрожает их интересам и служит им помехой. Быть может ошибка именно в этом пункте и объясняет отчасти выход революционной России из рядов Антанты. Полковник Робинс был послан в Россию в помощь полковнику Томпсону от американского Красного креста, и его версия того, что случилось в России, была предметом публичного сообщения в заседании, проведенном в присутствии сенаторской комиссии по расследованиям (Senatorial investigating Committee). Полковник Робинс отправился посмотреть, каково настроение солдат, и когда он вернулся, полковник Томпсон спросил его:

«Так, значит, это проникло глубоко, не так ли, — эта история, которая распространяется сейчас по всей России, — это культивирование пораженчества?»

Я ответил: «Да, полковник, и это клонится к тому, чтобы дезорганизовать весь социальный строй России». Он сказал: «А как

обстоит дело с союзнической пропагандой?» Я ответил: «Полковник, это хуже, чем ничего». В тот момент пропаганда заключалась в картинах и писаниях на тему о том, как велика Франция, как страшна Англия и как всеподавляюща Америка. «Через несколько недель мы будем иметь на фронте 20 000 аэропланов. Через несколько месяцев у нас будет 4 000 000 солдат. Мы выиграем войну простой прогулкой». На это русский мужик ответил: «Вот как! Ну, что же, — если союзникам так легко выиграть войну, то мы, так долго сражавшиеся и трудившиеся, можем вернуться к своим семьям». Таким образом, если я правильно разбираюсь в фактах, реальным результатом союзнической пропаганды было ослабление, а не укрепление духа.

Мы пришли к заключению, что из этого положения существует подходящий в и то же время естественный выход. Он заключается в том, чтобы все это объяснить революционной России, проклятием которой была поставленная царем на первое место защита интересов союзников, а также последовавшие за этим перекрестные течения. Хотя я и знал, что совершенно невозможно заставить массовый революционный ум думать так, как думали мы в качестве союзников, тем не менее можно было заставить русских бороться с Германией для спасения революции. А если они могли быть нам полезны, то нам не было никакого дела до их образа мыслей, и потому мы решили: нам нужно объяснить необходимость удержания фронта и разгрома германского милитаристического самодержавия так, чтобы это показалось равносильным спасению революции; случайно, оно так и есть. Нам нужно сказать, что победа германского милитаристического самодержавия будет приговором русской революции. Нам нужно обрисовать все это так, чтобы каждый солдат и каждый крестьянин видел за германскими штыками баронов и помещиков, обратно возвращающихся на свои земли, самодержавных владельцев промышленных предприятий, возвращающихся для того чтобы заменить 8-часовой день и 15 рублей, завоеванные революцией, двумя рублями и 12 часами полурабских дореволюционных дней на фабриках, заводах и в шахтах. Мы должны заставить русских видеть за немецкими штыками великих князей, возвращающихся для того чтобы уничтожить их местные самоуправления и революционные советы. Если мы умеем это сделать, мы спасем положение.

Во втором и третьем совещаниях по этому поводу на сцену выступил денежный вопрос. Предприятие было задумано широко. «Как мы это сделаем?» Казалось совершенно ясным, что этого сделать нельзя. Не было технического аппарата для приведения всего этого в исполнение; не было ни американского, ни Союзнического бюро. В глазах крестьянской России союзники тоже были проклятыми самодержцами. Нужен был русский и притом революционер.

В это время в Зимнем дворце находилась г-жа Брешковская, — старая, героическая фигура, пожалуй наикрупнейшая революционная личность данного времени. Г-жа Брешковская после сорокалетнего служения в России делу революции находилась теперь в Петрограде в Зимнем дворце, с триумфом вернувшаяся из Сибири, прославляемая везде по пути и встреченная одним из величайших в истории этого города скоплением народа, — эта старая крестьянка и революционерка была встречена на большом железнодорожном вокзале,

проведена в апартаменты царя воздававшими ей почести министрами и т. д., и т. д. Теперь она жила в Зимнем дворце в апартаментах наследника, выходивших на Неву и Петропавловскую крепость, в которой она просидела три года. Это был исполненный драматизма, потрясающий закат. Я был знаком с ней, знал ее в течение 12 лет, знал ее, когда она жила в этой стране; помогал ей в некоторых ее трудах. Я был знаком с Николаем Чайковским, настоящим, искренним революционером, в то время главой крестьянского кооператива в России.

Полковник Томпсон согласился с тем, что в свободной России должен быть организован «Комитет гражданского обучения». Председательницей этого Комитета должна быть выбрана г-жа Брешковская, а членами его: Николай Чайковский, русский революционер Лазарев, бывший в течение многих лет заведывающим молочной фермой в Швейцарии, — в сущности же подпольной станцией русской революции, — и хорошо известный своими услугами родине; генерал Нислаковский, один из членов генерального штаба Керенского, на которого можно было положиться, работавший в этом Комитете активно по военной части, и Давид Соскис, личный секретарь Керенского. Все они должны были образовать комитет по «Гражданскому обучению свободной России».

Программа была такова: «Мы начнем с того, что купим несколько газет и рука об руку с остальной печатью изготовим простые объяснения крестьянским языком и в выражениях, доступных пониманию крестьян и рабочих; объяснения эти будут исходить от крестьян и рабочих, а не от интеллигенции. Мы разошлем по рядам войск и по деревням новые слово о борьбе с германским милитаристическим самодержавием не для оказывания помощи союзникам, а во имя спасения Революции.

Полковник Вильям Б. Томпсон, стараясь помешать отложению России, истратил на такого сорта пропаганду миллион долларов собственных денег.¹

В начале войны лейтмотивом союзнической пропаганды был, совершенно естественно, лозунг конечной победы над агрессивной Германией. Потребовалось все искусство союзных представителей в России, чтобы поддержать в ней бодрый дух в течение августа и сентября, когда французские и британские армии отступали перед лавиной германцев. Французский посол пишет в своем дневнике:

Я заботился о том, чтобы эти события представлялись русской прессой в наиболее благоприятном (и быть может в наиболее правильном) освещении, т. е. как временное систематическое отступление, предшествующее повороту в ближайшем будущем назад в целях более

¹ Одним из нововведений пропаганды с целью удержать Россию от дезертирства была организация женских батальонов для того чтобы устыдить мужчин и заставить их сражаться против Германии. (Прим. автора.)

страшного и энергичного наступления. Все газеты поддерживают эту версию.¹

Французский посол стоял перед таким положением:

Финансовые круги Петрограда находятся в непрерывных сношениях с Германией через Швейцарию, и все их взгляды на войну инспирированы Германией.

На распространяемых ими за последние три недели положениях виден несомненный германский штамп. Они говорят, что мы должны смотреть на вещи так, как они есть. Обе группы воюющих должны понимать, что ни одной из них не удастся победить и окончательно сокрушить другую. Война неизбежно кончится соглашением и компромиссом. Следовательно — чем скорее, тем лучше. Если враждебные действия будут продолжены, австро-германцы устроят огромную укрепленную линию вокруг своих теперешних завоеваний и сделают ее неприступной. Поэтому в будущем лучше отказаться от этих напрасных наступательных действий. Под защитой своих неприступных укреплений они будут терпеливо ждать того времени, когда упавшие духом противники умерят свои требования. Тогда соглашения о мире будут неминуемо строиться на территориальных уступках.

Я никогда не перестану утверждать, что для нашего противника добиться быстрого разрешения конфликта было вопросом жизни, потому что его материальные ресурсы все же ограничены, тогда как наши неисчерпаемы. Во всяком случае германский генеральный штаб должен, согласно своим теориям, придерживаться стратегии наступления.

Бывают обстоятельства, при которых можно серьезно повредить согласованности операций, возбуждая самоуверенность союзника. Немцы боялись, как бы австрийские и венгерские власти не стали слишком оптимистично смотреть на будущее и не возмутились своим подчинением северному союзнику. (93)

Пропаганда, обращаемая к недовольным группам внутри населения, может быть сильно подкреплена междусоюзническим сотрудничеством. Итальянские католики поддавались призывам не только определенных дружественных союзникам итальянских вождей церкви, но также призывам таких людей, как кардинал Гиббонс, кардинал Фарлей и кардинал О'Коннель, представителей американской церковной иерархии. Рабочие группы Италии поддавались не только своим лидерам, стоявшим за союзников, но также и радикалам, приезжавшим к ним извне. Американцы привлекли на свою сторону Александро Хауата («человека, который никогда не проигрывал стачки») и Джона Спарго.

¹ Палеолог, Мемуары посла, I, стр. 108.

Междусоюзническая пропаганда дружбы требует взаимного контроля отношений. Большая часть дружеских чувств к союзнику фабрикуется страной среди собственного населения. Возбуждение этих чувств дома важнее их возбуждения в чужих краях. Способы действия одинаковы с теми, которые перечислялись в связи с задачей возбуждения энергии союзника.

Иногда дело ретушировки того образа союзника, который запечатлелся в общественном мнении, является операцией тонкой и сомнительной. Артур Мейер откровенно сомневался в прочности сближения между Францией и Англией, так как он помнил время, когда дети Парижа распевали песенку:

Jamais, jamais en France
L'Anglais ne règnera.¹

Иногда помогает откровенное обращение с извинением, как это сделал знаменитый писатель, член французской Академии Пьер Лоти, когда опубликовал в «Фигаро» (авг. 1914) свою защиту Сербии:

«Pauvre petite Serbie, devenue tout à coup martyre et sublime, je voudrais au moins lui ramener les quelques coeurs français que mon dernier livre a peut-être éloignés d'elle».

(Бедная маленькая Сербия, принявшая вдруг мученический венец и ставшая прекрасной. Я хотел бы по крайней мере вернуть ей те французские сердца, которые быть может моя последняя книга отдала от нее).

Наиболее деликатная задача заключалась в том, чтобы вызвать в английском обществе дружеские чувства к России. Традиционной угрозой империи в течение многих лет была Россия, а не Германия, и рассказы о русском абсолютизме зомораживали кровь в жилах той нации, которой был привит парламентаризм. Успех заделки этой трещины был действительно замечателен, и Базиль Томпсон, начальник «Скотланд Ярда», довольно-таки саркастически оглядывается на это с высоты более выгодного положения последующих лет:

Странно думать теперь, что в марте 1915 года Англия считала Россию способной вдохновить Запад. Говорилось, что снова ожил дух

¹ «Le Gaulois» 19 октября 1914 года: «Никогда, никогда не будет англичанин господствовать во Франции».

крестоносцев, что весь русский народ воодушевлен решимостью вернуть Константинополь христианскому миру, вновь овладеть святыней... Водка была запрещена при единодушном одобрении всего народа... Преступление почти исчезло из деревень... В случае успеха русским говорилось, что наступает время борьбы между их религиозным идеализмом и возвышенными моральными стремлениями, с одной стороны, и чудовищем западного материализма, от которого они были пока чисты — с другой. Во все это честно верили люди, думавшие, что они знают Россию. Теперь, после быстро пролетевших шести лет, не слышно что-то больше их голосов.¹

Когда две страны связаны узами традиционной дружбы, тогда легко бывает взывать к ним в критических обстоятельствах. В этом стиле Гастон Риу приветствует американцев в своем «Лафайэт, вот и мы!». . .²

Как ни важна, действительно, задача поддержания дружественных отношений между нациями, воюющими заодно, тем не менее часто случается, что исход войны зависит главным образом от отношения нейтральных держав. Основная проблема контроля над отношениями нейтральных стран заключается в том, чтобы заставить их видеть в вашем враге их собственного врага, в ваших стремлениях — их собственные цели.

Существует незаметный оттенок в военных известиях, приходящих преимущественно с одной стороны; оттенок этот порождает сильный перевес в пользу одной из борющихся сторон. Почти бессознательно привыкают говорить о «нашей победе», «неприятель отступил», «мы удержали позиции». Драгоценное преимущество Англии заключалось в том, что в ее руках был кабель, ведущий в Соединенные Штаты. Немцам так и не удалось настолько усовершенствовать работу беспроволочного телеграфа, чтобы сравнять ее с работой кабеля.

Скорее вследствие путаницы, получившейся от неправильно приданного сообщениям смысла, чем вследствие истинных симпатий, в некоторых Нью-Йоркских газетах в то время, когда немцы с боем проходили через Бельгию и северную Францию, появились заголовки такого характера:

¹ «Queer People», стр. 63. Если того потребует международное положение, этой цитатой можно воспользоваться для того, чтобы зажать рот клевете о реакции в Англии после войны.

² Lafayette, nous voilà!..., Париж, 1917.

БЕЛЬГИЯ БЬЕТ НЕМЦЕВ. АНГЛИЙСКАЯ
АРМИЯ ПОМОГАЕТ ЕЙ. ГЕРМАНСКИЕ
ПОТЕРИ В БЕЛЬГИИ ИСЧИСЛЯЮТСЯ
ТЫСЯЧАМИ. ПУТЬ ГЕРМАНЦЕВ В БЕЛЬ-
ГИЮ ОБРАЩЕН В ПОБОИЩЕ.

Непосредственное изображение одной из борющихся сторон врагом нейтрального государства может принимать бесконечное число форм. Уже в 1915 году вышла книга, посвященная вопросу об ужасной судьбе Америки в случае, если бы Германия выиграла войну. В книге Дж. Бернарда Уокера. «Падение Америки — следствие европейской войны»: немцы разграбляют Нью-Йорк («America Fallen: A. Sequel to the European War», Лондон 1915). К этому почтенному способу прибегали во время франко-прусской войны для возбуждения Англии против Германии. В номере журнала «Blackwood's Magazine» за апрель 1871 года появилась статья под заглавием «Падение Англии или битва при Доркинге», перепечатанная затем в качестве памфлета и расходившаяся массами.

Для немцев оказалось невозможным поднять крик, что Великобритания намеревается напасть на Америку, так как ясно было, что англичане сильно вовлечены в дела Западной Европы. Вместо этого они стали инсинуировать, что нападение на Америку будет произведено характерным для англичан окольным путем. Волю Англии будет творить Япония. На самом деле, какое же иное толкование можно было давать англо-японскому союзу? Почему Япония

лихорадочно занята постройкой судов и имеет теперь в доках до 168 000 тонн водоизмещения?

Мы, американцы, чувствуем себя в безопасности, мирно и самодовольно настроенными, продавая Европе оружие, которым они там убивают друг друга, и говорим самим себе: «Мы слишком сильны, чтобы опасаться кого-нибудь».

Мы стали бы думать иначе, если бы знали, что Япония, представительница всей Азии, всей желтой расы, решила, что наступил момент нападения, наступил момент для того чтобы сделать японскими обе стороны Тихого океана. ⁽⁹¹⁾

Джефферсон Джонс смотрел с опасением на книгу «Падение Тсинг-Тоу» («The Fall of Tsington», Нью-Йорк, 1915),

и книга эта оказала помощь в смысле возбуждения подозрения против японцев.

Разнородный состав американского общества поддается специальной пропаганде. Оказалось возможным возбудить евреев против русских, ирландцев против британцев, народы Запада против японцев и (на время) итальянцев против французов. Антанта могла делать воззвания к английским, французским, шотландским, валлийским, русским, сербским и румынским элементам, а после того как разросся антагонизм по отношению к Австро-Венгрии — к южно-славянским, чехо-словакским и польским.

Наследственным врагом Америки (Erbfeind) была Англия, и германцы непрестанно играли на антианглийской струне. Это Англия сожгла Вашингтон в 1814 году и заставила Джефферсона произнести горькие слова, что

Англии удалось показать, что в деле жестокости Наполеон был младенцем по сравнению с ее министрами и генералами.

Кроме того эти подлые англичане подстрекали индейцев к избиению американцев, живших на границе во время революционной войны и войны 1812 года. Вероломный Альбион все еще старается что-то затеять, и м-р О'Рейли спрашивал на гостеприимных столбах газеты Херста:

Не подкупают ли нас для того чтобы мы жертвовали нашими лучшими интересами, равно как и нашими нравственными правилами, посылая Англии оружие, чтобы она могла истребить германцев, уничтожить Германию и захватить германские колонии и торговлю.

Центральные державы выставлялись поборниками традиционного американского принципа свободы морей. Этот тезис обсуждался в памфлете Вильяма Баярда Хеля. ⁽⁹⁵⁾

Англичане в противовес этому призыву разоблачают германские планы распространения после войны в Южной Америке, вопреки доктрине Монрое, и планы завоевания всего мира для германской торговли путем создания европейского блока. ⁽⁹⁶⁾ Англичане утверждали также, что они ведут войну демократии против милитаризма и самодержавия, — а для того чтобы убедить в этом всю нацию, они издали книгу Бернгарда «Германия и будущая война». ¹

Рука об руку с другими мероприятиями должно идти

¹ Germany and the next War.

систематическое поношение неприятеля. Во время франко-прусской войны французы вызвали взрывы негодования в Англии слухами о предполагавшейся бомбардировке Парижа, жестоко нападая на немцев за их варварское равнодушие к бесценным сокровищам цивилизации. Бисмарк хорошо понимал значение этого призыва к чувству нейтрального соседа и предписал своему секретарю по ведению пропаганды составить статью на следующую тему:

Если французы желали сохранить свои памятники и коллекции книг и картин от опасностей войны, то они не должны были окружать их укреплениями. Кроме того французы и сами ни на минуту не задумались бомбардировать Рим, где находятся памятники, гораздо более ценные и разрушение которых было бы незаменяемой утратой. ⁽⁹⁷⁾

Когда лондонская газета «Standard», недружелюбно относившаяся к немцам во время войны 1870 года, напечатала рассказ герцога Фитц-Джемса с описанием всевозможных прусских гнусностей в Базеле, Бисмарк продиктовал ответ, который должен был быть передан английской печати. Он заявил, что ужасы войны происходили не от жестокостей немцев, а от глупых рассказов о прусской жестокости, — рассказов, которые пугали крестьян до того, что они покидали свои жилища, где были в полной безопасности. ⁽⁹⁸⁾

Во время той же войны французы изготовили памфлет для распространения внутри страны и вне ее; памфлет этот носил название «Война, как ее ведут пруссаки». ⁽⁹⁹⁾ Бисмарк приказал Бушу:

Пожалуйста, напишите в Берлин, чтобы они собрали что-нибудь из этих описаний, изобразив их под нашим углом зрения и отметив все случаи жестокости, варварства и нарушения Женевской конвенции, совершенные французами. Но только пусть пишут не слишком много, — иначе никто не станет читать. И это должно быть сделано спешно. ⁽¹⁰⁰⁾

Во время мировой войны нейтральные органы были наводнены пропагандистским материалом, выставлявшим напоказ грехи неприятеля. Кроме общих призывов к чувствам нейтральных народов, было выпущено множество специальных воззваний. Немцы распространили воззвание к протестантам с призывом выразить протест против дурного обращения англичан с миссионерами. В. Страк изготовил памфлет «Страдания евангелических миссионеров

в Камеруне». ⁽¹⁰¹⁾ Все повреждения, которые были нанесены церквям на занятых территориях, были приписаны немцам. Католики, как наиболее пострадавшие, организовали для обработки мнения чужеземных католиков специальный комитет пропаганды. ⁽¹⁰²⁾ Для осведомления невоюющих народов монсеньор Пьер Батифоль опубликовал в 1915 году свое письмо «Нейтральному католику». ⁽¹⁰³⁾ Французские протестанты, следуя примеру своих братьев-католиков, образовали комитет для пропаганды за границей и выпустили книгу «Наши алтари осквернены». ⁽¹⁰⁴⁾ Итальянцы пустили в ход то же оружие в памфлете «Австрийские варварства в отношении итальянских церквей» (Флоренция 1917).

Эта пропаганда велась с большим искусством в Америке, особенно союзниками. 18 декабря 1916 года на громадном митинге в Карнеджи-Холле, в Нью-Йорке, был выражен протест против обращения с бельгийцами. На митинге была получена телеграмма от Теодора Рузвельта и прочитано воззвание кардинала Мерсье. Все это дело приобрело при помощи печати широкую гласность.

Русское правительство обратилось к нейтральным странам со специальным меморандумом, выражавшим протест против той доказанной клеветы о поведении ее войск, которую старательно распространяли центральные государства. Россия протестовала также против «Нарушений законов и правил войны, совершенных германскими и австро-венгерскими войсками в России» (1915 г.). Англичане провели немцев, заручившись услугами бывшего посланника Брайса для работы по делам о совершенных жестокостях. Протест, с которым кайзер обратился к президенту Соединенных Штатов по поводу эксцессов бельгийских партизанов, остался без результата. Немцы собрали массу материала для обвинения бельгийцев; так, например министерство иностранных дел издало 10 мая 1915 г. книгу «Противоречащее международному праву ведение бельгийцами народной войны». ⁽¹⁰⁵⁾ Они заявили о злодействах русских, вторгнувшихся в Восточную Пруссию, и резко осуждали отношение противников к пленным, военным и невоенным. ⁽¹⁰⁶⁾ Бельгийцы возражали официально на предъявляемые к ним обвинения, но одним из лучших косвенных ответов было исследование, написанное Фернандом-ван-

Лангенховом, ученым секретарем Сольвейского Института в Брюсселе, на тему о «Происхождении одной сказки», — исследование, основанное на немецких сообщениях о вольных стрелках и о «зверствах». К английскому переводу этого труда было предпослано предисловие, написанное знаменитым американским социал-психологом Марком Болдуином, остававшимся в течение всей войны усердным франкофилом. ⁽¹⁰⁷⁾ Эта книга, имевшая вид и применявшая методы серьезных исследований психологии масс, отнеслась к историям о «вольных стрелках» как к сказке.

Для обращения в Америке немцы изготовили воззвание, имевшее в виду расовые предрассудки, под названием «Применение Англией и Францией цветных войск на европейском театре войны вопреки международным правилам». ⁽¹⁰⁸⁾ Каждый стремился очернить врага и обелить себя. Все мелкие государства вели в Америке свою собственную пропаганду, выпуская такие вещи, как «Преступления Австро-Венгрии против закона», ⁽¹⁰⁹⁾ издание югославского комитета в Северной Америке. В 1918 году болгары пытались повлиять на нейтральные страны, издав для своей защиты и в целях контратаки книгу «Сербские зверства», описанные М. Д. Сопянским (Лозанна, 1918). Самое главное — это конечно обеспечить себе услуги какого-нибудь известного лица из нейтральных стран, могущего давать сведения своим согражданам. Мери Робертс Рейнгарт («Короли, королевы и пешки», 1915) и множество других публицистов служили своим пером делу союзников; меньшее число их помогало распространению германской точки зрения.

С другой стороны — подлый интриган и лгун недостойн доверия. Фредерик Вильям Вайль взял темой своего труда «Германо-американский заговор. История великой неудачи», ⁽¹¹⁰⁾ причем всякая мысль, которая подходила под понятие о заговоре, сопровождалась осуждением. Германцы распускали такие же темные намеки и инсинуации относительно тех членов американской прессы и общества, которые осмеливались не соглашаться с ними. Американское «Общество правды» писало об «изменнической прессе» и включало в это обвинение почти все американскую столичную печать за исключением Херста и чикагского органа «Трибунэ». Нечего и говорить, что экс-президент Рузвельт

тоже подвергся низким нападкам со стороны тех, кто сочувствовал Германии. Все старались обдать друг друга грязью. Росказням о пропаганде и о подкупках не было конца.

Непосредственные обращения к нейтральным мнениям продолжались во все время конфликта. В 1914 году Джемс Брайс рассуждал на тему «Нейтральные народы и война». Немцы воспользовались своими швейцарскими связями для того чтобы напечатать разоблачение «Как Англия подавляет нейтральных». ⁽¹¹¹⁾ На это англичане ответили книгой Вильяма Арчера «Нейтральным! Призыв к терпению». ⁽¹¹²⁾

К воззваниям общего характера присоединялись отдельные призывы. Французская «Федерация школьных учителей» выпустила обращение «К школьным учительницам и учителям всех стран». Появившееся в начале войны знаменитое «Воззвание ученых Германии» ⁽¹¹³⁾ вызвало лихорадочную деятельность иноземной профессуры. Одно из многочисленных воззваний предназначалось для Южной Европы и Южной Америки. 12 февраля 1915 года в Сорбонне была устроена манифестация; произнесенные на ней речи были напечатаны под любимым заглавием французов: «Латинская цивилизация против германского варварства». ⁽¹¹⁴⁾

Для того чтобы заинтересовать трудовое население, в Лондоне в 1916 году было выпущено «Воззвание бельгийских рабочих к рабочим всего мира», ⁽¹¹⁵⁾ а год спустя появилось издание «Условия жизни бельгийских рабочих, ныне беженцев в Англии». ⁽¹¹⁶⁾

Помимо непосредственных обращений вышеприведенного характера симпатии нейтральных стран могут быть достигнуты обращениями косвенными. «Нейтральные» должны верить в конечный успех вашей стороны. Джорж Хуг опубликовал свои «Письма нейтральным о священном единении» ⁽¹¹⁷⁾ для того чтобы произвести впечатление на нейтральные государства сплоченностью своей страны. Книги типа «Их дух. Некоторые впечатления англичан и французов, вынесенные ими летом 1917 года», ⁽¹¹⁸⁾ с одной стороны, успокаивают друзей, с другой — действуют на незаинтересованных. Героизм и решимость воюющих могут быть иллюстрированы военными и гражданскими письмами

о войне, в роде английской книги «Письма из Франции о войне». ⁽¹¹⁹⁾

Для того чтобы нейтральные соседи получили должное впечатление о военных силах Британии, отдел информации английского министерства иностранных дел прибегнул к помощи кинематографа: повсюду разошлась кинофильма под названием «Приготовившаяся Британия» (*Britain prepared*). ¹

На громадное значение иностранного корреспондента указывает Теодор Рузвельт в своем письме от 22 января 1915 г. к сэру Эдварду Грэю:

Взгляды американцев на войну подвергались колебаниям. Действия германских цеппелинов оживили чувства в пользу союзников. Но мне думается, что в последние месяцы можно было заметить значительное ослабление такого рода чувства и рост германских симпатий. Не думаю, чтобы это происходило среди хорошо осведомленных лиц, но это наблюдалось среди массы людей, плохо осведомленных, которые могли основывать свои суждения только на том, что они читали в газетах или видели в кинематографах. Для такой перемены были особые причины. Существовал бросающийся в глаза контраст между теми знаками внимания, которые расточались германскими военными властями по адресу американских военных корреспондентов, и полным отказом иметь с ними какое бы то ни было дело со стороны правительств Британии и Франции. В общем нашим лучшим военным корреспондентом можно считать Фредерика Пальмера. Его симпатии — на стороне союзников. Однако немцы, а не союзники отнеслись к нему предупредительно. Его отношений они этим не изменили, но несомненно им удалось повлиять на отношения многих других. Единственные правдивые военные известия, написанные теми американцами, которых знает и которым верит американское общество, исходят с германской стороны; результатом этого является то, что люди, симпатизирующие союзникам, ровно ничего не слышат ни об испытаниях,

¹ Контр-адмирал Браунриг говорит, что вследствие какого-то недружелюбного по отношению к Англии влияния, эта фильма показывалась под названием «как Британия готовится» (*how Britain prepared. Recollections*). Знаменитый директор кинематографов Гриффит вспоминал о сделанном ему в 1917 году Бернардом Шоу предложении написать для него сценарий. Это было «в 1917 году, как раз после того, как я уговорился с британским правительством изготовить несколько картин для пропаганды» (Нью-Йоркский «Таймс» от 11 октября 1926 г.). Неудачной оказалась и другая попытка Шоу к пропаганде, когда Нью-Йоркский «Таймс» подверг разбору одно из его сообщений и произвел нечаянно такое впечатление, будто Шоу разоблачает союзников. О последнем инциденте рассказывает сам Шоу, а относительно отказа Гриффита уверяет, что он его не помнит. (Прим. авт.)

ни об успехах британских и французских армий. Тамошние корреспонденты извещают меня, что чинимые им препятствия исходят не от генералов и не с фронта, а со стороны правительства, в результате чего они могут писать своим соотечественникам о том, что происходит у немцев, союзники же не дают им этой возможности. Я не нахожу, чтобы разрешение, данное немцами, помешало результатам германских военных операций, но оно во всяком случае очень помогло немцам в смысле поднятия их в глазах американцев. Быть может, у вас не думают, что общественное мнение американцев достаточно ценно для того чтобы с ним считаться? Если же думают, что его следует принять в расчет, то вам надлежит пересмотреть вопрос о том, не является ли многое из деятельности вашей цензуры и из ваших отказов допустить на фронт корреспондентов опасностью для вашего дела с точки зрения того впечатления, которое оно производит на общественное мнение, не принося соответствующих военных выгод. Я очень хорошо понимаю, что было бы большим преступлением разрешить корреспондентам действовать так, как они действовали во время нашей собственной войны с Испанией, но как человек, умудренный опытом, я уверен, что было слишком много того, о чем я говорил, в смысле цензуры и отказов корреспондентам в поездках на фронт; это не давало вам ни малейшей военной выгоды, а в результате препятствовало оживлению общественного мнения в вашу пользу. ⁽¹²⁰⁾

Одной из самых тонких и действительных форм косвенной пропаганды является поощрение всего того, что фактически втягивает нейтральные государства в нечто подобное сотрудничеству с воюющей стороной. Частью это делается путем особенного разглашения тех случаев, когда гражданин нейтрального государства берется за оружие для борьбы в рядах той или другой из воюющих сторон. Этот вид пропаганды обсуждался в лондонском «Таймс'е» в письме от 26 декабря 1916 г., написанном американцем-приверженцем Антанты. Оно называлось: «Британская публицистика в Соединенных Штатах». Вот что в нем сообщалось:

Франция сумела завоевать симпатии американцев, и ее пресса достигла замечательных результатов. Она носила персональный характер и возбуждала энтузиазм. Сообщения писались в громадном большинстве случаев американскими солдатами, сражающимися в рядах французских войск, и каждое из этих сообщений прибавляло симпатий к Франции. Участие каждого американского добровольца широко оповещалось французами. Его награждали знаками отличия, если к этому представлялась хоть малейшая возможность. Его поощряли писать о своих переживаниях. Массами печатались статьи и книги американских солдат о Франции. Книга Алана Сигара «Поэзия иностранного легиона» ⁽¹²¹⁾ была известна по всей Америке, и его смерть вызвала такое же сожаление в Америке, как смерть Руперта Брука — в Англии. Один из наших лучших писателей-романистов —

Роберт Херрик — поступил в американский госпиталь специально для того чтобы написать серию книг с точки зрения участника войны. Мне было позволено написать и издать книгу «Заметки атташе», ⁽¹²²⁾ даже не представляя ее французскому цензору. Во французской армии имеется всего лишь около 500 американцев, и все же в Соединенных Штатах мы каждый день слышим что-нибудь о них. Газеты полны рассказов о их деяниях; каждый пункт их сообщений совершенно правильно рассматривается как ручательство за Францию. В результате такой умело направленной французами пропаганды Америка сделалась искренней сторонницей Франции.

Хотя Ян Гэй (Jan Hay) и не был американцем, но вследствие того, что он принимал участие в войне, появление в Соединенных Штатах его книги и его большое агитационное путешествие считались так же, как и книги и речи Фредерика Пальмера, единственно стоящими проявлениями английской пропаганды. Рисунки Брюса Бэрнсфазера (Bruce Bairnsfather) и картоны Ремекера, пока еще мало распространенные в Америке, должны будут оказать свое незаменное влияние на формирование общественного мнения. ⁽¹²³⁾

Более того, если привлечь нейтральное государство к участию в какой угодно невоенной работе совместно с воюющей стороной, то симпатии этого государства должны непременно скристаллизироваться около того, кому оно оказывает помощь. Таков скрытый смысл грандиозной кампании, открытой с целью заручиться помощью Америки для бельгийских вдов и сирот, — одним из проявлений которой был памфлет, известный под названием «Нужды бельгийцев» и составленный блестящей плеядой таких литературных светил, как Томас Гарди, Мэй Синклер, Арнольд Беннет, Вилль Ирвин, Джон Гэлсуорси, Антони Хоп, А. В. Мезон и Джордж Бернард Шоу.

Союзникам удалось выковать между собой и Америкой узы экономических интересов, — и вот против этого-то немцы с самого начала стали бороться при помощи пропаганды, хорошо понимая, какое это может иметь влияние на отношения Америки. Вильям Баярд Хэль написал в 1915 г. брошюру «Вывоз оружия и военных припасов», доказывая, что союзники пользуются этим всего больше потому, что контроль над морями находится в руках Англии и что таким образом Америка, вывозя оружие, становится тайным союзником Антанты. Его брошюра была напечатана с одобрения «Организации американских женщин для поддержания строгого нейтралитета»: целью этой организации была пропаганда.

Немецкий пропагандист особенно старался повлиять

на женщин этой организации. Журнал одного из заседаний Нью-Йоркского бюро содержит следующее:

24 мая 1915 г. Напечатана и скоро будет разослана брошюра Хэля «Ты не должен убивать». Собираемые дамами подписи к петиции в Конгресс дошли до 200 000, а со временем достигнут быть может и 600 000. Дамы обратились за помощью в деле проведения кампании ко многим лицам, указанным Хэлем. Предполагается, что дамам будет предоставлено право обратиться с этой петицией к президенту и Конгрессу, не дожидаясь всех подписей, для того чтобы послать ее в Вашингтон, а подписи посылать дополнительно пачками по 10 000. Хэль сообщает, что его жена занята пропагандой против вывоза лошадей. Клоусен добивается, чтобы ему написали соответственно трогательный сценарий (история одной кобылы, когда-то артиллерийской лошади, убитой в Бельгии). ⁽¹²⁴⁾

Некоторые издания Вильяма Рандольфа Херста были собраны в 1915 г. воедино под заглавием «Будем покровительствовать миру всего мира, а не войне всего мира». Мартин Ильзен доказывал в 1915 г. незаконность торговли боевыми припасами, а «Американская Лига независимости» распространила написанное Чарльзом Нэгелем положение о «Торговле оружием и боевыми припасами». «Национальный Германо-Американский союз» опубликовал открытое письмо д-ра Чарльза Дж. Хекземера в «Комитет иностранных отношений» (Committee on foreign relations), в котором эти пункты повторяются еще раз. «Американское общество правды» (оказывающее помощь ирландцам) пыталось изобразить «Гибель американских финансов. Британский налет на наши ресурсы в 1915 г.»

Как правильно заметил германский посол Бернсторф, экономический вопрос неизбежно являлся центром тяжести активной пропаганды в Америке. Бернсторф отмечает ловкость англичан в их урезывании американской торговли. Они ограничивали свободу торговли мало-по-малу и только тогда, когда им удавалось сделать запас предметов, подлежащих объявлению запретными. Бернсторф замечает:

Характерно, что объявление хлопка безусловной контрабандой появилось в тот самый день, когда американская печать находилась в состоянии большого возбуждения по случаю другого сообщения, заполнявшего все первые листы и руководящие статьи газет, между тем как сообщение об объявлении хлопка контрабандой было напечатано в таком месте, где его едва можно было заметить. ⁽¹²⁵⁾

Германцы образовали «Союз американцев для протеста против признания хлопка контрабандой», но это

принесло мало пользы. Самым ловким ходом германской пропаганды было провоцирование «захватов», что Бернсторф определяет как

попытку путем тщательного подстраивания отдельных случаев на деле показать основную несправедливость английских захватов и далеко заходящие последствия этого. Главнейшим фактом этого рода был случай с «Вильгельминой». Согласно главных принципов международных правил продукты питания являлись лишь условной контрабандой. Их можно было ввозить в Германию, если они предназначались для исключительного потребления гражданского населения. Но так как Англии удалось удержать экспортеров от всякой попытки отправлять в Германию продукты питания, — особенно в виду того, что нашему неприятелю были уже переданы громадные запасы, и он мало был заинтересован в такого рода погрузках, — вопрос об этом никогда не был разрешен ясно. Поэтому г-н Альберт уговорил одну американскую фирму погрузить продукты питания для Германии на американский пароход «Вильгельмина», назначенный в Гамбург, приняв за кулисами весь риск на себя (Альберт был германским агентом по закупкам).

Этот план потерпел крушение, так как англичане, взяв названное судно в плен, объявили блокаду, и решение перестало иметь значение. Но другое судно задало англичанам задачу, разрешить которую все же оказался способным посланник Вальтер Хайнс Пэдж. «Dacia», судно, принадлежавшее прежде Германии и переданное в начале войны на учет Америки, было снабжено командой и флагом, нагружено хлопком Брейтунгом из Маркетты на Мичигане и после широковещательных объявлений отплыло в Германию. Поднялся бы страшный скандал, если бы судно было захвачено англичанами, но по мысли Пэджа возможность взять его в плен была предоставлена французским военным судам. Это прошло незаметно, и в Америке не возбудило никаких криков. ⁽¹²⁶⁾

Иногда нейтральные страны могут быть втянуты в войну прямым подстрекательством. Иностранный пропагандист может пустить в обращение такие слова, как, например, произнесенные Рузвельтом, поддерживавшим союзников, и эти слова могут побудить к деятельности сторонников войны. В Италии чувство солидарности с союзниками было подстегнуто д'Аннунцио до взрыва. Это рассказано Томасом Нельсоном Пэджем, американским посланником в Италии с 1913 по 1919 год.

Уже несколько времени собирались открыть памятник Гарибальди и его «Тысяче» в Кварто, маленьком порте близ Генуи, откуда они

отплыли 5 мая пятьдесят пять лет назад для освобождения Сицилии от иностранного ига и присоединения ее к королевству Италии. Большие приготовления делались для празднования годовщины того, что было одним из наиболее знаменательных событий в истории Италии.

На церемонии должны были присутствовать министры, — а потом стало известно, что прибудут и король с королевой. По всей Италии распространилось убеждение, что этим случаем воспользуются для того чтобы объявить о решении Италии занять место рядом со сражающимися во Франции «Силами Свободы» (*Forces of Liberty*) и объявить войну. И вдруг за два дня до события было получено известие, что вследствие серьезности положения ни король, ни кабинет не будут присутствовать на открытии...

Отсутствие короля и кабинета на торжестве в Кварто могло конечно несколько видоизменить его, но не в чрезмерной степени. Оратор данного случая, приехавший специально для этого из Франции, поэт и романист Габриэль д'Аннунцио произнес с громадным успехом речь, которая была скорее лирической рапсодией итальянских стремлений, чем исторической речью. Слова его падали на слушателей подготовленных к восприятию их, и были в сущности горящей головней, брошенной в пороховой погреб. В эту ночь на улицах Генуи толпился народ, обоготворявший Гарибальди и оратора д'Аннунцио и требовавший войны. После этого движение продолжало усиливаться, и ничто не могло остановить его...

Оратор Кварто прибыл в Рим как бы победным шествием и в течение нескольких дней продолжал говорить, одержимый лирическим безумием, с балконов отелей или в театрах, обращаясь к возбужденной толпе, следовавшей за ним в состоянии экзальтации. 14-го он произнес речь в здании оперы, усиленно охранявшейся полицией, солдатами и отрядом кавалерии для поддержания порядка и недопущения демонстраций перед министерствами и посольствами центральных государств. Демонстранты, не смогишие попасть в здание, устояли против всех попыток рассеять их, строя баррикады и разобрав стену, окружавшую соседний со зданием оперы свободный участок, чтобы пользоваться камнями как метательными снарядами, если бы солдаты проявили излишнюю энергию в попытках очистить улицы. ⁽¹²⁷⁾

Когда симпатии нейтрального государства начинают как будто покидать ту из воюющих сторон, которая особенно старалась завоевать их, тогда пропагандисту приходится отойти на последние линии обороны.

Для того, чтобы поддержать в Соединенных Штатах пацифистское настроение, немцы проделали там все, что могли. В 1914 г. искренними пацифистами, которые надеялись удержать Америку от участия в европейской заварухе, была основана «Американская Лига ограничения вооружения». Позднее эта лига развернулась в Американский Союз против милитаризма, один из отделов которого сделался потом «Национальным бюро гражданских свобод».

Американский Союз против милитаризма организовал коллегияльную «Лигу антимилитаризма» и сотрудничал с бесчисленными «Союзами мира» и организациями «Христианских социалистических братств». Американский «Нейтральный комитет конференций» (Neutral Conference Committee) был явлением случайным; цель его образования явствует из его названия.

Немцы старались конечно извлечь из существования этих обществ наибольшую пользу и с приближением 1917 года все более и более играли на вопросе о мире.

Немцы распространяли в Америке опасную с точки зрения союзников мысль о том, что союзники являлись камнем преткновения на пути к миру. Англичане естественно интересовались движением в пользу мира среди германцев, и сэр Эдвард Грэй сознается, что деятельность немцев, обращенная на то, чтобы свалить вину за продолжение войны на Антанту, была одним из их наиболее удачных ходов. ⁽¹²⁸⁾

Иногда бывает возможно посеять раздор между двумя нейтральными странами и этим связать им руки. Такова была цель одного довольно забавного случая с немецкой кинофильмой под заглавием «Patria». Это была картина, состоявшая из многих серий, выходивших в течение десяти недель, по две серии в неделю. Картина эта была изготовлена в 1916 году и стоила около 90 000 долларов. Когда она начала появляться, цель ее состояла в том, чтобы подчеркнуть необходимость подготовки к войне. Но к тому времени, как были закончены первые эпизоды, вся страна уже ухватилась за программу подготовки, и в тот момент животрепещущими оставались лишь ее антияпонские и антимериканские штрихи. Картина показывала великие старания Японии победить Америку при помощи мексиканцев. Главным злодеем являлся японский аристократ, находившийся на секретной службе японского императора. Японские войска вторгаются в Калифорнию, совершая ужасные зверства. Картина была показана в первый раз в Нью-Йорке 9 января 1917 года. «New-York american» и другие органы Херста описывали ее из недели в неделю. Когда оказалось нужным изъять антияпонский элемент, то японские имена и письма были заменены именами и надписями мексиканскими. Но эти мексиканцы остались на фильме облеченными в японскую форму. ⁽¹²⁹⁾

Когда в нейтральной стране проживает большое число граждан одной национальности с народом воюющей страны, то последней может притти на ум попытка вовлечь эти элементы в активную деятельность в ее пользу. Попавший в плен германский агент фон-дер-Гольц написал книгу «Мои приключения в качестве германского секретного агента в 1917 году»; книга эта доказывает, что немецкий пропагандист умеет создавать чрезвычайно искусные планы.

Существовало намерение дискредитировать немцев, живших в Америке, так, чтобы жестокости их соотечественников заставили их ринуться обратно в объятия германского правительства.

Мне случайно известно, что в течение первых двух лет войны многие сообщения о покушениях в Канаде и об участии американских немцев в заговорах исходили из канцелярии капитана фон-Папена и его военных товарищей... Германии хотелось дать всему свету убедительные доказательства того, что все народы германского происхождения единодушно поддерживают ее. Поэтому-то были пущены слухи о невероятной деятельности немцев, — слухи о массовых сборищах немцев в лесах, об аэропланах, пролетающих через Канаду, и т. п. А так как многие антигерманские газеты совершили необдуманый поступок, назвав американских немцев вероломными, то германские агенты использовали и раздули эти нападки для собственных целей.

Но Германия зашла слишком далеко. Ее главные агенты, фон-Папен, Бой-эд и фон-Ринтелен, принявшие за это дело в январе 1915 года и осмелевшие от казавшегося им успеха их замыслов, стали небрежны в деле сохранения тайны и дерзки в своих затеях до такой степени, что при последнем проявлении своих талантов они выдали себя, — хотя быть может и ненамеренно. Результаты известны. Они принесли вред тем, что раскрытие их деятельности способствовало дальнейшему вовлечению германо-американцев в это дело. Однако благодаря таким разоблачениям глаза многих германо-американцев открылись на истинный характер тех влияний, которым они подчинялись, и этим был нанесен смертельный удар худшим элементам германской пропаганды в Америке.¹

Рассказ фон-дер-Гольца не подтверждается каким-либо другим свидетельством, а свидетельство профессионального шпиона естественно кажется подозрительным. Есть основание думать, что все это могло быть сфабриковано с целью восстановить германо-американцев против германского правительства, так беззастенчиво пытавшегося выдать их (к этому повидимому клонился последний из цитируемых абзацев). Но нельзя отрицать, что существуют

¹ Выдержки со стр. 223 — 233.

обстоятельства, при которых может иметь успех стратегия, подобная той, которую фон-дер-Гольц приписывает своим начальникам.

Контроль над междусоюзническими чувствами заключается отчасти в том, чтобы поддерживать взаимную дружбу, но задача усиления дружеских отношений между странами воюющей и нейтральной может быть подчас обоюдоострой. То, что говорится в государстве, ведущем войну, о нейтральном государстве, может быть в последнем прочитано или переведено. Таким именно образом в критические дни 1915 года итальянцы были оскорблены замечанием французского общественного деятеля, что Италия ждет только того, «чтобы примчаться на помощь победителю». За мнениями воюющей страны нужно следить и направлять их соответствующим образом в интересах дружбы с «нейтральными».

Посланник Пэдж замечает, что

кабинет приказал цензору уничтожать — насколько это возможно в пределах осторожности — неблагоприятные для Соединенных Штатов сообщения. Он принял эти меры потому, что возбуждение общественного чувства против администрации непрерывно усиливалось. ⁽¹³⁰⁾

Бисмарк пришел в бешенство, когда в 1871 году германскими военными властями было опубликовано сообщение, в котором говорилось, что снаряды попадали в знаменитые люксембургские сады. С целью уничтожить весь тот материал, который мог быть использован за границей против Германии, он потребовал, чтобы ему представляли все последующие сообщения. Бисмарк положил предел печатной критике Германии относительно того, что английский флот снабжает Францию углем, боясь, чтобы такого рода оскорбления не повредили международным соглашениям. ⁽¹³¹⁾ Его старый государь был уравновешенным человеком, хорошо понимавшим значение нейтрального мнения, а потому Бисмарку часто удавалось поставить на своем, даже вопреки желаниям военных. ¹

¹ Император Вильгельм I сделал интересную пометку на полях документа от 16 мая 1875 г. «Чтобы вести удачную войну, нужно, чтобы на стороне того, кто ее начал, были симпатии всех благородных людей и стран, и чтобы в того, кто несправедливо ее поддерживает,

До сего времени мы в своих рассуждениях касались главным образом вопроса о поддержании дружественных отношений. Проследим теперь вкратце некоторые из методов, к которым прибегали главные из воюющих государств в соискании симпатий Америки.

Методы Германии сделались общественным достоянием благодаря сенаторскому расследованию, произведенному в 1918 — 1919 годах, а также благодаря запискам посла Бернсторфа и других. Самое название докладов по этому вопросу есть верх инсинуации; они носили заголовок: «Интересы пивоварения и виноделия и германская большевистская пропаганда» ⁽¹³²⁾; отчет о них был представлен в трех больших томах. Доклады эти начались только 27 сентября 1918 года, и в военной пропаганде они фигурировали мало. Февральские и апрельские доклады 1918 года касались Национального германо-американского союза. ⁽¹³³⁾ Благодаря этим докладам одним выстрелом убивались три зайца: пивовары, немцы и большевики.

Бывший германский государственный секретарь колоний, Дернабург, был послан в начале войны в Америку для распространения германского займа. Американское правительство воздерживалось от снабжения деньгами той или иной стороны, вследствие чего оказалось невозможным добиться удовлетворительных результатов. Дернабург был кроме того агентом германского Красного креста и стал собирать деньги для этой деятельности. Он взял на себя также объяснение американскому обществу германской версии войны и основал в Нью-Йорке бюро печати. Мнения расходятся относительно того, прибыл ли он в Америку специально для этого, или же он увидел, что возвращение назад в Германию затруднительно, и потому развернул это дело, чтобы чем-нибудь заняться. Ему помогало Нью-Йоркское бюро Клаусена из акционерного о-ва «Hambourg-America Line», а после вступления в войну Японии к его штату присоединился переводчик генерального консульства в Иокогаме. Ежедневно выходили бюллетени германской

открыто бросали камнями. В этом крылся секрет энтузиазма 1870 г. Против того, кто несправедливо берется за оружие, всегда слышны открытые протесты; он никогда не найдет себе союзников, не найдет также и благожелательных нейтральных («neutres bienveillants»), да и вообще «нейтральных», — все будут против него.

осведомительной службы (Information Service), а потом деятельность бюро расширилась до изготовления брошюр. Для этого дела был приглашен Вильям Баярд Хэль. Позднее стали издаваться военные картины и рисунки, а также началась пропаганда при помощи кинофильм. Д-р Мекленбург и г-н Плаге были задержаны в Америке по дороге из Японии и предложили свои услуги Дернбургу. Последний пользовался помощью избранной им комиссии, состоявшей из Альберта Гергардта, Фуэра и нескольких американских журналистов и дельцов. Они собирались один или два раза в месяц для совещаний о дальнейшей политике пропаганды. Дернбург оставался в этой стране до инцидента с Лузитанией, после чего он выступил с речью в Кливленде, оправдывая потопление судна тем, что оно везло оружие. Возмущение общества было так велико, что его необходимо было умиловить жертвой, и Дернбург стал козлом отпущения. Ему пришлось уехать домой. После этого посол Бернсторф старался удерживать немцев от слишком явной агитации в стране, предпочитая работать при помощи американцев.

Усердным сотрудником немцев был германо-американский союз, хорошо организованный в немецких «твердых» — Ст. Луи, Чикаго, Цинцинати и Мельвоки. Там находились бесчисленные немецкие клубы и общества. «Kriegsbund» («военный союз») состоял из тех, кто служил раньше в германской армии. Имелось несколько ветеранов войны 1870 года. «Женевское общество» было специальной организацией немецких лакеев. «Общества Тернера» и всякого рода благотворительные организации преуспевали в каждом немецком районе.

Лютеранская церковь была твердым оплотом немцев, так как в Соединенных Штатах имелось 6 000 конгрегаций, число членов которых доходило до трех миллионов. Часто служба производилась по-немецки, и многие из пасторов получили образование в Германии.

Германцы обращались ко всем народам с жалобой на союзников. Американское «Общество правды» (Truth Society) являлось двигателем для возбуждения ирландцев. У евреев была неискоренимая антипатия к царизму, почему многие из них стояли за немцев. В их прессе часто встречались заметки в роде следующей:

Невозможно дружить с Николаем и не быть хулиганом. В дни Биконсфильда, когда Англия была далека от России, еврейских погромов не устраивалось ни в отношении бедных, ни в отношении богатых. Теперь, когда Англия стала союзницей Николая, ей приходится делать то же, что делает Николай: она должна устраивать избиения и натравливать на евреев.

Когда началась война, я тотчас же поступил во французскую армию, но был очень удивлен, когда, прибыв в Лионский лагерь, увидел, что меня вместе со многими другими евреями поместили в полк, состоявший исключительно из преступников. Нас оскорбляли со всех сторон. Нам давали холодный черный кофе и сухой хлеб, а когда мы выражали протест, нам говорили, что мы — пархатые жида и явились сюда только для того, чтобы есть. Я отказался есть и заболел. Когда я попросил сержанта отправить меня в госпиталь, он начал бить меня, и т. д.¹

Относительно стараний немцев привлечь на свою сторону негров и поселить внутри страны раздор на почве расовых взаимоотношений капитан Лестер сообщает комитету:

В бюро «Альберта» имелся специальный отдел для руководства расовыми вопросами Америки, и из них наиболее важным — вопросом о неграх.

Бюро получало через газетные агентства и биржи и от так называемых «бюро вырезок» сообщения о каждом случае линчевания в Соединенных Штатах и о каждом случае нападения «цветных» на «белого» или каждую газетную заметку, которая указывала на достоверный случай угнетения цветной расы.

Все это претворялось в статьи для пропаганды и передавалось издателям утвержденных газет, издаваемых белыми, а также издателям «цветных газет».

Военная работа велась неким фон-Рейсвитцем, занимавшим одно время, насколько я знаю, должность консула в Чикаго.

Его штаб-квартира, — если можно сказать, что у него была таковая, — находилась в Нью-Орлеане и около него, а все дело по негритянской пропаганде велось из Мексики фон-Эккардтом. Я хочу этим сказать, что руководящий мозг находился в Мексике. Штат людей, использованных для пропаганды среди негров, состоял из мексиканцев, метисов и людей, привезенных в Мексику, обученных там и отправленных затем за границу; волна негритянской пропаганды шла от мексиканской границы на восток и расплывалась по штатам.

Пропаганда эта была направлена на то, чтобы постоянно поддерживать между белыми и черными всякого рода раздоры. Такова была главная цель.

Такоже была сделана попытка путем бесчисленных доводов привлечь цветное население на сторону Германии. Мы имеем сведения, что направление пропаганды было именно таково: что те вожди негров, которые получали субсидии, или те, которым пытались предложить

¹ Отрывки из «Wahrheit» (Нью-Йорк).

ее в разных местных обществах или письменно, — я имею в виду не крупных негритянских лидеров, но мелких, рассыпанных повсюду, — что эти вожди говорили неграм, будто в Германии черные и белые равны, что в Европе не существует расовых различий. Они приводили этому доказательства, будто бы достоверные, и убеждали их в том, что если германцы выиграют войну, то права цветного населения на юге сравняются с правами белых. Таков был их главный аргумент. Играли они больше всего на случаях линчевания.

С помощью контроля над «Американским обществом газет на иностранных языках» немцы пытались добраться до каждой говорящей на иностранном языке группы, какую только можно было соблазнить.

В 1915 году было положено начало германской университетской лиге, которая должна была объединить всех учившихся в германских университетах. Целью ее образования было «участие во всякой деятельности, направленной к усилению уважения к германцам, к их стремлениям и идеалам, и обеспечение для них честного к ним отношения и должной оценки». Среди тех из них, которые находились на службе или были уполномоченными, мы встречаем такие имена, как фон-Кленце, Вильямс Шеферд (Колумбия), Карл Шурц, фон-Мах, и имена многих других известных ученых и общественных деятелей. Устраивались митинги, читались и распространялись газеты, заручались сотрудничеством проезжавших профессоров. Таков был прямой путь общения между интеллектами Германии и Америки.

Немцы деятельно старались привлечь на свою сторону профессионалов страны. Брошюра Нагеля о нейтралитете Америки была разослана «Американским Обществом правды» по адресам 50 000 юристов.

Через основанную в Балтиморе «Лигу американских женщин, стоявших за строгий нейтралитет», был сделан призыв к женщинам. На трудовой элемент было обращено специальное внимание через посредство «Национального рабочего совета мира» (Labours national peace council). Часто интересы последнего близко соприкасались с интересами пивоваров, так как последние были очень напуганы угрожавшим им запрещением продажи спиртных напитков, и немецкие пропагандисты пользовались иногда желанием пивоваров принять участие в деле пропаганды, предлагая организовать такого рода движение и обратить его в пользу Германии.

По всем направлениям делались всякого рода призывы к обществу вообще. Под покровительством бюро Дербург-Альберта издавались книги о каждой фазе войны и облегчалось распространение книг, выгодных для Германии. ⁽¹³⁴⁾ Была куплена газета «New-York Mail» для того, чтобы иметь влияние на столичную публику и снабжать ее газетой, на которую при случае можно сослаться. Плакаты, брошюры и фотографические снимки распространялись в бесчисленном количестве при помощи пароходных агентов.

В Америку посылались трогательные картинки, изображавшие, как германские солдаты кормят бельгийских и французских детей. Были такие надписи: «Варвары, питающие голодных» и «Разве они похожи на варваров?»

Глава британской пропаганды в Америке перечислил вкратце применявшиеся им методы следующим образом:

С первого дня войны между Англией и центральными державами на меня была возложена ответственность за пропаганду в Америке. Едва ли стоит говорить, что преследуемые моим отделом цели были чрезвычайно обширны, а его деятельность широко раскинута. Одним из проявлений этой деятельности была обязанность посылать еженедельный отчет британскому кабинету о настроении американского общества, а также поддерживать связь с постоянными корреспондентами американских газет, находившимися в Англии. Кроме того я часто устраивал так, что важные общественные деятели Англии помогали нам своими интервью, помещавшимися в американских газетах; среди этих видных деятелей были: Ллойд-Джордж, Грэй, Бальфур, Бонар Лоу, архиепископ Кентерберийский, Остин Чемберлен, Кэрзон и множество других.

Между прочим 360 газет, выходивших в меньших штатах Союза, получали от нас английскую газету, дававшую еженедельные отчеты и объяснения о положении военных дел. С человеком улицы мы устанавливали связь при помощи кино-картин, касавшихся армии и флота, а также при помощи разных интервью, статей, брошюр и писем, написанных в ответ на отдельные американские рецензии и печатавшиеся в главном органе соответствующего штата, откуда они перепечатывались затем в газетах соседних и других штатов. Мы широко рекламировались и поощряли многих к тому, чтобы писать статьи. Мы пользовались дружественными услугами и помощью доверенных друзей; мы получали постоянные сообщения от видных граждан Америки и путем личной переписки установили связь с влиятельными и известными деятелями каждого рода профессий Соединенных Штатов, начиная от ректоров университетов, директоров колледжей, профессоров и ученых и продолжая всеми остальными классами населения. По нашей просьбе наши друзья и корреспонденты организовывали дебаты и лекции, на которых выступали американские граждане, но мы не поощряли британцев к поездкам в Америку для проповеди войны. Кроме ведения громадной частной корреспонденции

с отдельными лицами, нам приходилось еще рассылать наши документы и литературу во многие общественные библиотеки, университеты, колледжи, исторические общества, клубы, газеты и пр.

Едва ли стоит упоминать о том, что такая деятельность была одновременно и чрезвычайно трудной и весьма деликатной, — но я был счастлив в том отношении, что в Соединенных Штатах у меня имелось обширное знакомство; к тому же я знал, что многие читали мои книги и не чувствовали против меня никакого предубеждения.

Следует помнить, что «Общество пилигримов», заслуги которого в деле международного объединения очень велики, сыграло большую роль в установлении взаимного понимания между обоими народами, а учреждение клуба американских офицеров в Лондонском доме лорда Ликонфильда, с герцогом Коннаутским в качестве президента, приносило и продолжает приносить большую пользу. Также следует указать, что именно «Общество пилигримов» под умелым председательством Гарри Бриттен занялось Джемсом Бэком, когда он в 1916 г. посетил Англию, и доставило ему прекрасный случай успешно послужить делу сближения этих двух наций. Я испытываю радость и гордость при мысли, что до некоторой степени принимал участие во всех распрямлениях, результатом которых было принятие «пилигримами» Бэка на свое попечение.¹

Главное, что бросается в глаза в этом кратком отчете сэра Джильберта Паркера о его собственных методах, это — умение пользоваться отдельными лицами как средством для приобретения влияния, распространявшегося от одного делового человека к другому, от журналиста к журналисту, от профессора к профессору, от рабочего к рабочему. За кулисами — за всеми этими известиями, картинками и речами разливаются потоки личного влияния. Война обсуждалась более частным образом, чем открыто. Людей сомневавшихся завоевывали дружеским отношением или лестью, логикой или устыжением, — и все это для того, чтобы влить их энтузиазм во все возраставшую волну симпатий к союзникам. Намек на этот метод содержится в письме, адресованном сэром Эдвардом Грэем Теодору Рузвельту 10 сентября 1914 года:

Дорогой Рузвельт. Дж. Барри и А. Е. В. Мэзон, чьи книги вы без сомнения читали, отправляются в С. Ш. Их цель, как я ее понимаю, заключается не в произнесении речей или чтении лекций, но в том, чтобы заводить знакомства, — особенно с лицами, имеющими

¹ Англичане не сообщали публично, сколько было ими истрчено отдельно на пропаганду в Америке. В последние четыре месяца войны они истратили 150 000 долларов (31 360 фунтов стерлингов) на то, чтобы сломить воинственный дух немцев, а также и на разную другую пропаганду. (Прим. автора.)

отношение к университетам, — и в том, чтобы объяснять положение Англии в отношении войны, а также наш взгляд на вытекающие отсюда последствия. ⁽¹³⁵⁾

Когда ломают копья за Англию, то это всегда делает американец, а не иностранец. В Америке не появлялось таких выставляющихся на-показ, во вред дела, англичан, какими у немцев там были Дербурги. Общественные кулуары, личные разговоры, случайные встречи, — вот что выковало накрепчайшие узы между Америкой и Британией. Все страны пришли к заключению, что наиболее действительным проводником пропаганды в Америке в пользу их страны был титулованный иностранец, который не говорил ничего особенного для общественной печати, но который частным образом при случае разговаривал о войне. Одних лучей аристократического изящества достаточно было для того, чтобы согреть многие из стойких республиканских сердец и вызвать энтузиазм в пользу страны, сумевшей создать столько достоинства, элегантности и любезности. Жена одного важного газетного издателя принимала у себя графа; жена сенатора уравнила социальные различия тем, что поспорила с герцогом. В этой увлекательной общественной игре только и носились, что с графами, маркизами и баронами. Все это было предметом постоянных шуток между хитрыми европейцами, тонко игравшими на самолюбии многочисленных хозяек Нью-Йорка, Филадельфии, Бостона, Вашингтона и Чикаго.

Наиболее важным лицом в деле ведения пропаганды среди «нейтральных» или союзников всегда бывает официальный представитель в столице. Каким человеком он должен быть, и какой техники должен он придерживаться? Никто никогда не имел большего успеха, чем Вениамин Франклин в Париже во время войны за независимость. Один француз, М. Франси, описывает его такими словами:

Франклин приезжал, предшествуемый известной репутацией; он не только избавил своих почитателей от разочарования, но даже сумел подогреть еще их энтузиазм. Для некоторых он был ученым, покоровившим молнию, для других — гениальным философом, для иных — врагом тирании и горячим защитником свободы; для всех он был простым человеком, с естественной манерой держать себя, патриархом, отцом семейства, скромно являвшим пример обычных добродетелей. А в то время, когда в душе каждого культурного человека жили слова Руссо, кто мог не растрогаться при виде почтенного старого джентельмена, явившегося защищать свою страну, опираясь

на руку одного из своих внуков (Вильяма Франклина)? В этой жизни, малейшие подробности которой пленяли парижан, почти не проявлялся политик ⁽¹³⁶⁾.

Ключ к личности Франклина выражен в последней фразе: он по своей натуре был аполитичен, и блеск его личности распространялся на все те разнородные общества, в среде которых ему приходилось вращаться.

Примером сомнительного выбора является выбор почтенного Илайя Рута главой американской миссии в России. Нет конечно сомнения в его техническом превосходстве как ученого и администратора по международным делам, но его положение было таково, что в революционной России он мог легко подвергнуться нападкам. Вот что свидетельствует полковник Робинс:

Вам может быть известно, что когда-то в Америке он нападал на одно видное общественное лицо; быть может вам также известно, что в результате этих нападков в течение нескольких недель появлялись статьи — одни из наиболее блестящих в своем роде, — сопровождавшиеся карикатурами и называвшие Рута «шакалом привилегий», «сторожевым псом Уолл-Стрита» и т. п. Эти статьи прошли по всей прессе. Вероятно германские агенты в Америке тотчас после его назначения собрали и переслали их в Россию, где они и появились в отдельных брошюрах, переведенных на русский язык, с иллюстрациями и эпитетами, замененными русскими синонимами, — так что даже дружественные газеты говорили: «Как это случилось, что великий демократический президент для того, чтобы сделать весь мир безопасным для демократии, послал в Россию, — в революционную Россию, — того самого человека, который, судя по всему, что мы слышали о нем, занимался большею частью тем, что делал Америку опасной для плутократов.

Если этот общий анализ техники поддержания дружбы правилен, то он приводит к доказательству того, что главной темой междусоюзнической пропаганды должно быть напряжение усилий для общего дела и что каждый поддерживающий пропаганду тезис должен быть соответственно подтвержден и подкреплён. Обработка «нейтральных» сводится к тому, чтобы заставить их отождествить свои интересы с вашими в деле отражения неприятеля. Помимо общего изображения неприятеля — угрожающим, всему препятствующим и подлым, а своего народа — защитником, помощником и честным, должна быть еще и вера в конечный успех. Самое лучшее средство привлечь к себе симпатии «нейтрального» заключается в том, чтобы втянуть этого

«нейтрального» в какой бы то ни было род сотрудничества с собой. Когда не удается что-либо другое, то иногда бывает возможно избежать активных неприязненных действий призывом к пацифизму и подстрекательством к ссоре с другой нейтральной страной. Из всех средств, к которым можно прибегать, особенно важно использование личного влияния, равно как и применение того принципа, что вообще к «нейтральным» должны всегда обращаться «нейтральные».

ДЕМОРАЛИЗАЦИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ

ПРОПАГАНДОЙ можно действовать как оружием прямой атаки на нравственное состояние неприятеля, стараясь нарушить это состояние или же отклонить ненависть неприятеля от воюющей с ним страны.

Немцами издавалась «Gazette des Ardennes» специально для французов, обитавших в занятой немцами территории, причем на столбцах этой газеты постоянно затрагивались самые разнообразные темы, которые могли содействовать демократизации неприятеля. Профессор Маршан тщательно изучал этот орган, чтобы установить, если возможно, прямую параллель между направлением этой газеты и направлением парижского органа «Bonnet rouge». Его отчет, который во время известного процесса 1917 года служил отчасти обвинением последней газете, был издан под заголовком: «Наступление немцев во Франции во время войны». ⁽¹³⁷⁾ Отчет этот состоит из выдержек, подобранных из этих двух газет, и является пока наилучшим систематическим обзором одного из видов военной пропаганды. В этой главе мы будем делать ссылки на указанную компиляцию, дополняя их другим материалом. В большинстве случаев цитаты проверены по оригиналу. «Gazette» категорически отрицала, что Германия когда-либо замышляла напасть на Францию, и сетовала на пропаганду, представлявшую Германию в ложном свете. Леон Доде и Клемансо просто страдают «шпиономанией», когда воображают, что до войны или с ее начала Германия наводнила Францию армией тайных агентов. ¹

«Gazette» защищала кайзера и военных против доказанной клеветы союзников. Вильгельм II всегда признавался могущественным поборником мира. Ведь это он спас Европу

¹ «Gazette» 2 июля 1917 г., цитируя заметку из «Frankfurter Zeitung». Маршан, стр. 97.

от войны из-за Марокко. Его миролюбивое настроение неоднократно удостоверялось такими лицами, как известный английский историк Голланд Розе (J. Holland Rose) или французский писатель и социалист-патриот Марсель Самба (Marcel Sembat), и вообще везде всеми здравомыслящими людьми. Он добросовестен, миролюбив, любезен, ласков в своих семейных отношениях, талантлив в своем управлении и всегда великодушен в своих побуждениях.¹

Все рассказы о германских зверствах — ложь. В армиях, занявших север Франции, немецкие солдаты ласковы с детьми. Иллюстрация в номере «Gazette» от 1 декабря 1915 года показывает, как немецкий солдат кормит маленького французского ребенка, с любовью держа его на коленях.² Дети сохраняют нежную память о «дяде Фрице».³ Печатались письма французов, взятых в плен, для того, чтобы доказать доброе и внимательное отношение германских военных сил, занявших эту территорию.⁴ Безграничная любовь немцев к музыке, религиозность и высокая нравственность проявлялись всюду, где бы ни были германские солдаты.

Росказни о массовых жестокостях и о намеренных разрушениях являются лишь зложелательными обобщениями немногих отдельных печальных примеров, которые случаются в каждой армии, но гораздо реже в дисциплинированной германской, чем в других. Необходимости войны, как все это знают, могут потребовать действий, не применяемых обычно в мирное время, — но совершенно абсурдно искажать факты и обращать их в огульное обвинение целой нации.⁵ Многие из тех церквей, в разрушении которых обвиняли немцев, совсем не были разрушены, а многие из них были незаконно использованы неприятелем.

Все приведенные выше примеры являются иллюстрациями защиты путем отрицания. Другая форма защиты — признание самого факта в сопровождении оправдывающих его объяснений — иллюстрируется отношением к вопросу

¹ «Gazette» 17 ноября 1917 г. Маршан, стр. 143.

² Воспроизведено на 145 стр. в Hansi et Tonnelet, A travers les lignes ennemies.

³ «Gazette» 13 августа 1916 г. Маршан, стр. 25.

⁴ То же.

⁵ «Gazette» 7 июня 1916 г. Маршан, стр. 190.

о подводной войне. «Gazette» не переставала утверждать, что действия подводных лодок были только ответом на гнусную и незаконную британскую блокаду.

Хотя не следует пренебрегать никакой формой подстрекательства и хотя применение встречного подстрекательства также производит известное впечатление, но все же действительность этого приема и сравнивать нельзя с тем результатом, который может иметь другой вид пропаганды, а именно — отвлечение активной ненависти неприятеля от его теперешнего противника. Для этого нужно направить его вражду на новый, независимый от нынешнего противника, объект, рядом с которым нынешний противник перестает иметь значение. Это — трудная операция; к ней всегда следует провести подготовительную кампанию, чтобы устранить некоторые виды противодействия, препятствующие успеху такого маневра.

Патриотизм является могущественной опорой для поддержания воинственного пыла, а потому антипатриотическая пропаганда может иметь некоторые шансы на успех у тех групп населения, которые, по мере протекания войны, начинают возвращаться к своей идеологии мирного времени. «Gazette» напечатала несколько статей, сетующих на тенденцию патриотизма привести страну к напрасному кровопролитию.¹ Патриотизм, призывающий к мести, безнравствен, а развращение людского сознания — ни более, ни менее как преступно.² Нужно беречься воинственного духа, раз нет сомнения в том, что он является противным религии и этике.³

Другой поддерживающей силой, под которую следует подводить мину, является доверие народа к честности правительства. Если удалось заронить недоверие против правительственной пропаганды и военной партии, то этим уже создано прочное орудие расслоения. Немцы жаловались, что они были жертвами систематических поношений и со стороны невежественных педагогов, и со стороны безответственных политиков, и со стороны лгунов — собирателей сплетен.

¹ «Gazette» 23 сентября 1916 г. Маршан, стр. 85.

² «Gazette» 9 января 1916 г. Маршан, стр. 15.

³ «Gazette» 3 июля 1917 г. Маршан, стр. 27.

Но лейтмотивом в первоначальной подготовительной работе должен быть постоянный припев: ваше дело безнадежно, ваша кровь проливается даром. И лица, стоявшие во главе французской пропаганды, совершенно справедливо критиковали первоначальную английскую пропаганду за то, что она хвасталась размерами союзных армий в первые периоды войны, когда немцы занимали Бельгию и север Франции. Когда же англичане перешли в 1918 году в военное наступление, то они сразу засыпали германские траншеи географическими картами, на которых ясно обозначалось их продвижение. Они напоминали о лживых надеждах, которыми германские вожди обольщали народ и армию, и распространяли достоверное сообщение немецкой газеты, которая плакалась, что

несколько недель назад казалось, что наши армии близки к своей цели, к уничтожению неприятельских сил, к миру.

Но какая перемена!

Распространялись также предсказания. Над германскими окопами был развернут плакат с надписью:

Сегодня мы отступаем, а на будущий год мы будем уничтожены.

Когда германские генералы открыто признались в 1918 году, что их тревожит работа союзнической пропаганды, то союзнические пропагандисты объяснили это немцам как знак того, что их вождям хотелось скрывать от них правду. Как другое доказательство слабости были пущены слухи о том, что германское правительство не прочь было бы наконец заключить мир.

Американцы, взявшиеся за непосредственную пропаганду против Германии и особенно против германской армии, тратили большую часть своей энергии на распространение слухов о силе Америки. На германские линии сбрасывались маленькие листовки с изображением шеренги солдат, размер которых менялся в связи с ежемесячным увеличением числа американских солдат. Так, например, плакат сообщал, что во Франции уже находятся 1 900 000 человек американцев и что в десять раз большее число их в полной готовности ожидает в Америке отправки на фронт. Особенно подчеркивались размеры германских потерь в людях и тоннаже. То, что у германцев были на исходе продукты питания и сырые материалы, инсинуировалось

например распространением слуха о том, что в одном германском городе был арестован еще один контрабандист. Направо и налево раздавались брошюры с такого рода вопросами:

Будете ли вы когда-нибудь так же сильны, как в июле 1918 г.?

Становится ли ваш противник день ото дня слабее или сильнее?

Принесли ли вам ваши страшные потери 1918 года тот победоносный мир, который был обещан вам вашими вождями?

Жива ли в вас надежда на конечную победу?

Есть ли в вас желание жертвовать жизнью за безнадежное дело? ⁽¹³⁸⁾

Другой темой первостепенной важности, — особенно, если ее сопоставить с предыдущим, — является тема о лишениях, которые испытывает солдат на фронте, а дома — его семья. Рассказы о недостатке и нужде дома были выпущены в виде специальных французских листов пропаганды, изготовленных для распространения между германскими солдатами; назывались они «Письма из Германии» («Briefe aus Deutschland»).

Радости семейной жизни тонко напоминались французскими издателями газеты «Die Feldpost» (другая газета для германских войск). Они прославляли рождество 1915 года, вспоминая все удовольствия этого праздника, проведенного дома, в мирной обстановке, со своей семьей. ⁽¹³⁹⁾ Радости мирной жизни были выведены в пропагандной литературе для того, чтобы заставить более интенсивно почувствовать утомление от войны.

Другой способ усилить нужду и лишения заключается в том, чтобы пустить в ход, — как это делали американцы, — что-нибудь такое, что намекало бы на сравнительное довольство и комфорт неприятеля. Открытое письмо, являвшееся точной репродукцией официальной германской полевой открытки, гласило:

Напишите на этой карточке адрес вашего семейства; если вы будете взяты в плен американцами, то отдайте ее первому офицеру, который будет вас допрашивать. Он почтет за обязанность отослать ее; чтобы успокоить вашу семью относительно вашего положения.

(На обороте:)

Не беспокойтесь обо мне. Для меня война кончена. Американская армия кормит своих пленных тем же, чем кормит своих собственных солдат: мясом, белым хлебом, картофелем, бобами, черносливом, кофе, маслом, дает им табак и т. д. ⁽¹⁴⁰⁾

Если те подготовительные и основные темы, о которых мы до сего времени говорили, смогут облегчить дело замены одной вражды другой, то следующий шаг должен вести к тому, чтобы сосредоточить вражду на одном определенном объекте, к которому можно рассчитывать привлечь это чувство неприятеля. Одной из возможных альтернатив является перенесение подозрения и вражды на союзника.

Германская пропаганда делала, что могла, чтобы призвать к жизни давнишнюю вражду французов к англичанам. Говорилось, что Англия загребает жар руками Франции. Англичане чрезвычайно медленно торопились в своих военных приготовлениях, как признался в этом и Винстон Черчилль.¹ Их цель — заставить Францию проливать за них кровь. На самом деле они стараются устроиться в Кале на постоянных квартирах, а всякий человек, изучавший историю, знает, сколько времени потребовалось на то, чтобы их выжить оттуда, когда они в последний раз наложили на Кале свою лапу.

Правда заключается в том, объявляют немцы, что, вовсе не желая угрожать вам, мы хотим соединиться с вами для общего похода против Англии, которая вошла в сделку с наиболее низкими из ваших политиканов, чтобы ценою вашей крови сокрушить нашу торговую конкуренцию. Мы охотно освободим вас от махинаций Англии и поможем вам распространить ваши колониальные владения за счет Британии. Между нами говоря, мы можем господствовать над Европой, а господствовать над Европой — значит господствовать над всем миром. Вместе с тем мы можем освободить вас от России, чей царь пользуется Францией для того, чтобы захватить Константинополь.²

Союзники в свою очередь напрягли все усилия, чтобы загнать клин между Австро-Венгрией и Германией. Слухи о том, что двуединая монархия ведет переговоры о сепаратном мире, были пущены на Западном фронте между германскими солдатами с целью возбудить в них вражду против Австрии или доказать им безнадежность того дела, из-за которого они так много страдали. Слухи о том, что у австрийцев и венгров имелось достаточное количество

¹ «Gazette» 7 сентября 1916 г. Маршан, стр. 49.

² «Gazette» 26 апреля 1917 г. Маршан, стр. 47.

продуктов питания, возбудили порядочное чувство злобы в Германии, где были введены строгие правила, ограничивавшие употребление пищи. С другой стороны, австрийцы подвергались насмешкам за то, что они рабы Пруссии, и их старались прельстить возможностью получения территориальных компенсаций за счет Германии, если они переменят фронт.

Союзник не всегда бывает единственным объектом, на который стремятся отвлечь вражду противника. Для этой цели годится также правительство и господствующий класс. Если сделать достаточно ненавистным правящее лицо, «клику» или класс, то наступает революция, — а при революции остается очень немного места для активной ненависти к внешнему врагу.

Во время мировой войны каждая из воюющих стран приложила руку к делу возбуждения и поддержания разногласий и революции в других странах, не считаясь с возможностью удачного восстания и у себя дома. Есть основание полагать, что уже в 1915 году германцы пытались ускорить падение России, снабжая ее революционной литературой через тех русских пленных, которые могли случайно — путем обмена или освобождения — вернуться в Россию.¹ Знаменитый эпизод с запечатанным вагоном, заключавшим в себе Ленина и сорок человек других революционеров, случился в 1917 году.

А союзники совершенно сознательно старались вырвать с корнем в Германии и кайзера, и всю империалистическую систему. Одна из листовок, разбрасывавшихся французами над Германией, изображала кайзера и его «шелудивых» (husky) сыновей, совершенно не пострадавшими от войны; а на обратной стороне, чтобы показать конечное место упокоения верных подданных Германии, были наставлены целые ряды деревянных крестов.⁽¹⁴¹⁾ Другая листовка изображала кайзера и его генеральный штаб сидящими вокруг стола, весело беседующими и пьющими пиво, а на обороте был представлен взрыв снаряда на передовой линии окопов и разорванные в куски трупы.⁽¹⁴²⁾

¹ В этом их обвинял один русский, которому было разрешено по соглашению с Красным крестом посетить некоторые из концентрационных лагерей. (Прим. автора.)

Живших за границей немцев-республиканцев насильно или добровольно втягивали в рассуждения на тему об ответственности кайзера за войну. После неудачного наступления немцев весной 1918 года пропаганда Вильсона в Германии достигла своего апогея. Его речи распространялись всюду, и ими удалось создать впечатление, что республиканской Германии легко было бы заключить с западной демократией мир на легких условиях. Приложены были особые старания к тому, чтобы напечатать все те места Вильсоновских речей, которые в Германии вычеркивались красными чернилами. ⁽¹⁴³⁾

Англичане стремились внушить неизбежность революционных выступлений в Германии путем распространения статей, в которых говорилось о тайных мерах предосторожности, недавно принятых в Берлине, где верховное командование только-что издало приказ об особых мерах для подавления забастовок. Всякое запрещение собрания социалистов широко оглашалось на западном фронте. Нижеследующее сообщение является особенно тонким способом внушить идею революции. Оно дано в форме известия из Стокгольма.

Германский министр в Стокгольме потребовал, чтобы шведское министерство иностранных дел наложило арест на номер американской газеты «New-York Herald Magazine of the War» от 14 июля, потому что на первой его странице помещен портрет германского императора с такого рода подписью: «Что делать нам с кайзером после войны?» Говорят, что министр юстиции отдал распоряжение о задержании этих номеров. ¹

Хотя в конце концов германцы и потерпели поражение в результате этой игры, тем не менее они деятельно старались деморализовать союзников путем революции. Через «Gazette» и всякими другими доступными им путями они пытались возложить ответственность за войну на Пуанкаре и его партию. «Это была та группа, — говорили они, — чье безумное стремление получить реванш привело Францию к непозволительному торгу с дипломатическими и военными кругами Бельгии, к финансированию стратегических железных дорог в России, — в то время когда деньги были нужны для достижения общественного благополучия

¹ Этот и подобные ему примеры даются Кэмпбелем Стюартом в книге «Тайны дома Крю».

у себя дома, — к отказу прекратить пропаганду за панславизм и к нарушению бельгийского нейтралитета прежде, чем Германия начала войну».

Германцы нашли сокрушительный ответ на то провозглашение международного идеализма, которым союзники сотрясали воздух. Они огласили, насколько могли, секретные договоры, заключенные союзниками. Идеалистически настроенные союзники разделили между собою мир. России был обещан Константинополь. Великобритания получила нейтральную зону севернее сферы ее влияния в Персии. Итальянцам доставались Триент и Триест, а также территории Горицы, Градиски, Истрии, Далмации и Валоны. Им было обещано 200 000 германцев, которые жили в районе Бренского прохода (Brenner Pass) и которые с XIV столетия были подданными Австрии. Важные порты Адриатического моря или прямо попадали в их руки, или становились нейтральными. Они обеспечили себя греческими Додеканезскими островами, несколькими провинциями в Малой Азии и обещаниями колоний в Африке. Румынии давали территории, населенные венграми, сербами, русинами и другими славянскими народностями. Франция предоставляла России свободу действий в Польше, взамен чего получала на Западном фронте свободу действий в Эльзас-Лотарингии, Сааре (Saar) и на левом берегу Рейна. А Турецкая империя и германские колонии были разрезаны на куски и поделены между всеми.

Разоблачение этих договоров не только создало трения между союзниками, так как эти секретные договоры открыли, что союзники дали противоречивые обещания некоторым из более слабых держав, но они кроме того и непосредственно повлияли на настроение рабочих. Как отразилось на общем ходе дела разоблачение такого двоедушия союзников, об этом говорилось выше.¹

Германцы завели свои атаки против национального единения чрезвычайно далеко. Они пытались возбудить оставшихся дома жен, обращая внимание на те ужасающие размеры, какие принимала на фронте проституция. Д-р Гро говорит, что уже в июле 1915 года во Франции распространялись анонимные брошюры на эту тему. Немцы не щадили

¹ См. стр. 67 — 68.

никаких усилий для того, чтобы возбудить солдат на фронте против излишеств, которым будто бы предавались в тылу политические деятели, спекулянты и офицеры. Номер «Gazette» от 5 ноября 1916 г. намекал на оставшихся дома жен, для которых оказалось непосильным сохранение супружеской верности. Конечно французское правительство обвинялось в привозе черных жителей Марокко, и «Gazette» придралась к случаю, чтобы опубликовать письмо, в котором говорилось:

Эти грязные марокканцы делают направо и налево детей, похожих на аннамитов.¹

Французы перепечатали и пустили в обращение рисунок из сатирического журнала «Simplicissimus», на котором немецкий школьный учитель спрашивал чахлого ученика, почему того, кто приговорен к строгому наказанию, называют «бедным грешником». Ответ был:

Потому что богатого грешника никогда не наказывают строго.

До сражения при Капоретто начальники поощряли братание между австрийскими и итальянскими войсками, стараясь пользоваться для этой цели австрийскими коммунистами, заразившимися коммунизмом или социализмом на русском фронте. Иногда разрешалось совершать поездки германским пацифистам, хотя на их агитацию дома были наложены самые строгие ограничения.

Немцы пользовались всякой трещиной во французской нации, старались восстановить партию против партии, фермеров против жителей города, провинциалов против парижан, рабочих против нанимателей, армию против народа, армию против правительства и власть законодательную против власти исполнительной. (144)

Мы говорили о пропаганде антисоюзнической и антиправительственной, но следует обратить внимание и на третью возможность большой важности — на пропаганду антигосударственную. Последняя война доказала, какие хорошие результаты может дать подстрекательство к прекращению войны, если государство противника составлено из разнородных элементов. Союзники стали говорить о самоопределении с самого начала войны. Царь объявил

¹ «Gazette» 29 апреля 1917 г.

16 августа 1914 года, что он намеревается дать автономию объединенной Польше. Весной 1916 года астроном-авиатор Стефаник предлагал бросать изготовленные Массариком чешские прокламации над линией фронта австрийской армии, направленные против итальянцев. ⁽¹⁴⁵⁾ Русские разбрасывали с аэропланов за линией фронта золотые монеты с изображением чешского национального герба, но все же самый большой вред от пропаганды, направлявшейся против двуединой монархии, стал выявляться только после декларации в Корфу, в июле 1917 года. Согласно этой декларации, Пашич и Трумбич, «уполномоченные представители сербов, хорватов и словенцев», «рассмотрели желание наших народов «образовать из себя независимое национальное государство»; назвали его «королевство сербов, хорватов и словенцев»; установили для этого союза особый флаг и герб; дали также специальные сербские, хорватские и словенские флаги и эмблемы для свободного пользования; установили свободу вероисповеданий: православного, римско-католического и мусульманского; объявили, что Адриатика должна быть «свободным и открытым морем» и что «королевство будет обнимать всю территорию, компактно населенную нашим народом и не могущую быть видоизмененной без вреда для жизненных интересов государства».

Политика раздела Австро-Венгрии наталкивалась на сопротивление многочисленных элементов среди союзников даже и в это сравнительно позднее время. «Новая Европа», выпущенная 19 октября 1916 года Сэттоном Вотсоном, Масариком, Стидом и некоторыми другими, старалась побороть нежелание британского правительства смело стать на точку зрения политики раздела. Союзные правительства смущались теми обязательствами, которые они на себя взяли, чтобы заставить Италию присоединиться к войне в 1915 году, когда претензии южных славян еще не определились окончательно. Итальянцам были предложены гарантии, совершенно не согласовавшиеся с объединением южных славян, — а итальянцы были расположены крепко держаться за выгоды, предоставляемые им договором. Они предпочитали аннексию проблематической дружбе с увеличившейся Сербией и боялись, как бы расчлененная Австрия не соединилась с Германией. Викгэм Стид из лондонского «Таймса», один из деятельнейших пропагандистов

в пользу «великой Сербии», думает, что еврейские банкирские дома стремились поддержать германо-еврейскую финансовую систему, создавшую экономический каркас пангерманизма, и в то же время усилить всякий элемент, являвшийся оппозицией распаду Австрии. Римско-католическое духовенство было также против совершенного уничтожения наиболее крупной из оставшихся в Европе католических держав. Английское общество чувствовало слабость к австрийцам потому, что дома у них были так комфортабельны, охота так хороша и сами они так спокойнолюбезны. ⁽¹⁴⁶⁾

И в самом деле, лишь после поражения при Капоретто в октябре 1917 года славянам удалось сговориться с итальянцами, а союзной пропаганде достигнуть своих конечных размеров. Даже и тогда путь к величайшему фокусу пропаганды во время войны, — к «Конгрессу угнетенных Габсбургами национальностей», состоявшемуся в апреле 1918 года в Риме, — был окончательно расчищен не ранее «Римского пакта» в марте 1918 года. 20 октября 1918 года в Филадельфии состоялся Конвент двенадцати народов, решивших отвоевать себе свободу. Председателем его был профессор Массарик, бывший также председателем чехословацкого национального совета, признанного союзными правительствами. Большая часть прессы говорила о собрании, происходившем в «Independence Hall'e», как о чехословацком конвенте, благодаря известности Массарика и тому большому впечатлению, которое произвели на общество чехо-словацкий легион в России и чехо-словацкий дивизион во Франции. Все делегаты этого Конвента торжественно подписали «декларацию о независимости», и это событие широко разглашалось в Англии и Европе. ⁽¹⁴⁷⁾

Другим блестящим ходом союзнической пропаганды было поощрение сионизма. В ноябре 1917 года Бальфур приглашал британское правительство к учреждению в Палестине «еврейского национального убежища» (Jewish National Home). Это дало материал для подходящего воззвания к германским евреям и в то же время усилило интерес к войне со стороны американских евреев. Генерал Людендорф считал декларацию Бальфура самым ловким поступком союзников в деле военной пропаганды и сожалел о том, что это не пришло раньше в голову Германии.

Усилия, употребленные центральными державами на то, чтобы внушить мысль о прекращении войны, пропали даром. Еще весной 1915 года австрийцы старались содействовать разложению России. Горемыкин, председатель совета министров, говорил французскому посланнику в апреле 1915 года, что

Австрия много прилагает стараний к тому, чтобы создать национальное движение среди украинцев. Вам вероятно известно, что в Вене существует общество освобождения Украины? Оно печатает в Швейцарии брошюры и карты. Я их получаю, и конечно они свидетельствуют об очень интенсивной пропагандной деятельности.¹

Германия старалась поднять против Англии Ирландию и возбудить волнения в Северной Африке, Египте и Индии. Немцы пытались внести раскол в Бельгию, поощряя «валлонское движение», но безуспешно.

Во время войны получили свое начало некоторые движения, которые в сущности были не чем иным, как *reductio ad absurdum*² принципа самоопределения. Одно из таковых зародилось в изобретательном мозгу агента австрийской прессы. Случайно он находился на занятой итальянской территории и услышал разговор, из которого ничего не понял. Он открыл, что это местный язык, известный под названием «фрайуль» (Friul), что на нем говорят в нескольких селениях провинции Удино. Он написал статью, требуя самоопределения для тех, кто говорит на этом языке, чем возбудил возмущение всей итальянской прессы.

Важным вопросом пропаганды против неприятеля является изобретение путей и способов передачи неприятелю разного рода внушений. Предлагаем сейчас же ознакомиться с некоторыми наиболее специальными приемами, к которым прибегали для этой цели в последнюю войну, вместо того, чтобы возвращаться к ним в отделе, посвященном общему разбору тактических приемов.

Прежде всего воюющими сторонами прилагались старания к тому, чтобы проникнуть за передовые линии своих противников путем помещения соответствующих статей в нейтральной печати. Для этого приобретались газеты в Швейцарии и других нейтральных странах. Но одновре-

¹ Палеолог, Мемуары посла, I, р. 327.

² Т. е. доведением до абсурда.

менно воюющие стороны стали также изобретать пути и способы непосредственной связи с войсками противника.

Уже в октябре 1915 года французы начали издавать для распространения среди неприятельских солдат регулярный периодический орган «Полевая почта». ⁽¹⁴⁸⁾ Он был известен также под названием «Свободное германское слово». ⁽¹⁴⁹⁾ Кроме того широко пользовались книгами и случайными брошюрами.

Для проповеди германской ответственности за войну широко распространялось небольшое издание под заглавием «Я обвиняю» («J'accuse»). Для этой же цели было выпущено много разнообразных книг, написанных д-ром Германом Фернау, д-ром Мюлен, князем Лихновским и другими. Раздавались пламенные брошюры, изготовленные д-ром Германом Розмейром, который до сентября 1914 года был издателем берлинской газеты «Моргенпост». ⁽¹⁵⁰⁾

Для разбора вопроса о том, кто виновен в войне, выпускалось специальное издание «Kriegsfakel». Также выпускались, хотя и не столь регулярно, «Письма из Германии» и «Привет родине». В первом из этих изданий помещались письма и статьи, касавшиеся внутренних условий германской жизни; во втором — письма от германцев, находившихся в плену во Франции и свидетельствовавшие об отличном с ними обращении. 29 августа 1916 года и 16 октября 1917 года французы подделали номера газеты «Страсбургская почта», известного органа германизации. Это было сделано главным образом для поощрения франкофильских элементов в Эльзас-Лотарингии, и номера эти были блестящей сатирой на германскую администрацию. Знаменитая сказка о намерении англичан занять Кале рассказывается так:

Мы можем подтвердить это почти невероятное сообщение (что французы сдали Кале в аренду англичанам на 99 лет). Наш корреспондент интервьюировал в Швейцарии французского офицера высокого ранга (адъютанта), родом из окрестностей Бокэра, который с большим сокрушением и слезами на глазах признался, что сам видел, как город Кале заключал контракт с английским правительством. Рента была определена в 255 000 фунтов стерлингов в месяц, с платежом вперед каждое первое число. Получив сумму, мэр города Кале должен распределить ее между жителями города. Все расходы по освещению и по очистке улиц, вместе с обязанностью посыпки песком в случае мороза боковых улиц, лежат на арендаторе. Владелец оплачивает ремонт. Обе стороны имеют право по желанию расторгнуть контракт,

предупредив об этом за девять месяцев... Подумать только, как низко пала Франция, унижаясь таким образом перед вероломным Альбионом!... Если граждане Кале воображают, что бесстрашный германский Микель намеревается освободить их от английских когтей, от этой нации торгашей, то они заблуждаются... Мы уже пробовали это раз и конечно не захотим больше браться за это. ⁽¹⁶¹⁾

Подобным же образом французы подделали один из июльских номеров 1917 года газеты «Frankfurter Zeitung». Они также перепечатали и сделали пародию на листовки, которыми пользовались в Германии для пропаганды военного займа. На фронт посылалась республиканская пропаганда, изготовлявшаяся Зигфридом Болдером и многими другими. Особые брошюры посвящались тому, чтобы разъяснить и оправдать французские претензии на Эльзас и Лотарингию.

В добавление к такого рода деятельности французы издавали газету «Голос страны» («La Voix du pays») для распространения ее среди войск на занятой германцами территории, а также в Эльзасе и Лотарингии. Особые воззвания были обращены к баварцам в надежде восстановить юг против севера. Французы старались переслать в Германию возможно большее количество пропагандного материала через швейцарскую службу почт. Они пользовались одной швейцарской конторой объявлений для подготовки материала, который они контрабандным способом переправляли через границу. Один ловкий агент продал Германии консервы, а ящики набил вместо этого материалом союзной пропаганды.

В 1916 году британское военное министерство ⁽¹⁶²⁾ создало военно-осведомительный отдел, обозначившийся «M. I. 7. b.»; этот отдел стал издавать «Воздушный вестник» («Le Courrier de l'air») с целью успокоения жителей занятых территорий в том смысле, что дело не потеряно. Отдельные номера этой газеты попадали даже в Германию, где вызывали ярость германских властей. Эта газета выходила непрерывно с 6 апреля 1917 года до 25 января 1918 года. Издание ее было затем временно прекращено вследствие приказа германского военного командования о предании полемому суду тех летчиков, у которых будет найдена «бунтовщическая литература», и наложения на них строгих взысканий. За этой угрозой последовал пример приведения ее в исполнение, и «Le Courrier» был приостановлен до

изобретения лучшего способа его распространения. Издание возобновилось 7 марта 1918 года.

Развитие лучших способов распространения подобного рода литературы намечается майором Стидом в нижеследующих строках:

В разбрасывании кусочков бумаги в сущности не больше трудности, чем в разбрасывании кусочков стали, но по назначению эти две формы метательных снарядов отличаются одна от другой так же, как и ожидаемые от них эффекты. Для того, чтобы действие гранаты было максимальным, нужно, чтобы она попадала в центр группы людей; наоборот, пропагандные листовки должны разлетаться возможно шире, должны избегать высоко дисциплинированных групп и попадать в руки одиноких часовых, свободных от влияния своих соотечественников и для развлечения которых в данный момент не имеется ничего другого. Группа людей отнесется вероятно к листовке как к шутке, — одинокий же человек прочтает ее хотя бы от скуки и быть может придет к заключению, что в ее рассуждениях есть кое-что заслуживающее внимания. И если пропаганде удастся возбудить хотя бы малейшее недоверие к тем положениям, против которых она борется, ее дело сделано более чем наполовину.

И союзные державы, и центральные империи прибегали к способу разбрасывания пропагандного материала метательными снарядами, пользуясь для этой цели траншейными мортирами. В большинстве случаев идея заключалась в том, чтобы построить бомбу небольшой разрывной силы, которая должна, долетев до расположенных впереди неприятельских укреплений, выпустить на головы изумленного противника дождь листовок. Но эта система имеет свои очевидные минусы. Траншейная бомба никогда не пользовалась популярностью, так как можно было ожидать, что более восприимчивые люди будут раздражены потоком слов, направленных в них столь непосредственным способом, — если же нет, то будут смеяться над ним, как над слишком очевидною «военною хитростью». Чувствуется что-то неустойчивое в армии, которая или делает жизнь невыносимой от «чемоданов», или же посылает из жерл тех же орудий поток литературы, возвещающей, что все люди — братья или еще какие-нибудь доктрины пацифистского характера. Поэтому траншейная мортира в качестве метательного снаряда, рассылающего пропагандную литературу, была оставлена и заменена аэропланом.

Сначала казалось, что последний обладает всеми свойствами, нужными для этой цели. Он может сбрасывать бесконечное количество листовок с любой высоты, — и так как требуется известное время на то, чтобы они долетели, то падение их не имеет видимой связи с полетом аэроплана. Конечно гораздо больший эффект может быть достигнут, когда листок влетает в окоп неизвестно откуда, чем когда его вихрем приносит смертельный снаряд. Далее, — аэроплан может проникнуть много дальше и раскинуть свою пропаганду не только над самими окопами, но также над тыловыми резервами и над железнодорожными путями. Преимущество получалось двоякое: листки могли быть найдены и подняты на гораздо более широком пространстве,

а люди, находившиеся позади передовой линии, имели больше свободного времени и охоты задуматься над их содержанием. Но с другой стороны аэропланы предназначались и для многого другого. Не без основания рассуждали, что если аэроплан может быть послан для полета над вражеской территорией, то пусть лучше он сбрасывает бомбы, чем пропаганду. Многие доходили до того, что уверяли, будто бы лучшая пропаганда, какую только можно сбросить на неприятеля, это — бомбы, и чем больше, тем лучше, — причем подобные деяния казались правильными по отношению к Рейну, но неправильными по отношению к Лондону. Во всяком случае чувствовалось, что аэроплан — слишком ценное орудие борьбы, чтобы им пользоваться как сеятелем листовок.

Следующей идеей было применение наблюдательных воздушных шаров, которые должны были поднимать партию листовок, чтобы сбрасывать их, когда ветер будет дуть в направлении неприятеля. Не говоря уже о том, что люди, поднятые аэростатами, обыкновенно бывают слишком заняты собственным делом наблюдения, и им нет времени заниматься еще бросанием в воздух пакетов с бумажками, — наблюдательный аэростат вообще представляет много неудобства. Более остроумным и разработанным развитием этой системы было использование для указанной цели воздушного змея. При благоприятном ветре с какого-нибудь удобного места пускался змей, а вместе с ним и приспособление («спутник» — follower), с пакетом листовок, которое должно было подниматься по веревке, на которой был змей. Это приспособление было снабжено автоматическим клапаном, который, функционируя на заранее определенной высоте, выпускал листочки и затем содействовал падению «спутника» на землю, где последний мог опять принять новый груз. Если механизм не заедал, то это являлось очень забавной игрушкой.

И только в конце 1916 года стали серьезно смотреть на свободный воздушный шар как на подходящее средство для распространения пропагандистской литературы. Идея всегда была ясна: нагрузите воздушный шар листочками, которые он должен будет рассыпать, и пустите его при благоприятном ветре, — вот и все. Трудность заключается в предсказании, где именно, — в каком месте в окружности тысячи или около этого миль, — может шар спуститься. И только после того, как метеорология под давлением потребности артиллерийской стрельбы так чудесно развилась за время войны, явилась возможность пользоваться воздушными шарами на научных основаниях. «Метеоры» — в лице прикомандированных к войскам метеорологов-экспертов — научились определять скорость и направление ветра на всякой высоте и во всякой местности. А раз только найден простой и надежный способ выпуска листовок, то остальное просто. Вы подаете шар на определенное место, — скажем, на десять миль за линию фронта, — причем вам известно, что ваш шар может подняться, скажем, на шесть тысяч футов и пойдет на этой высоте, пока не выбросит своего груза. Для этой высоты и места «метеор» дает скорость юго-западного ветра в двадцать миль в час. В сорока милях от места нахождения шара, на северо-восток от него, находится неприятельский концентрационный лагерь. Нагрузите ваш шар нужным сортом пропагандных листовок, урегулируйте приспособление для

выпуска их так, чтобы оно начало функционировать менее чем через два часа, с целью дать листочкам спуститься, планируя, — и дело сделано.

... Воздушные шары изготовлялись из бумаги, пропитанной составом, делавшим ее непроницаемой для водорода.

Организованная во Франции секция пропаганды при помощи воздушных шаров состояла из нескольких 3-тонных грузовиков, перевозивших цилиндры с водородом, шары и листовки, а также необходимый персонал, состоявший из офицера и нескольких солдат. Станции были выбраны так, чтобы с них можно было достигнуть той или иной желаемой цели при направлении ветра с севера, запада и юга...

Задача применения воздушного шара была полностью разрешена «способом привязывания», который был так же прост, как и остроумен. Брался довольно длинный шнур тканого тута, который употребляется для закуривания и продается в любом табачном магазине. Один конец этого тута прикреплялся к шару. Затем листки нанизывались на нитки, употребляемые обыкновенно для сшивания бумаг в канцеляриях, и кончик каждой нитки пропускался через фитиль на определенном расстоянии от его свободного конца. Время горения фитиля заранее проверялось на опыте; оно равнялось, скажем, одному дюйму в пять минут. Если шар окажется над местом назначения через сорок минут, то нитки должны быть пропущены через фитиль, на небольших промежутках одна от другой, в расстоянии 6 — 10 дюймов от конца фитиля.

При пуске шара конец фитиля зажигался о закуренную папироску.

Летом и осенью 1918 года ветер дул большей частью в спину союзников, благодаря чему пропаганда их достигла наибольших размеров. Материал распространялся над зоной в 200 километров глубиной за линией германского фронта. К августу расход листовок достиг свыше 10 000 штук в день, так что в месяц их выпускалось от четырех до пяти миллионов.

Союзники разрешили вопрос распространения пропагандистской литературы гораздо лучше, чем это удалось немцам. Одним из наиболее блестящих успехов германской пропаганды был выпуск «Gasette des Ardennes», что давало возможность обитателям занятой территории читать на законном основании явно германофильскую газету.

Для снабжения бельгийцев известиями, касавшимися Антанты, была учреждена подпольная служба прессы, имевшая большое значение как в смысле воздействия на

¹ См. рассказ «Свободная Бельгия» («La libre Belgique») в книге Жана Массарта Тайная пресса Бельгии.

настроение самих бельгийцев, так и в смысле просачивания сообщаемых известий в ближайшее германское население.

Из рассмотрения вопроса о деморализации неприятеля можно повидимому заключить, что при этой работе главной темой должна быть невозможность победы и что обескураженное население может обратиться как против союзника, так и против собственного правящего класса, а равно проиграть дело и вследствие отпадения от государства мелких народностей.

УСЛОВИЯ И МЕТОДЫ ПРОПАГАНДЫ

(Краткий очерк)

УСПЕШНОСТЬ пропаганды зависит от искусного применения средств при благоприятных условиях. Средства — это то, чем пропагандист может располагать; условия — это то, к чему он должен приспособляться. Пропагандист может видоизменять организацию своей деятельности, менять течение внушаемых им мыслей и заменять один способ распространения этих мыслей другим, — но он непременно должен считаться с определенными объективными фактами международной жизни и с общим настроением. В настоящем исследовании уже говорилось прямо или косвенно об условиях и методах пропаганды. Теперь настало время придать им более систематический вид.

На успех пропаганды влияют известные традиции как всего народа, так и каждой из составляющих его групп. У французов было преимущество великой исторической дружбы с Америкой, — наследие той благодарности, которую боровшиеся колонисты чувствовали к французам за оказанную им во время революции помощь. Германцы рассчитывали на симпатии своих прежних граждан, а также ирландо-еврейского блока. Англичане могли опереться на глубоко проникающую общность чувств, которая казалась чем-то таким обычным, что часто, при наличии внешних более поверхностных отношений, совершенно игнорировалась. Пропагандисту всегда грозит опасность натолкнуться на какое-нибудь глубоко укоренившееся предубеждение. Так, германцы ухватились за эксцессы бельгийских «вольных стрелков», чтобы оправдать перед миром и перед германским обществом свои собственные поступки. Но когда немцы стали распространять слухи, будто бы католические священники подстрекают своих прихожан к убийству завоевателей всеми имеющимися у них под руками средствами, то дома, в Германии, это вызвало обратное действие. Ка-

толики восстали, чтобы опровергнуть эти слухи. В 1900 году католики основали «Центральное бюро католической прессы». ⁽¹⁵³⁾ В 1913 году этот орган был переформирован во франкфуртское «Бюро правовой защиты католического духовенства». ⁽¹⁵⁴⁾ В 1906 году в Кельне был основан другой орган, объединявший католическое духовенство Германии. ⁽¹⁵⁵⁾ Оба эти органа разразились возгласами возмущения и опровержениями прусских версий о зверствах католиков в Бельгии. Эти опровержения были подхвачены за границей, и союзники воспользовались ими, чтобы дискредитировать германские рассказы о Бельгии. ⁽¹⁵⁶⁾

Такого рода предубеждения всегда являются барьером для пропагандиста. Затем его свобода ограничивается переплетающимися взаимоотношениями между нациями. В руках англичан находился кабель, соединяющий Америку с Европой, и это сыграло очень большую роль. Напрасно немцы старались уравнивать такое преимущество применением беспроволочного телеграфа, — успех был средний. Всякий, кто был знаком с историей отношений Америки к другим странам, мог еще в 1914 году предсказать, что британцы имели много шансов привить Америке свою точку зрения, так как американское общественное мнение часто являлось чем-то в роде утлого суденышка, беспомощно и безвольно болтавшегося в кильватере британского военного корабля. После гражданской войны Америка стала искренним другом России за оказанную царем моральную поддержку во время конфликта. В последующие годы у Америки было мало прямых сношений с Россией, но тем не менее американская дружба перешла в активную вражду. Объясняется это очень просто: Америка питалась британской прессой, а Британия находилась в конфликте с Россией.

Существуют объективные сходства и различия в социальных обычаях и установлениях разных народов, с чем нельзя не считаться, что бы там ни говорили. Действительно, Британия, Франция и Бельгия в своих основных политических установлениях более демократичны, чем Германия; американцы говорят и читают по-английски, а не по-немецки; американцы знают Шекспира и не знают Гете, и они думают, что битва при Ватерлоо была выиграна герцогом Веллингтоном, а не Блюхером. Основные схемы американской жизни — более английские, чем немецкие. ⁽¹⁵⁷⁾

Часто получается возможность так глубоко заглянуть в жизнь населения, что это затрудняет произвольное управление чувствами. Обычаи, привычки и соревнование разнообразных иммигрировавших в Америку групп оказывали влияние на взаимоотношения между Америкою и теми странами, которые были родиной этих групп. Многие из русских, вернувшихся, когда возгорелась революция, домой, привезли с собой рассказы о грязных помещениях и двенадцатичасовых сменах на металлургических заводах. Когда американские пропагандисты вздумали прославлять американское демократическое правление, им всегда ставились затруднительные вопросы.

Одной из особенно важных во время войны форм проникновения в жизнь населения является расквартирование войск на занятой территории. Неприятельский военный постой ведет ко всевозможным трениям между властями и жителями, и тогда-то чаще всего случаются те печальные инциденты, которыми изобилует война. Германцы заняли Бельгию, и ими положено было много труда на улаживание столкновений с гражданским населением. Это давало возможность союзникам создавать большую шумиху вокруг всего, что случалось, а также и там, где не случалось ничего.

Немцы могли отвечать только непрерывно повторявшимися рассказами о зверствах русских в Восточной Пруссии, которая однако находилась слишком далеко, чтобы возбудить в американцах симпатию или сожаление.

Между двумя странами могут существовать связи экономического характера. Обыкновенно за принцип международной политики принимается то обстоятельство, что раз одна сторона дала другой заимообразно денег, то она, весьма вероятно, придет на помощь своему должнику в случае, если третья страна будет угрожать его платежеспособности. Американцы, финансировавшие союзников в период нейтралитета Америки, быть может и давали деньги, основываясь на чувстве симпатии к делу союзников (банкирский дом Моргана был по своему происхождению и по своим филиалам английским), но впоследствии эти узы симпатии были несомненно укреплены золотыми цепями. Последовавшее подтверждает аксиому, что кредитор всегда бывает связан с дебитором.

Во время войны решающим фактором является относительная военная мощь враждующих сторон. Большие отступательные движения нельзя скрыть надолго, а длительное унижение сеет семена раздора и пораженчества. Германские пропагандисты никак не могли избрести новые надежды, чтобы сгладить ими разочарование лета 1918 года; призыв к оружию истощил их кредит и подорвал веру масс. Лорд Грэй написал несколько умных слов относительно того, как легко преувеличить роль дипломатии в военное время, и это относится также к пропаганде, являющейся одним из орудий дипломатии.

С точки зрения постороннего свидетеля, даже битва на Марне была скорее спасением, чем победой, скорее — остановкой германского продвижения вперед, чем поворотом в сторону противника. Затем последовало первое сражение при Ипре, во время которого франко-британский фронт подошел близко к другой катастрофе. В 1915 году у союзников не было достаточно крупных успехов, чтобы сгладить плачевное впечатление от русских поражений. В 1916 году германцы потерпели неудачу под Верденом, но зато и французы жестоко пострадали, — так что и этот год был скорее годом германских неудач, чем успехов союзников, за исключением наступления Брусилова. Это втянуло в войну Румынию. Даже прорывы австрийской линии, произведенные Брусиловым, были в короткое время ликвидированы. Работа союзнической дипломатии в Европе во время войны была действительно трудной и неблагоприятной задачей.¹

В предыдущем изложении мы перечислили некоторые из звеньев, связующих народы и обуславливающих успех пропаганды. Такими являются главным образом сеть путей сообщения, общность и различие обычаев и установлений, сближение с бытом населения, экономические узы и др. Теперь мы подходим к фактору, ограничивающему возможность пропаганды, который всегда бывает налицо, но который не так-то легко поддается описанию и объяснению, а именно — к степени напряженности общественного настроения.

Под этим подразумевается та предрасположенность или нерасположенность общества к пропаганде, которые являются в виде общественного беспокойства, нервности, раздражительности, неудовольствия или напряженного состояния. Пропагандист, которому приходится иметь дело с обществом в такое время, когда уровень его напряженности

¹ Lord Gray, Twenty-five Years, II, p. 165.

высок, располагает запасом взрывчатого материала, для воспламенения которого достаточно крошечной искры.

Несомненно, когда-нибудь окажется возможным установить связь между этим явлением и основными биологическими и психологическими процессами, но в настоящее время это является областью самых противоречивых догадок. Тем не менее, все школы психологического мышления повидимому согласны в том, что война — это род внушения, способного освобождать сдерживаемые импульсы и давать им возможность непосредственно проявлять себя внешним образом. Это приводит нас к выводу, что пропагандист может рассчитывать на очень примитивных, но и очень мощных союзников в деле возбуждения в своих клиентах ненависти к неприятелю на время войны. Возможно также, что существуют физиологические или психологические типы, которые более чем другие реагируют на тот стимул воинственности, который распространяется пропагандистом.¹

Быть может, дальнейшие исследования подтвердят гипотезу Кларка Уисслера, что существуют особые положения в культурной жизни таких групп, определенные психические способности которых стремятся расшириться. Этот антрополог пишет:

Когда группа приходит к новому разрешению одной из своих важных культурных задач, она начинает заботиться о том, чтобы распространить эту идею за пределы своей родины, и готова выступить на арене борьбы, чтобы силой заставить признать ценность этой идеи.

Он говорит также, что расширение зоны материальной культуры за пределы зоны политического управления может быть причиной раздражения, которое поведет к попытке расширить для соответствия и политическую зону. ⁽¹⁵⁸⁾

Конечно есть основание думать, что пропагандист, который работает среди промышленного народа, имеет дело с более гибким и подвижным населением, чем население

¹ Чтобы точнее уяснить себе, что представляет «уровень напряженности» в индивидуальной психологии, см. мастерское исследование Пьера Жана в *Traité de psychologie* (издание Дюма). Случай наблюдения над освобождением сдерживаемых импульсов во время войны можно найти в книгах таких различно смотрящих на дело психологов, как Эрнест Джонс и Джордж Патрин (*Essays in psycho-analysis* и *The psychology of relaxation*).

страны земледельческой. Индустриализм увеличил видимому опасность, могущую произойти от тех тайных мин, которые закладываются постоянною сдержанностью и напряжением нервов, так как он ввел и монотонность управления машиной и возбуждение от многих подчиненных стимулов. Ритм и стук точной машины не менее характерен для индустриального образа жизни, чем блестящий ряд вывесок, чем витрины, кинематографы, театры и газеты, которые сообщают обильные и обманчивые возможности личных достижений. Дело начато, и

грубый патриотизм, питаемый самыми дикими слухами и самыми неистовыми призывами к ненависти и к животной жажде крови, проходит быстрой заразой через тесную жизнь городов и приходится везде по душе благодаря тому, что он приносит удовлетворение жажде сенсаций. Это не столько дикое стремление к личному участию в борьбе, сколько чувство укрепляющего нервы воображения, отмечающего «джингоизм». ⁽¹⁵⁹⁾

И литература и печать являются отражением века машин. Печать живет объявлениями; объявления зависят от обращения, а обращение зависит от возбуждения. «Что заставляет покупать газету?» Бывший сотрудник лорда Нортклиффа отвечает:

Прежде всего — «война». Война не только создает запас новостей, она их требует. Обаяние войны и всего того, что к ней относится, пустило такие глубокие корни, что... если только газета имеет возможность поместить на своей первой странице «Большое сражение», то спрос на нее повышается. ⁽¹⁶⁰⁾

Вот ключ к способности печати увеличивать тревогу населения в моменты кризисов.

Все изложенное относится к общим факторам, обуславливающим успех пропаганды. Успех зависит от традиций, объективных взаимоотношений между нациями и изменяющегося уровня возбуждаемости общества. Как бы ни был искусен пропагандист в организации своего аппарата, в выборе средств воздействия и в применении способов их распространения, — все его искусство пойдет прахом, если на помощь ему не придет благоприятное соотношение общественных сил.

До какой степени пропагандист является хозяином своего дела, это зависит отчасти от применяемых им методов организации. В военной пропаганде принимают большее или

меньшее участие несколько ведомств: министерство иностранных дел, дипломатические и консульские представительства, военное министерство, генеральный штаб, главная квартира и наконец — отделы внутреннего управления. Раз пропаганда по своей природе не может быть сосредоточена в одних руках, то единство работы должно быть достигнуто скорее путем ее координирования, чем предоставлением кому-либо исключительных полномочий. Во время мировой войны все государства старались до минимума вредные последствия возможных в работе противоречий, несоответствия или параллелизма, прибегая для этой цели к одному из трех способов координирования: к совещаниям с представителями прессы (Германия); к образованию комитета из представителей исполнительной власти, с ответственностью каждого лица за определенную отрасль пропаганды (Великобритания), и к созданию единого исполнительного органа пропаганды, действовавшего от лица главных отделов управления (Соединенные Штаты). Германцы вследствие чрезвычайных трений между военными и гражданскими властями не ушли дальше общих совещаний с представителями прессы и случайно проявляющихся иногда стремлений к координированию. Французы, за исключением назначения специальных уполномоченных, посланных в некоторые из наиболее важных стран, пользовались существовавшими у них отделами управления. Англичане были принуждены в конце концов создать комитет из представителей исполнительной власти, бывших, приблизительно, на положении министров; каждому из них была предоставлена какая-нибудь одна важная отрасль пропаганды, как например пропаганда в неприятельских странах или же внутренняя пропаганда, или пропаганда у союзников, или наконец пропаганда в нейтральных странах. Выбором для возглавления каждой из этих важных отраслей лица, пользовавшегося авторитетом, достигалось иногда и то, что политика изменялась к лучшему. Нортклиф заставил кабинет выправить его линию политики по отношению к Италии и Югославии, причем результаты этого подтвердили правило, что политика и пропаганда должны работать рука-об-руку. Соединенные Штаты разрешили эту задачу созданием комитета из лиц, возглавлявших важнейшие отделы управления

(министерства иностранных дел, военное и морское), и одного серьезного и смелого лица для наибольшей продуктивности исполнительной работы. Централизация всей деятельности Криля оправдывается сравнительной простотой американской пропаганды как внутри страны, так и вне ее. Англичанам приходилось иметь дело с такими сложными решениями иностранных проблем, что излишняя централизация могла бы даже повредить налаженному делу.

Опыт войны показал, что во главе каждого из отделов пропаганды, имеющих более или менее крупное значение, должны стать лица, авторитет которых, приблизительно, равен авторитету администраторов, направляющих политику, и что личный состав рабочего аппарата должен быть набран главным образом из журналистов, из популярных писателей и из людей, специально изучавших пропаганду, как профессию, — но не из владельцев газет.

Война дала много доказательств того, что поддержание добрых отношений между службами пропаганды и органами законодательной власти является весьма трудной задачей. Исполнительная власть демократического правительства может неправильно пользоваться аппаратом пропаганды для целей партийных, личных или классовых и может заранее связать руки законодательства, склоняя общественное мнение к поддержанию собственной политики. Исполнительная власть может использовать бюро пропаганды для распространения неверной картины фактов, а законодательная власть, узнав об этом, может поставить это в упрек исполнительной власти в несдержанных выражениях и тем подорвать доверие общества к властям.

В этом случае «налаживание» дела зависит не от статутов и приказов, но от применения неофициальных источников осведомления, благодаря которым законодатели могут ближе ознакомиться с деятельностью этой службы. Если дела идут плохо, то они могут и должны протестовать. Но замечания их должны основываться на чем-то более осязаемом, чем простое недоверие. Именно неумение заделать трещину между законодателем и администратором привело к недостойной и несправедливой критике Комитета общественной информации со стороны американского Конгресса. Однако не может быть сомнения в том, что

демократические правительства все же должны брать на себя во время войны дело мобилизации умов так же, как мобилизацию людей и денежных средств, невзирая ни на какие трудности, осложняющие это дело.

Общая форма организации пропаганды может быть видоизменяема, и пропагандист может приспосабливать ее к преследуемым им целям. Тем не менее главная задача пропагандиста заключается в том, чтобы суметь избрать для соответствующего воздействия на общество именно то средство, которое сможет скорее и лучше всего произвести желаемый эффект. При этом он должен постоянно иметь в виду основные стратегические цели пропаганды. Вот главнейшие четыре:

- 1) возбуждение ненависти к неприятелю,
- 2) поддержание дружественных отношений с союзниками,
- 3) сохранение добрых отношений с нейтральными странами и, если возможно, старание заручиться их сотрудничеством и
- 4) деморализование неприятеля.

Общая теория приемов, которые должны быть применены для достижения каждой из этих целей, была подробно рассмотрена в предыдущих главах этого исследования и потому теперь может быть лишь вкратце резюмирована.

Чтобы возбудить в народе ненависть против врага, изображайте противника алчным и жестоким зачинщиком войны. Изображайте неприятеля как препятствие к достижению лелеемых идеалов и мечтаний всего народа в целом и каждого составляющего его члена в отдельности. Тщательной разработкой целей войны можно сделать вполне очевидной обструктивную роль неприятеля. Придавайте своему противнику сатанинские качества: он оскорбляет нравы нации и ее чувство самоуважения. А возбужденная таким образом ненависть должна поддерживаться уверениями, что алчный, жестокий, чинящий всюду препятствия и сатанински настроенный враг будет в конце концов побежден.

Главным способом поддержания дружеских отношений с союзником должны быть наши напряженные усилия в деле продолжения войны и выражение нашего искреннего одобрения тех целей войны, которые преследуются нашим

союзником. Все это может быть подкреплено изъяснениями уважения к нему всеми способами внутренней пропаганды.

Чтобы овладеть симпатиями нейтральной страны, заставьте «нейтрального» отождествить собственные интересы с поражением вашего врага. В дополнение к обычным способам попытайтесь втянуть «нейтрального» в какое-нибудь активное сотрудничество с вами невоенного характера. Если не удастся ничего иного, то усильте пацифизм, изображая ужасы войны и нежелание неприятеля заключить мир, или же посейте раздоры между двумя «нейтральными».

Для деморализации неприятеля замените старую вражду его населения к вашей стране какою-нибудь новою враждою. Острота старой ненависти может быть до некоторой степени смягчена прямыми противовозбудительными средствами, но главным образом такая диверсия рассчитана на то, чтобы развить у противника упадок духа и заразить его пораженчеством. Тогда будет открыт путь для жестокой кампании против его союзников, против правящих классов, а среди мелких народностей — против единства государства.

Во время мировой войны все эти тезисы применялись военной пропагандой каждой страны, но некоторые из них были использованы какой-нибудь одной из воюющих сторон лучше, чем другой. Так например англичане действовали удивительно успешно в развитии гуманитарных целей войны. Германцы возбудили за границей много раздражения и подозрения своими толками о войне за германскую культуру и недооценкой гуманитарного идеала. Британцы говорили о войне в целях защиты международных законов и в целях гарантии нерушимости договоров; они утверждали, что во имя демократизма они ведут борьбу с чудовищем, известным под именем самодержавного милитаризма. Британские общественные деятели стали говорить о войне для окончания войны еще задолго до того, как германские государственные мужи научились этим словам. И на самом деле, бесцветные и сдержанные объяснения Бетман-Гольвега гораздо более походили на вынужденные уступки человека, лишенного всякого воображения, чем на определенную программу, проводимую государственным деятелем. Фразеология же Вильсона затронула воображение могущественных элементов всего света. В словесной

дуэли германцы сражались картонными мечами против стали.

Немцам так и не удалось сгладить первоначальное впечатление, что они были зачинщиками войны. В этом они отчасти обязаны нелепости своих воззваний. Они продолжали толковать об «окружении» в Америке, где подобная опасность может быть лишь теоретическим предположением, еще не имевшим прецедента в последних событиях американской истории, они никогда не драматизировали агрессивность своих противников, как это делали союзники, придумавшие миф о «Потсдамском совещании». Им так и не удалось пойти дальше идеи о войне, затеянной тщеславным и распутным дядей (Эдуардом VII) в припадке неудовольствия против успехов своего племянника (Вильгельма II); им не удалось гуманизировать и драматизировать игру дипломатий; они твердо держались дипломатического жаргона и тяжеловесных острот, которым для воздействия на американцев нехватало ни огня, ни вдохновения.

Большая часть германской пропаганды оказалась бумерангом.¹ Удивительно, что ответственные руководители этой пропаганды приложили все усилия к распространению против бельгийцев обвинения в том, что они ведут партизанскую войну. Кайзер даже публично заявил протест президенту Вильсону. Но дело в том, что слух о таком поведении бельгийцев возбудил восторг Америки. Этот слух как бы свидетельствовал, какие на самом деле молодцы эти маленькие бельгийцы. Хотя американцы и не военный народ, но они знали, что Бельгия маленькая, а Германия большая, и радовались, что маленькая собачка покусывает большого пса.

Неумелость германской пропаганды отчасти объясняется влиянием на нее военных взглядов. С точки зрения солдата, убийство невоенным человеком человека в форме является абсолютно непростительным. У него свой кодекс этики, в основании которого лежит забота о собственной шкуре, и он делает резкое различие между тем, что

¹ Метательное оружие в виде серпа, применяемое австралийскими дикарями. Будучи брошено в противника, оно в случае промаха возвращается обратно к тому месту, откуда было брошено. (Прим. перес.)

дозволено человеку в форме, и тем, что не может быть дозволено человеку, не носящему формы. Эти элементарные различия довольно смутны и кажутся почти бессмысленными общественному мнению такой страны, как Соединенные Штаты, где военное воспитание является исключением, а не правилом. Американские рисовальщики отражали взгляды гражданского населения, когда они высмеивали большого грубого немца, подымавшего вой оттого, что маленький человечек, которого он бьет, попал в него камешком из пращи. Мы уже говорили о неудаче немцев «нейтрализовать» инцидент с сестрой Кавелль, — она объясняется тем, что точка зрения военного непонятна гражданскому уму.

Вместо того, чтобы жаловаться на бельгийских партизанов, немцам следовало бы лучше составить заслуживающую доверия комиссию из «нейтральных» для расследования положения бельгийского народа и широко опубликовать по всему свету отчет этой комиссии. А тем способом, какой они употребили, им так и не удалось сгладить впечатление от отчета Брайса.

В начальные недели войны немцы не принимали мер предосторожности. Они толковали о непобедимости германской армии и предсказывали победу на определенное число.¹ Они не воспользовались вторжением в Восточную Пруссию, и их поход через Бельгию и Северную Францию противоречил повидимому теории о неподготовленности.

Французская пропаганда была ясной и простой. Отступавшая французская армия являлась наглядным доказательством того, кто был подготовлен к войне (после того как рассеялся первоначальный туман ложных слухов), и главным приемом этой пропаганды было распространение доказательств безграничной преступности врага. Немцам не удалось сделать популярным какой-нибудь меткий эпитет, вроде применявшихся к ним названий: «гунны» или «боши»; поэтому их неуклюжие призывы к ненависти и язвительное отношение к союзникам были гораздо менее действительны. Французы завладели такими сильными словами,

¹ Это ожидание скорой военной победы и было причиной того, что пропаганда их началась сравнительно поздно и что они упустили много удобных случаев. (Прим. автора.)

как — гуманность и демократия, звучно раздававшимися повсюду.

До сих пор мы мало уделяли внимания тому виду воздействия, которое часто называется «пропагандой факта». Обычно под этим подразумевается какой-нибудь отдельный акт насилия, к которому прибегают для того, чтобы произвести возможно более сильное впечатление. Бросание бомб над неприятельскими городами гораздо больше имело в виду цели пропаганды, чем непосредственно военные и стратегические цели. Предполагалось, что под давлением постоянного страха настроение гражданского населения не выдержит и даст трещину. Предполагалось, что вместе с пропагандой ужасов и других устрашающих фактов это приведет к отчаянию и пораженчеству.

Так как во время мировой войны многие толки об ужасах были лишь пропагандой против неприятеля, то о впечатлении, произведенном явными фактами такого рода, можно судить по результатам такой пропаганды. В общем можно сказать, что главным следствием этого было укрепление народной решимости защищаться.

Быть может это и не достоверно, но существует довольно правдоподобный рассказ, как германский авиатор отказывался от сбрасывания бомб над Лондоном, потому что, говорил он, он пошел на войну не для того, чтобы вербовать солдат для британской армии. Гражданское население привыкает к налетам, как и лондонцы привыкли к налетам цеппелинов, а юмор и насмешки смягчают испытание. Лондонские магазины рекламировали всякого рода принадлежности для «увеселительных прогулок цеппелинов», а один из них предложил будто бы особый вид «вечеров с цеппелином».

До 1918 года союзническая пропаганда, имевшая целью вселить уныние, производила на немцев мало впечатления. И действительно, англичане в начале войны расточали свои усилия на совершенно неуместное хвастовство, в то время как на самом деле германская армия победоносно надвигалась на них. Американская пропаганда против немцев была главным образом пропагандой обескураживания и революции. Англичане вели в австро-венгерских армиях по большей части пропаганду раскола, и они добились в этом отношении порядочного успеха.

В предыдущем изложении мы сравнивали между собою некоторые из наиболее важных стратегических приемов военной пропаганды и повторяли общую теорию относительно того, как следует избирать наиболее сильные лозунги для достижения четырех основных целей пропаганды. Но существуют более скромные цели тактического характера, которыми деятельный пропагандист должен руководствоваться при разного рода воздействиях. Такими тактическими целями могут быть возбуждение специфических интересов в отдельных группах населения, борьба с распространением нежелательных идей и др.

Для полного успеха пропаганда должна быть всеобъемлющей в своих лозунгах. Она не должна оставлять без внимания ни одного гражданина страны. Прямо или косвенно она должна обращаться ко всем группам населения: к протестантам, католикам, евреям, рабочим, капиталистам, фермерам, купцам, городским жителям, сельскому населению, спортсменам, философам, дельцам, академикам, к женщинам и мужчинам, к старым и малым.¹

Рефорд точно описывает этот процесс, когда говорит, что опытный пропагандист

должен сообразить, какая часть общества может быть легче всего настроена в пользу представляемых им интересов; потом он должен придать этим интересам или выгодам вид, вполне рассчитанный на то, чтобы возбудить симпатии публики; и наконец он должен представить все это в привлекательной форме. ⁽¹⁶¹⁾

Материал, используемый пропагандой, должен проникнуть как в самый поверхностный, так и в самый тонкий ум. В тех случаях, когда во время войны делались примитивные предсказания победы, можно было заранее сказать, что они внесут успокоение только в души наиболее суеверных и легковверных слоев населения, но что рассуждающая часть общества пройдет мимо них с презрением. Поэтому нет никакой опасности в смешении элементов невежественного с рассуждающим. Небылица о стремлении к войне кайзера, выражавшаяся в том, что он будто бы сплевывал три раза, когда видел развевавшийся английский флаг, не произведет вероятно впечатления на культурную часть

¹ Для примера см. описание литовской пропаганды на стр. 108 109.

общества, но может стать популярной в менее культурной. Ученая книга, написанная со всем искусством опытного академика, может, коснувшись той же общей темы, удовлетворить одновременно и культурную и некультурную часть населения. Превосходство британской пропаганды во время войны заключалось главным образом в ее необыкновенной гибкости. В 1917 году журналист Артур Бэллард указал на этот факт и написал:

Возвзванием, принесшим первую волну добровольцев, была статья «Окровавленная Бельгия»; в ней указывалось на обязанность сильных защищать, в качестве хороших спортсменов, слабых. Потом была сделана попытка возбудить национальную гордость, используя оскорбительное замечание кайзера «о ничтожной маленькой английской армии». Старались также напугать народ предполагаемой опасностью вторжения. Несколько позднее стали распространять изображение того знаменитого договора, который был назван «клочком бумаги». Была пущена в ход вся гамма от ярости к «убийцам младенцев» до призыва к верности данному слову как основе международных отношений. Но наибольшее сочувствие возбудило обращение к демократическому идеализму, которому предлагалось сделать выбор между народным правлением и военным деспотизмом. ⁽¹⁶²⁾

Всякая идея, которую необходимо внушить, должна представлять интерес для какой-нибудь определенной группы, но некоторые внушения должны быть направлены исключительно на ликвидацию неподходящих идей.

Когда правительство старается оказывать влияние на народ, живущий в пределах возглавляемого им государства, то обыкновенно оно имеет возможность контролировать кабель, телеграф, телефон, прессу, почту и радиопередачи. Но психологические границы никогда не совпадают с географическими, и умолчание неблагоприятного известия никогда не бывает в полной мере выгодно. Поэтому для правительств предпочтительнее сводить нежелательные сообщения к нулю, чем их скрывать от населения. Техническим приемом для этого отчасти является изменение силы впечатления, производимого на читателя тем или другим сообщением. Эта сила может быть ослаблена в печати помещением сообщения на таком месте, которое не бросается в глаза, с незаметным заглавием, или же включением его в другое сообщение, с пропуском подробностей, или наконец путем оспаривания его «очевидцем» и цитатами, вселяющими сомнение в правильности сообщаемых сведений. И обратно — для распространения желательных

идей могут быть предоставлены нужным сведениям бросающиеся в глаза столбцы, сделаны обращающие на себя внимание заголовки, написаны специальные статьи, даны обстоятельные подробности, выразительные подтверждения и бесконечные повторения.

На практике самый простой способ аннулирования невыгодных сообщений — это прием компенсации. Смешно утверждать, что на стороне неприятеля никогда не бывает выигрыша. Но печальные сообщения об успехе неприятеля должны быть уравновешены одновременным успехом на нашей стороне. Так и поступал в адмиралтействе Винстон Черчилль, так как:

Он задерживал на время дурные вести, рассчитывая получить за это время какие-нибудь благоприятные сообщения, чтобы опубликовать их сразу; должен сказать, что нередко это так и происходило. ⁽¹⁶³⁾

Когда приготовления американцев приняли тревожные размеры, германская пресса стала играть на падении России.

Компенсация принимает иногда форму указания на то, что неприятелю приходится так же плохо, как и нам. Как-то во время войны управление по распределению продуктов питания в Берлине объявило, что в такой-то день собирались выдать по 50 г свежего сала, но что по некоторым обстоятельствам сделать это благое дело оказалось невозможным. Проявившееся в связи с этим неудовольствие населения удалось до некоторой степени умиротворить опубликованием выразительной статистики огромных потерь сала, понесенных неприятелем от подводной войны.

Наиболее подходящим источником материала для контрпропаганды является оппозиционная пресса внутри чужой страны. Германская печать встретила назначение Фоша на должность главнокомандующего перепечатыванием некоторых статей, появившихся во французской радикальной прессе, в которых это назначение рассматривалось как последняя соломинка и которые допускали, что к теперешнему опасному положению на фронте привело плохое командование.

Неблагоприятные сообщения могут аннулироваться также простым отрицанием их, — но оборона только путем отрицания не может быть действительна, если тревожные сведения уже распространились. Обыкновенно защита

достигается скорее путем признания и дачи оправдывающих объяснений, — особенно если их дать в форме контратаки. Значительные потери на фронте могут быть покрыты хвастливыми намеками на великий план, состоящий в том, чтобы заманить неприятеля подальше от его базы снабжения. Применение ядовитых газов может быть оправдано необходимостью положить предел жестоким, противным чувству гуманности и незаконным методам ведения войны, к которым прибегал неприятель.

Общество должно быть заранее подготовлено к восприятию такого события, которое может повлечь за собой неблагоприятные последствия. Так например должен быть заранее дискредитирован тот авторитет, который должен вынести окончательный приговор, если этот приговор почти наверное не будет дружественным. Немцы с открытым презрением смотрели на «присяжных», которым было поручено произвести расследование бельгийских зверств, и они еще до опубликования результатов этого расследования осыпали этих «присяжных» бранью и выражали сомнения в их честности и в правильности их технических приемов.

Публику можно осторожно подготовить к плохим известиям, опубликовав предварительно, на основании некоторых фактов, тревожный вопрос, после чего явится возможным сообщить наихудшее. Таким образом может быть предотвращена паника, так как процессы учета будущего придадут некоторую стойкость состоянию общественных умов. Когда хотят провести политику, могущую вызвать протесты, возможно бывает подстрекнуть к требованию той самой политики, какую хотят провести. Это называется инициативой косвенной или, как окрестил ее один бельгиец, изучающий пропаганду, «навешанной инициативой» (*initiative éventée*). Он наблюдал ее действие во время Брест-Литовских переговоров между Германией и Россией. Со стороны германских левых партий было много возражений против прямой политики аннексии, и потому правительство действовало осторожно. «*Kölnische Volkszeitung*» опубликовала сообщение, что англичане ведут с Россией переговоры о занятии рижских островов. Тотчас же по всей Германии появились передовые статьи, требующие от имперского правительства быстрых действий для того,

чтобы предупредить проклятых англичан. Правительство взяло эти острова.

Плохие известия и нежелательная критика могут быть аннулированы отвлечением от них общественного внимания. Такое отвлечение производится каким-нибудь внезапным сенсационным сообщением, не имеющим отношения к нежелательному фокусу общего внимания. Так например в тяжелый момент войны прибытие судна «Deutschland» послужило Германии для этой цели.

В ходе нашего анализа возник еще один общий тактический вопрос, а именно — об отношении пропаганды к правде. До какой степени используемый пропагандой для воздействия на население материал должен быть правдивым?

Нынешняя пропаганда, в чем бы ее ни рассматривать, таит в себе много обмана; то ставится на сообщении неверное число, то печатаются непроверенные слухи или опровержения с целью перенести инсинуацию на противника, то «инсценируются» события. Одним из подобных приемов во время мировой войны было использование несколько подретушированных рисунков еврейских погромов 1905 года для иллюстрирования недавних зверств неприятеля. Такого же характера был и следующий прием: Номер лондонского «Daily Mirror» от 20 августа 1915 года напечатал изображение трех германских офицеров с разными сосудами в руках. Подпись была такая: «Три немецких кавалериста, нагруженные награбленным золотом и серебром, взятым ими в Польше». А на самом деле это была искаженная репродукция рисунка, появившегося первоначально в газете «Berliner Lokal-Anzeiger» 9 июня 1914 года и изображавшего победителей на скачках в Грюневальде. Офицеры держали в руках кубки и другие трофеи. Подпись была такова:

Военная парфорсная охота в Грюневальде. Слева — лейтенант Пригер; второй — лейтенант фон-Эган Кригер; третий — лейтенант фон-Гердер. Победители. ⁽¹⁸¹⁾

Кемпбелль Стюарт, оглядываясь назад на британскую пропаганду с выгодной позиции победоносного мира, пишет, что в пропаганде следует пользоваться только правдивыми сообщениями. Но на практике это повидимому немыслимо. Нередко случалось во время войны, что многие

выдумки были материалом, выкроенным из истинных фактов. Случайно на письменный стол начальника британского военно-разведывательного бюро, генерал-бригадира Чартерса, попали две фотографических карточки. На одной из них были изображены трупы германских солдат, которые оттаскивались за линии окопов для погребения, а на другой — трупы лошадей по дороге на мыловаренный завод. Зная, как китайцы почитают своих предков, и принимая во внимание неустановившееся отношение их к германцам, он обдуманно заменил одну подпись на карточке другою и послал отредактированный таким образом материал в Шанхай для напечатания. «Немецкие трупы по дороге на мыловаренный завод» обошли вскоре всю Европу и Америку и распространили отвращение и презрение ко всему немецкому.¹

Все это было конечно явной ложью. Но это казалось правдоподобным, и во время войны так и не удалось вполне опровергнуть такого рода сказку.

Относительно правдивости сообщаемых пропагандой известий можно повидимому сказать, что всегда неразумно бывает прибегать к пользованию тем материалом, который легко может быть опровергнут не поддающимися сокрытию событиями, прежде чем будет достигнута политическая цель пропаганды. Глупо обещать победу на определенное число одного из ближайших месяцев, так как такое предсказание может быть опровергнуто событиями и приведет к обратным результатам — внесет уныние и подозрение, — но допустимо уверение, что конечный успех бесспорен, — даже если критически настроенные умы и не сочтут это утверждение за достоверное, — так как опровержение такого предположения невозможно впредь до окончательного исчезновения всех надежд на достижение политической цели.

¹ См. Нью-Йоркский «Таймс» от 20 октября 1915 г. Талантливый журналист Вилль Ирвин, взявший на себя задачу проверить рассказы о зверствах во время войны, описал несколько версий относительно того, как германские солдаты отрезали руки у бельгийских младенцев и уносили их с собой «на память». Он нашел их все недоказанными и в высшей степени неправдоподобными. Адмирал Симс категорически заявил, что все заявления об ужасной жестокости командиров подводных лодок были, за исключением одного случая, сплошной выдумкой.

Конечно пропаганда должна избегать противоречий самой себе в одном и том же контексте, обращенном к одной и той же группе или даже к нескольким группам, но тесно между собой соприкасающимся. Еще сравнительно мало опасности заключается в том, чтобы говорить протестантам, посредством их официальных органов, что война — это великий протестантский крестовый поход, а одновременно с этим поощрять взгляд католиков на войну как на великое католическое движение; но было бы нелепо соединять и то и другое в одном воззвании, обращенном к слушателям одного рода.

Те тактические принципы, которые мы только что вкратце рассмотрели, могут быть сформулированы следующим образом:

1) должны быть распространяемы те способы внушения, которые могут возбудить специфический интерес в отдельных группах населения;

2) должны быть избираемы те способы внушения, которые могут аннулировать нежелательные идеи, вызванные в населении не поддающимися умолчанию событиями;

3) должны быть применяемы те способы внушения, которые имеют шансы не вызвать опровержения до тех пор, пока не будет достигнута цель пропаганды; в частности, из этого следует, что нужно избегать противоречий самому себе в одних и тех же контекстах, обращаемых к одной и той же группе населения.

В соответствии с этими принципами удачный выбор материала для пропаганды предполагает точное предвидение не только ближайших результатов его распространения, но также и противодействий, которые могут быть им вызваны. Если придерживаться методов прежних рассуждений, то пропагандист должен быть почти всеведущим, как это вменяла ему в обязанность Нью-Йоркская газета, которая писала:

Для опытного пропагандиста общественный разум — это что-то вроде сосуда с водой, в который фразы и мысли вливаются, как кислоты, причем заранее знают, какая должна произойти реакция, — точно так же, как например профессор Леб из Рокфеллеровского института путем введения в воду небольшого количества химического вещества может заставить тысячи ракообразных внезапно приостановить свое плавание в сосуде с водой и броситься вдруг под давлением слепого импульса в ту сторону, откуда падает свет. ⁽¹⁶⁵⁾

До сих пор наше исследование касалось методов организации пропаганды и критерия для выбора способов воздействия, соответствующих стратегическим и тактическим условиям.

Остается вопрос о выборе наиболее подходящих способов распространения пропагандистских сведений.

Способы воздействия могут быть изустные или письменные, а также могут производиться при помощи иллюстраций⁽¹⁶⁶⁾ и музыки; разнообразие же *форм* воздействия огромно. Самый практичный метод для пропагандиста заключается в том, чтобы выработать в себе привычку мысленно отождествлять себя с теми, на кого он хочет повлиять, и исследовать все возможные подходы к тому, чтобы завладеть их вниманием. Рассмотрим с этой точки зрения группу людей, проезжающих в трамвае. На них можно оказать влияние и объявлениями, помещенными внутри его, и объявлениями на столбах вдоль пути, и газетами, которые они читают, и разговорами, которые они слушают, и листками, которые явно или украдкой всовываются им в руки, и уличными демонстрациями на местах остановок, и может быть еще какими-нибудь способами («проводниками») внушения.

Нет конца возможностям воздействия. Люди ходят по улицам и ездят в автомобилях, в трамваях, на лодках, в поездах; люди собираются в театрах, в церквях, на лекциях, в ресторанах, в гимнастических залах, в концертах, у парикмахеров, в кофейнях, в аптеках; люди работают в конторах, на складах, на заводах, на фабриках и на путях сообщения. Рассмотрение форм, наиболее характерных для каждого из государств или населенных пунктов, обнаруживает целую сеть перекрещивающихся направлений разного рода деятельности и объединяющих их центров, которыми можно воспользоваться для распространения нужных фактов и взглядов.

Таким образом, способы воздействия пропагандой многочисленны и элементарны, но подходящие случаи и «проводники» внушения бесконечно разнообразны. Литература по технике рекламы изобилует самыми точными указаниями на то, какое действие производят различные цвета, размеры, формы и высота положения тех объявлений, которые должны повлиять определенным образом. Все это

необходимо знать активному пропагандисту, но все это конечно является элементарным по сравнению с задачей приобретения и сохранения правильного взгляда на проблемы управления или контроля, требующие широких и достаточно гибких способов анализа. Вот основные вопросы: чем занимаются объекты, на которых собираются воздействовать? сколько может быть выделено особо благоприятных случаев для воздействия на них? какие могут быть применены способы внушения, — изустные, письменные, при помощи иллюстраций, при помощи музыки или наглядные? каковы те «проводники», при помощи которых эти внушения могут проникнуть в сознание указанных объектов?

Чтобы дать понятие о наиболее применимых орудиях пропаганды, можно привести краткую справку Криля о работе Комитета общественной информации.¹

Было напечатано тридцать разных брошюр на разных языках. Семьдесят пять миллионов экземпляров было распространено в Америке и много миллионов экземпляров в других странах. Были устроены турне для «Синих дьяволов» (французских солдат), для ветеранов Першинга и для бельгийцев, а также массовые митинги во многих городах. Состоялось сорок пять военных совещаний. Четверо резервистов руководили деятельностью 75 000 ораторов-добровольцев, выступавших в 5 200 городах и произнесших в общем 755 190 речей.

При помощи штата в несколько сот человек добровольных переводчиков Комитет снабжал избранными статьями американскую и иностранную прессу. Он устраивал на ярмарках Соединенных Штатов военные выставки, организовал целую серию междусоюзнических военных выставок и сохранил миллионы долларов на праве бесплатного помещения объявлений по всей стране в газетах, в периодической печати, на автобусах, в трамваях и плакатов на улицах.

Он использовал 1 438 рисунков, изготовленных добровольными рисовальщиками, для объявлений, оконных плакатов и т. п. Он издавал ежедневную газету, 100 000 экземпляров которой расходилось по официальным учреждениям. Он имел собственную службу информации и давал крупные статьи в печать. Сверх того выпускался материал для деревенской печати, а также специальный материал для рабочей и религиозной печати и для женских журналов. Кинематографические картины пользовались большим коммерческим успехом в Америке и производили за границей желательное действие. Таковы были «Крестоносцы Першинга», «Ответ Америки» и «Под четырьмя флагами».

Было распределено более 200 000 стереоскопических аппаратов.

¹ Взято из книги Джорджа Криля, *How we advertised America*.

Изготавливались фотографические снимки, и ежедневно просматривалось до 100 снимков военных действий. Служба официальных известий пользовалась кабелем, проволочным телеграфом и радио. Для иностранной прессы были созданы специальные службы почты и фотографии. За границей были открыты читальни, и оборудованы школы и библиотеки; широко распространялись фотографические снимки.

В важнейшие страны мира были направлены миссии, чтобы следить за американской пропагандой на месте.

Вся организация стоила плательщикам налогов 4 912 533 долларов, а сама она заработала 2 825 670 долларовое 23 цента, которые были израсходованы на нее же.

Как мы уже видели, задача проникновения с материалом пропаганды в неприятельскую страну была во время мировой войны разрешена остроумной выдумкой — применением свободного воздушного шара. После попыток использовать сначала прессу соседних нейтральных стран, а затем — привязные воздушные шары и аэропланы этот последний способ передачи желаемых сведений был в конце концов усовершенствован. На стороне союзников было преимущество преобладания западных ветров, и они сбросили над германскими линиями целые горы листовок.

Один из уроков, который можно извлечь из успеха британской пропаганды в Соединенных Штатах, заключается в том, что выяснилось особо важное значение людей как «проводников» внушений. Нельзя пренебрегать никаким способом подхода; ведь нужно добраться до сил, скрывающихся за безличными влияниями, а это лучше всего достигается личными сношениями. Британцы оказались достаточно хитрыми для того, чтобы действовать главным образом через американцев, и ни один из их агентов не дошел до преждевременного позора и унижения, как это выпало на долю д-ра Дернбурга.

Этим мы заканчиваем наш краткий обзор условий и методов пропаганды. Следует еще раз повторить, что успех пропаганды зависит от умелого использования ее средств (организации, способов воздействия, способов распространения) при благоприятных условиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОПАГАНДЫ

ПОСЛЕ беглого просмотра средств и условий ведения военной пропаганды мы можем теперь взяться за оценку достигнутых ею результатов.

История империалистической войны показывает, что современная война должна вестись на трех фронтах: военном, экономическом и пропаганды. Экономическая блокада душит, пропаганда сбивает с толку, а военная сила довершает удар. Пропаганда, применяемая одновременно с другими орудиями борьбы, подрывает основы военных и гражданских сил неприятеля и расчищает путь железному кулаку из людей и металла. Экономическая блокада медленно выдавливает из нации ее жизненность, и для ее наибольшего эффекта необходима длительная борьба. Пропаганда является в этом случае пассивным вспомогательным орудием, главная функция которого заключается в том, чтобы уничтожить в неприятеле желание борьбы, вселяя уныние, разочарование и разногласие.

По определению Военного осведомительного бюро Соединенных Штатов пропаганда

нападает на армию у ее базы; она угрожает отрезать армию от базы и остановить приток к ней подкреплений, денежных средств, боевых запасов, вооружения и продуктов питания; лишить армию удобств жизни, а главное — ослабить тот нравственный подъем, который поддерживает войска вдали от дома во всех трудностях и жестокостях войны.

«Армии сражаются так, как мыслит народ», такова была мудрая эпиграмма британского генерала Эпплина. Можно пойти дальше и сказать, что армии сражаются так же, как армии мыслят, ибо, по словам Джорджа Вильяма Куртиса, «мысли — это пули». ⁽¹⁸⁷⁾

В мировую войну отмечены военные успехи, в которых пропаганда сыграла важную, быть может даже решающую роль. Так же, как и во всяком другом орудии нападения, сила пропаганды заключается в способности нападать врасплох, и эту силу центральные державы вполне почувствовали

во время искусного наступательного движения пропаганды, предшествовавшего атаке на итальянцев в 1917 году при Капоретто. Дух итальянских войск был сломлен, а их линии прорваны. Зато союзники имели успех в 1918 году, когда они заставили австро-венгерцев отсрочить наступление на Италию с апреля на июнь тем, что посеяли деморализацию среди войск, состоявших из разных национальностей. Взбунтовавшиеся войска взрывали в тылу склады боевых припасов и саботировали таким образом весь военный план.

Но венчающая дело военная победа произошла все-таки за счет германцев. Подъем духа германцев базировался всецело на надежде, что уже занялась заря той победы, которая много раз находилась в их руках. Но, будучи доведены до последних пределов испытания неумолимыми когтями экономической блокады, с рассыпавшимися в прах великими надеждами весны и лета 1918 года, германская армия и германский народ оказались готовыми прислушаться к соблазнявшему их голосу Вильсона.

Если главнокомандующим военного фронта был Фош, то главнокомандующим фронта пропаганды был Вильсон. Его колоссальное красноречие, умевшее выразить стремление всего человечества короткими, но в то же время ясными и убедительными фразами, разнеслось по всей Германии. Он всюду призывал к войне против самодержавия и торжественно заявлял о своем умении отличить германский народ от германских правителей. Его речи были одним длительным подстрекательством к восстанию. Он и Ленин были чемпионами современных революционеров. На протяжении войны его утверждения завоевали много доверия и уважения в умах того демократически настроенного меньшинства, которое стремилось к преобразованию довоенной Германии с ее классовыми различиями и специальными привилегиями. А когда в 1918 году небо заволочилось облаками всякого рода злосчастий, то к этому демократически настроенному меньшинству присоединилось огромное число его соотечественников, доведенных лишениями до крайности и с тревогой взиравших на небеса, ища в них предзнаменований доброго мира. И обратились они не к Клемансо, жестокому и беспощадному ястребу, носившемуся, как дух отщепенца, по воздуху и готовому терзать внутренности павшего противника, и не к Ллойд-Джорджу,

ловкому, но нестойкому и нерешительному, — нет, они обратились к той таинственной фигуре в Белом доме, которая говорила элегической прозой о лучшем мире, где не должно быть больше войн.

Та бесподобная ловкость, которую проявил в пропаганде Вильсон, не имела себе равной во всей истории мира. Он сумел дойти до сердца народа, как не доходил до него ни один государственный деятель. В течение нескольких месяцев он воплощал собою веру идеалиста в лучшую жизнь вселенной и последнюю отчаянную надежду потерпевших поражение народов на снисходительный мир.

Вопрос о том, какая часть вильсонизма была выставкой красноречия и что из него являлось зрелым плодом здравых рассуждений, — этот вопрос будет дебатироваться до тех пор, пока мировая война не станет отдаленным воспоминанием. С точки зрения пропаганды, деятельность Вильсона была ни с чем не сравнимой, так как он изготовлял тот тонкий яд, который искусные люди впрыскивали в вены потрясенного народа, пока сокрушающая сила союзнических армий не принудила его к покорности. Разжигая в других странах раздоры, Вильсон сумел в то же время поддержать у себя дома необходимую сплоченность. Народ в сто миллионов человек, состоящий по своему происхождению из чуждых и антагонистичных элементов, был спаян в одно воинственное целое, «чтобы сделать мир безопасным для демократии». И чары его красноречия смягчили подозрение, питаемое Центральной и Южной Америкой к могущественному колоссу севера, и заставили многих из их обитателей принять участие в войне на стороне Союзников.

Пропаганда раздела, направленная на расшатанное государство Габсбургов, принесла плоды в смысле недовольства и окончательного отпадения чехов, словаков, румын, кроатов, поляков и итальянцев. Декларация Бальфура ускорила перемену в еврейских симпатиях, произошедшую в 1917 году.

Некоторые из успехов пропаганды касались дела пополнения военных сил. В поисках себе союзников германцы привлекли на свою сторону Болгарию и Турцию, но в Соединенных Штатах, Италии, Румынии, Греции и целом ряде мелких стран верх одержали союзники, а Германия, если не считать Испанию и Швецию, стояла

изолированной в смысле симпатий. Рука всего мира была поднята против тевтона. Великое напряжение, проявленное в войне Америкой, было достигнуто британцами и французами только после отчаянной борьбы с германской пропагандой. Французы были удивительны в самой простоте своих приемов. Они призывали священное имя Лафайэта, умоляли богов демократии, бранили немцев и опубликовывали имена тех американцев, которые поступили во французскую армию. В запасе у англичан было меньше традиционных симпатий, которые можно было бы изукрасить, и гораздо больше того, что требовало разъяснений, но в их руках было могущество кабелей, а здравый смысл подсказал им, что надо действовать не тайно, но в ярком свете гласности.¹

Но также мог бы быть составлен и огромный список тех случаев, когда цели, преследуемые пропагандой, вовсе не были достигнуты или же были достигнуты лишь после долгого периода ожиданий. Не всякая пропаганда, направленная на призыв к бунту, к революции, к распаду или к сохранению дружбы, оказалась успешной. Ни Индия, ни Египет, ни Ирландия, ни Марокко не откликнулись на подстрекательства германских агентов — восстать, как один человек, и сбросить ярмо англичан и французов. Австро-Венгрия, Германия, Болгария и Турция выдержали четыре долгих года пропаганды. Франция, Англия и большая часть их союзников оказались тверды в своем стремлении к победе, несмотря на препятствия и на кампанию, открытую в 1916 — 1917 гг. германцами в пользу мира. Однако прежде, чем считать эти отрицательные результаты за поражение, понесенное пропагандой, нужно вспомнить, что пропаганда не только орудие наступления, но также и могущественное средство обороны. Единодушие может быть так же сохранено пропагандой, как и разрушено ею.

¹ Важное значение пропаганды в нейтральных странах проявлялось конечно и в других войнах, до мировой. Во время гражданской войны президент Линкольн прибегал ко всякому средству, которое могло усилить у английских фабричных рабочих чувство солидарности с северянами. Он посылал Генри Уорда Бичера и быть может сотни других агентов в Англию, чтобы отстаивать антирабовладельческую точку зрения. Одним из наиболее действительных и оригинальных способов была посылка судна, нагруженного продуктами питания, чтобы облегчить страдания городов. (Прим. автора.)

В самом деле, хотя пропаганда и является одним из тех орудий, результат действий которых кроется, в сущности, в области предположений, тем не менее это орудие таково, что им было бы безумно пренебрегать.

Потерпевшая поражение страна естественно преувеличивает значение пропаганды. После Капореттского погрома¹ итальянцы пытались оправдаться тем, что жаловались на ужасную и коварную пропаганду немцев, а Людендорф посвящает много страниц объяснению, как он не проиграл войны, но как союзники Германии, вместе с подонками населения — радикалами, пришли в тылу в полное изнеможение и как в получившийся от этого род пустоты были втянуты победоносные до конца германские войска.

Особенно трудно бывает отделить пределы влияния пропаганды от тех средств управления, которые тесно связаны с ней. Когда наступление Нивеля потонуло в 1917 году в море крови, то не менее как в двенадцати армейских корпусах были сделаны попытки к мятежным демонстрациям. Солдаты стали уходить домой, разъяренные бессмысленным избиением их товарищей. Замечательным делом генерала Петена было восстановление порядка и подъем духа на фронте и преграждение пути зловещей диверсии ненависти, которая грозила обратить французских солдат против их собственных вождей и отвлечь их от неприятеля. Конечно он рассчитывал при этом исключительно на пропаганду. (168)

В настоящее время, когда все нелепые оценки отброшены, все же остается фактом, что пропаганда в современной войне является одним из наиболее могущественных орудий борьбы.² Пропаганда — это уступка способности рассуждать современного мира. Пишущий мир, читающий мир, ученый мир — все они живут рассуждениями и новостями. Мир избалован и не может обойтись без печатного

¹ Отчет специальной комиссии по расследованию этого дела, назначенной итальянским правительством, не имеет никакого значения, а потому трудно иметь о Капоретто правильное суждение.

² Томас Мур в своей «Утопии» предвидел широкое применение пропаганды. Он описывает, как утописты посеяли среди своих врагов недоверие тем, что предложили награду за взятие в плен или за добровольную выдачу видных неприятельских вождей, и как они старались посеять раздор в рядах неприятеля, помогая посягательствам соперника правившего короля.

слова; и тот, кто становится причастен к печати, живет ею или погибает от нее. Волк пропаганды, не задумываясь, прячется в овечью шкуру. В наш век люди, владеющие словом — писатели, репортеры, издатели, лекторы, преподаватели, политики, — все притянуты к работе пропаганды для того, чтобы возможно громче звучал ее властный голос. Все это ведется со всем декорумом разума и при помощи присущих ему ловушек, так как теперь — век разума, и требуется, чтобы сырой продукт был приготовлен и гарнирован искусными поварами.

Пропаганда — это уступка своеволию века. Те узы личной верности и приязни, которые соединяли когда-то человека с его вождем, уже давно порваны. Монархию и классовые привилегии постигла участь всего смертного, и обожание индивидуума перешло в официальное религиозное поклонение демократии. Это — мир, превращенный в атомы; в нем личные капризы играют большую роль, чем когда-либо раньше, и он требует для координирования и объединения большего напряжения усилий, чем раньше.

Пропаганда есть отражение необъятности, рациональности и своеволия современного мира. Это — новая динамика общества, так как власть разделилась и раздробилась, и гораздо более может быть выиграно обольщением и обманом, чем принуждением. Пропаганда обладает всем престижем новизны и вызывает злобу обманутых. Осветить механизм пропаганды — значит открыть тайные пружины социальных явлений и подвергнуть самой строгой критике господствующие ныне догмы превосходства, демократичности, честности и святости индивидуальных мнений. Изучение пропаганды будет делать ясным многое из того, что до сего времени скрывалось во мраке, пока наконец не станет совершенно невозможным, чтобы кто-нибудь, как Анатоль Франс, заявил, что «демократия (и в сущности все общество) управляется невидимым двигателем».

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА К ТЕКСТУ

(¹) A psychological retrospect of the Great War, p. 162.

(²) Там же, p. 100.

(³) Например книга мисс Плейн под заглавием *The Neuroses of Nations*.

(⁴) Propaganda and the Father of it, «*Cornhill Magazine*», n. s. v. 48, p. 233 — 241.

(⁵) Отношение министерства иностранных дел к министерству Бивербрука отразилось в записках анонимного автора книги «*The romp of power*», который говорит, что целая группа лиц, опытных в области международных отношений, отказалась работать под руководством Бивербрука и перекочевала в министерство иностранных дел. Тогда Бивербрук стал полагаться на канадцев, «опыт которых в иностранных делах и знакомство с иностранными языками были так же ограничены, как и его собственные». Бивербрук изложил историю своей деятельности в труде «*Politicians and the Press*». Лорд Берти, английский посол во Франции, сетовал на то, что в течение двух лет (до 1917 года) министерство иностранных дел не учреждало в Париже бюро печати.

(⁶) Steed, *Through Thirty Years*, II, p. 196.

(⁷) J. A. Sakler, *Inter.-Allied Shipping Control*, p. 257.

(⁸) Two thousand Questions and Answers about the war.

(⁹) «*La Guerre Sociale*» 31 июля 1914 г.

(¹⁰) Переведено в «Истории войны» Джона Бэчана, гл. XXII.

(¹¹) «*Le Gaulois*» 5 августа 1914 г.

(¹²) См. брошюру Августа Форея, *Die Vereinigten Staaten der Erde*, Берн и Лозанна, 1914 — 1915.

(¹³) См. Луи Жюно, *La confédération mondiale: Une alliance pour l'unification des peuples*, Genève, 1914.

(¹⁴) Мы можем назвать следующие ценные образцы: Karl Lamprecht, *Krieg und Kultur* («Война и культура»), Лейпциг, 1914; Otto von Gierke, *Krieg und Kultur* («Война и культура»), Берлин, 1914; Eugen Kühnemann, *Vom Weltreich des deutschen Geistes* («О мировом значении германского гения»), Мюнхен, 1914; Oskar Fleischer, *Vom Kriege gegen die deutsche Kultur* («О войне против германской культуры»), Франкфурт, 1915; Ernst Troeltsch, *Der Kulturkrieg* («Война за культуру»), Берлин, 1915. Мы видим в этом списке, среди меньших светил, первого юриста и двух самых блестящих историков мира.

(¹⁵) См. Эдуард Пулен (Edouard Poulain), *Réfutation décisive* (1 — globale, 2 — détaillée); onze rumeurs inflammées sur le clergé français (Paris, 1916); Paul Feron-Vrau, *Les catholiques et la presse*.

(16) См.: Ганс Фюльстер (Hans Fülster), *Kirche und Krieg* (Церковь и война). Heft 8 in «Kultur und Zeitfragen».

(17) Фридрих Шонеман в книге «Искусство влияния на массы в С.-А. С. Штатах» (*Die Kunst der Massenbeeinflussung in den V. St. v. America*), Берлин. Лейпциг 1924) рассказывает, как было мобилизовано каждое учреждение для ведения пропаганды в Соединенных Штатах во время войны и непосредственно после нее. Школы, церкви, женские клубы, газеты, кинематографы, деловые клубы, «Ку-Клукс-Клан», «Американское общество обороны», «Национальная лига безопасности», «Американский легион», «наследственные» патриотические общества («Сыны американской революции» и пр.), — все играли активную роль.

(18) *Die Kriegstreiber in Wall-Street*, Лейпциг 1917.

(19) Эти объяснения, распространенные во время мировой войны в Германии, могут быть прочитаны по-английски в книге Дж. К. Тернера, *Shall It Be Again?* и у Л. Е. Роули, *War Criminals* (частное издание, Лансинг, Мичиган 1924).

(20) *Die Friedensbedingungen der deutschen Presse*. Los von Reuter und Havas, Берлин 1915.

(21) *England und die Presse*, Гамбург 1915.

(22) Стр. 19 сочинения Демарсиаля, Как мобилизовалось сознание (*Comment on mobilisa les consciences*). Умано, анонимный итальянский юрист, издал коллекцию заявлений, сделанных разными общественными деятелями во время войны. Эти заявления, — в своем многословном, но все же интересном труде, под заглавием «Положительная наука управления» (*Positiva scienza di Governo*, 1922), — он считает необоснованными.

(23) Цитировано Демарсиалем (см. выше), стр. 24.

(24) *République Française «Documents relatifs à la guerre 1914 — 1915. Rapports et procès-verbaux d'enquête de la commission instituée en vue de constater les actes commis par l'ennemi en violation du droit des gens»*. Paris 1915 (Документы, относящиеся к войне 1914 — 15 гг. Доклады и протоколы следственной комиссии, образованной в целях установления нарушений противником международного права).

(25) Королевство Сербия. «Доклад о жестокостях, совершенных австро-венгерской армией во время первого вторжения в Сербию». Р. А. Рейс, Лондон 1916. (*Report upon the atrocities committed by the Austro-Hungarian army during the first invasion of Serbia*, by R. A. Reiss.)

(26) *Through the Iron Bars*, Лондон 1917.

(27) *Monsieur Sagotin's story*, Лондон 1917.

(28) *The Martyrdom of Nurse Cavell*. — Немецкое общество случайно поверило, что мисс Кавель была шпионкой.

(29) *Le traitement des prisonniers français en Allemagne*, Париж 1917.

(30) *Souvenirs de guerre d'un sous-officier allemand*.

(31) *German Deserter's War Experience*.

(32) *The Evidence and Documents laid before the Committee on alleged German Outrages*, Лондон 1915.

(33) *German War Practices*.

(34) *Deutsche Verbrechen?*

(35) Les crimes allemands d'après temoignages allemands, Билефельд и Лейпциг, 1915.

(36) Ein böswilliger Sprachstumper, Мюнстер, 1815.

(37) То же у Гро, Ложные известия о великой войне (Les fausses nouvelles de la Grande Guerre), p. 282.

Бывший послание Дж. В. Джерар критически разбирал кайзера в книге «Мои 4 года в Германии» (My four Years in Germany, Нью-Йорк, 1917) и в книге «Лицом к лицу с кайзеризмом» (Face to face with Kaiserism, Нью-Йорк, 1918). Зубной врач Н. Давис написал «Кайзер, каким я его знал» (The Kaiser as I knew him, Нью-Йорк и Лондон, 1918).

(38) Civilisés contre allemands.

(39) Kultur et civilisation.

(40) Nous et eux.

(41) The Menace of the German Culture, Лондон, 1915.

(42) Просмотр нижеследующего списка избранных заглавий этих немецких изданий даст понятие о их целях и содержании: Hermann Cohen, Об особенностях германского гения (Ueber das Eigentümliche des deutschen Geistes, Berlin, 1915); E. Bergmann, Всемирно-историческая миссия германского просвещения (Die weltgeschichtliche Mission der deutschen Bildung, Gotha, 1915); Rudolf Eucken, Всемирно-историческое значение германского гения (Die weltgeschichtliche Bedeutung des deutschen Geistes, Stuttgart, 1914); R. v. Delius, Мировое положение Германии в умственном отношении (Deutschlands geistige Weltmachtstellung, Stuttgart, 1915); J. A. Lux, Германия как воспитатель вселенной (Deutschland als Welterzieher, Stuttgart, 1914), herausgeg. v. Karl Honn Борьба немецкого гения в мировой войне. Документы, касающиеся умственной жизни в Германии во время войны (Der Kampf des deutschen Geistes im Weltkrieg. Dokumente des deutschen Geisteslebens aus der Kriegszeit, Gotha, 1915).

(43) Vom deutschen Wesen. Impressionen eines Stammesverwandten 1914 — 1917, Berlin, 1917.

(44) Deutsches Wesen, Мюнхен, 1916.

(45) Его более ранние статьи были изданы в Англии под заглавием «Бред ренегата» (The Ravings of a Renegade).

(46) В 1915 году в Нью-Йорке было выпущено английское издание этой книги под заглавием «Воинственная Англия с собственной точки зрения» (Warlike England As Seen by Herself).

(47) Also sprach Germania.

(48) Die Nationen und ihre Philosophie, Лейпциг, 1914.

(49) Die Wahrheit über Bergson, Берлин, 1917.

(50) German Philosophie and Politics, Нью-Йорк, 1915.

(51) Englische Dokumente zur Edrosselung Persiens, Берлин, 1917, и Indien unter der britischen Faust, Берлин, 1916.

(52) Deutsche Freiheit und englischer Parlamentarismus, Мюнхен, 1915.

(53) German and English Education, Лондон, 1917.

(54) Die Wahrheit über Amerika, Лейпциг, 1915.

(55) Was heisst «Liebet eure Feinde»? Ein Wort zur Beruhigung, Mapbypr, 1915.

(56) Deutschlands Schwert durch Luther geweiht, 2 издание, Лейпциг, 1915.

(57) Eine Kriegspredigt aus Luthers Schriften, 1914.

(58) Die sittlichen Kräfte des Krieges.

(59) Der Krieg, als Erzieher, Дрезден, 1914.

(60) Von der Macht des Rechts, Берлин, 1914.

(61) Was ich in mehr als 80 Schlachten und Gefechten erlebte, Берлин, 1915.

(62) Outwitting the Hun, Нью-Йорк, 1916.

(63) Von New-York nach Jerusalem und in die Wüste, Берлин, 1916.

(64) Die Fahrt der «Deutschland», Берлин, 1917.

(65) En plein vol, Париж, 1916.

(66) Zeppeline über England.

(67) Kapitän-Leutnant Freiherr von Förstner als U-Bootes Kommandant gegen England.

(68) Nach Sibirien mit 10 000 Deutschen.

(69) Meine Kriegsfahrt von Kamerun zur Heimat.

(70) Der deutsche Krieg in Feldpostbriefen. — Soldier's Tales of the Great War. — La vie de la guerre, Париж, 1917, Шарля Фоле, в которых были собраны письма, печатавшиеся раньше в «Echo de Paris».

(71) Этому требованию вполне удовлетворяли такие книги, как Анри де-Форж, Ах, прекрасная Франция!; Морис Грандольф, Марш к победе; Макс Бюто, Держись! Рассказы из окопной жизни. — Бойд Кабль (Boyd Cabl) взял на себя трудную задачу извлекать рассказы из официальных сообщений. В его книге «Между линиями» и в других были обращены в целые повести скучные и сухие выдержки из официальных донесений.

(72) Un an près des champs de bataille de l'Artois (издано в Париже Центральным евангелическим обществом).

(73) Cahiers d'un artiste.

(74) Business as Usual.

(75) The Danger of Britain Invasion, and how it may be met whilst carrying on «business as usual».

(76) Отчет о нескольких первых днях можно найти у Гро в I томе книги Les fausses nouvelles de la Grande Guerre.

(77) Из довоенной литературы, предвидевшей и анализировавшей стратегию войны, смотри книгу Джона Бэклеса (John Bäckelès), The Origin of the Next War. Другой, противоположный этому, взгляд на вопрос можно видеть в книге Фильма Нимса (Philip Neames), German Strategy and the Great War.

(78) Такие книги, как сочинение Вильяма Ле-Ке (William Le Queux), Britain's Deadly Peril, Лондон, 1915), еще более углубляют боязнь шпионства.

(79) Voix italiennes sur la guerre de 1914 — 15 и Voix de l'Amérique Latine.

(80) Sixty American Opinions on the War (1915).

(81) Why America should join the Allies (1915).

(82) With the German Armies in the West.

(83) Deutsch America mobil...

(84) Les Allemands chez eux.

(⁸⁵) Short Rations, by Madeleine Z. Doty.

(⁸⁶) Almanach de madame de Thèbes.

(⁸⁷) Pourquoi les germains seront vaincus, Париж, 1915.

(⁸⁸) Real-Admiral Sir Douglas Brownrigg, Indiscretions of the Naval Censor, p. 13. Контр-адмирал сэр Дуглас Браунригх (Тайны, выданные морским цензором).

(⁸⁹) Браунригх рассказывает об этом событии с британской точки зрения в 4 главе вышеупомянутой книги.

(⁹⁰) Относительно положения в Италии см. С. E. Merriam, American Publicity in Italy, «American Political Science Review», ноябрь 1919 г.

(⁹¹) См. E. L. Bernays, Crystallising Public Opinion, pp. 24—27.

(⁹²) См. F. W. Hasley (ed.), Balfour, Viviani and Joffre; the Imperial Japanese Mission, (Вашингтон, 1918), America's Message to the Russian People dressed by the Members of the Special Diplomatic Mission of the United States to Russia in the year 1917 (Бостон, 1918); René Viviani, La Mission française en Amérique (Париж, 1917).

(⁹³) Николай (Nicolai), Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg, S. 59.

(⁹⁴) S. Ivor Stephen (Szinney), Neutrality? The Crucifixion of Public Opinion. From an American Point of View. Chicago, 1916, p. 18. Это — склад тем немецкой пропаганды.

(⁹⁵) American Rights and British Pretensions on the Seas (Права американцев и притязания англичан на морях), также см. H. L. Gordon, The Peril of the United States; Rudolf Cronau, Do we need a Third War for Independence?

(⁹⁶) См. Андре Шерадам, Разоблачения заговора пангерманизма, Нью-Йорк 1916. В 1924 г. Мильдред С. Вертгеймер восстановил пангерманскую Лигу в ее истинном виде. Роланд Г. Ашер написал книгу о «Пангерманизме», которая вышла в 1913 году и которой после 1914 года лицами, симпатизировавшими Антанте, было придано новое освещение. См. также его «Выигрыш войны» (Нью-Йорк и Лондон 1918).

(⁹⁷) Busch, Bismarck, I, S. 158, 26 сентября 1870.

(⁹⁸) Busch, Bismarck, I, S. 148, 22 сентября 1871.

(⁹⁹) La Guerre comme la font les Prussiens.

(¹⁰⁰) Busch, Bismarck, I, p. 104, 4 февраля 1871 г.

(¹⁰¹) The Martyrdom of the Evangelical Missionaries in Cameroon, Berlin, 1914.

(¹⁰²) Из следующего списка изданий можно усмотреть характер его деятельности: а) René le Cholleux, Notre Dame de Brèbières; l'Allemagne et les Alliés devant la conscience chrétienne (pref. Mgr. Alfred Baudrillart). б) La Guerre allemande et le catholicisme. в) Raoul Narsy, Le supplice de Louvain. г) L'éveil de l'âme française devant l'appel aux armes. д) L'abbé Pasquier, Le protestantisme allemand. е) L'abbé E. Foulon, Arras sous les obus.

(¹⁰³) A un neutre catholique.

(¹⁰⁴) Nos sanctuaires dévastés.

(¹⁰⁵) Volkerrechtswidrige Führung des belgischen Volkskrieges.

(¹⁰⁶) См. наприм. опубликованное министерством иностранных дел Greuelthaten russischer Truppen gegen deutsche

Civilpersonen und deutsche Kriegsgefangene 1915; K. Jünger u. dr. H. Vaörting, Die Behandlung der Deutschen in England, Frankreich und Russland, Berlin, 1915.

(107) Переведено Е. Б. Шерлоком. Нью-Йорк и Лондон, 1916.

(108) Employment contrary to International Law of Coloured Troops upon the European Arena of War by England and France, Берлин, 1915.

(109) Austro-Hungarian Judicial Crimes, Чикаго.

(110) The German-American Plot. The record of a great failure, Лондон, 1915.

(111) Comment l'Angleterre combat les neutres, Цюрих, 1917.

(112) An die Neutralen! Aufruf zur Geduld, 1917. Макс Темке обсуждал тот же вопрос в книге Der grosse Raubkrieg und die Interessen der neutralen Mächte (Карльсруэ, 1916), в то время как французская дань такого рода литературе состояла из сочинения Анри Хозе (Henri Hauser), La guerre et les neutres. Etude sur le sentiment démocratique dans ses rapports avec la guerre européenne (Париж, 1917) и Эрнеста Лемонон (Ernest Lémonon, Les Alliés et les Neutres 1914 — 16 (Париж, 1917).

(113) Aufruf Gelehrten Deutschen.

(114) La civilisation latine contre la barbarie allemande.

(115) Appeal of the Belgian Workmen to the Workmen of all Nations.

(116) The Condition of the Belgian Workmen, now Refugees in England.

(117) George Hoog, Lettres aux neutres sur l'union sacrée.

(118) Роберт Грант, Their Spirit. Some Impressions of the English and French during the Summer of 1916.

(119) War Letters from France, изд. А. Лапраделля и Фредерика Кудера, Нью-Йорк и Лондон, 1916.

(120) Grey, Twenty-five Years, II, p. 150.

(121) Alan Seedar, Poetry of the Foreign Legion.

(122) The Note-book of an Attaché.

(123) Эрик Фишер Вуд в своей книге The Note-book of an Intelligence Officer 1917 г. перепечатывает это письмо на стр. 15. См. также Джемса Марка Болдуина, Between two Wars, 2 т., Бостон, 1926.

(124) Sen. Doc. 62. 13 95 (Brewing and Liquor Ynterests, etc).

(125) «My Three Years in America», p. 89.

(126) Это рассказано у Пэджа в «Life and Letters», I, p. 394.

(127) Ytaly and the World War, p. 209 et seq.

(128) Грэй, Twenty-five Years, II, p. 118.

(129) См. Sen. Doc. 62 (Brewing and Liquor Interests, etc.) 1675.

(130) Life and Letters, II, p. 51 (February 15, 1915).

(131) B u s c h, Bismarck, I, S. 42.

(132) Brewing and Liquor Interests and German Bolshevik Propaganda.

(133) Расследования (доклады) делались перед подразделом «of the Committee on the Judiciary». Самым важным отчетом является трехтомный труд, известный под названием 62 сенатского документа 65 Конгресса 2 сессии 1919 г. Слово «Большевистская» отсутствует в заглавии первого тома.

(134) Вот небольшой список такого рода изданий: Франк Гаррис, Англия или Германия (England or Germany); Ренмонд - Говард, Шествие Гинденбурга в Лондон (Hindenburg's march into London); Гуго Мюнстерберг (Гарвардский университет), Мир и Америка (Peace and America); Джон Бургес (университет Колумбии), Отношение Америки к Великой войне (America's Relations to the Great War); Фердинанд Шевиль (Чикагский университет), Созидание современной Германии (The Making of Modern Germany); Эдуард Мейер (Берлинский университет), Англия (England); д-р Дж. Г. Лаббертон, Бельгия и Германия с датской точки зрения (Belgium and Germany. A Dutch View); Бертран Руссель, Правосудие в военное время (Justice in War Time); Эдвард Лайель Фокс, За кулисами воюющей Германии (Behind the Scenes of Warring Germany).

(135) Grey, Twenty-five Years II, p. 143.

(136) La politique de propaganda des Américains durant la Guerre d'Indépendance, 1 52.

(137) L'offensive des Allemands en France pendant la guerre.

(138) Гебер Блэнкенгорн описывает американскую кампанию в книге «Мои подвиги пропаганды» (Heber Blankenhorn, My Adventures in Propaganda).

(139) Hansi et Tonnelet, p. 24.

(140) Приводится у Бланкенгорна, стр. 78.

(141) Hansy et Tonnelet, p. 136.

(142) » » p. 160.

(143) » » p. 52.

(144) » » p. 28.

(145) Steed, Through thirty Years, II, p. 102.

(146) » II, p. 129.

(147) См. агитационные журналы. Ноябрьский номер 1918 года The Czecho-Slovak review резюмирует это вкратце.

(148) Die Feldpost. Kriegsblätter für das deutsche Volk.

(149) Das freie deutsche Wort.

(150) Die Vorgeschichte des Krieges. Deutsches Volk, wach auf! Hansi et Tonnelet, p. 56.

(151) Hansi et Tonnelet, p. 60.

(152) Major C. J. Street, Propaganda behind the Lines. «Cornhill Magazine». 3-я серия 47 (1919) 488 — 499.

(153) Zentral Auskunftstelle der katholischen Presse.

(154) Rechtsschutzstelle für die katholische Geistlichkeit.

(155) Priesterverein Pax für das katholische Deutschland.

(156) См. Альберт Гельвиг, Zur Psychologie des belgischen Franc-tireurkriege.

(157) Более полное изложение этих пунктов можно найти в брошюре проф. Морица Бонна, Amerika als Feind.

(158) Man and Culture, p. 339.

(159) John A. Hobson, The Psychologie of Jingoism. Chap. I, London 1900.

(160) Kennedy Jones, Fleet Street and Downing Street.

(161) «Propaganda good and evil» 19 th Century and after, 93 (1923), 514 — 524. Он определяет пропаганду как «пристрастное распростра-

нение фактов и мнений» (the Dissemination of interested Fact and Opinion).

⁽¹⁶²⁾ Mobilizing America, p. 44.

⁽¹⁶³⁾ Brownrigg, Indiscretions of a Naval Censor, p. 13.

⁽¹⁶⁴⁾ Фердинанд Авенариус дал несколько примеров такого рода фальсификаций во время войны в своей брошюре «Изображение как клевета» (Bild als Verleumder); расширенное послевоенное издание этой брошюры носит название Die Mächte im Weltwahn. Французское возражение на нее называется L'imposture par l'image.

⁽¹⁶⁵⁾ Нью-Йоркская «Tribune» от 12-го июля 1918 года. Цитировано в брошюре, изданной военно-осведомительным бюро (Military Intelligence), Propaganda in its Military and Legal Aspects, p. 93. См. книгу Стерн-Рубарта, Propaganda als politisches Instrument, где он в числе пяти принципов упоминает о Prüfung der möglicher Rückwirkung.

⁽¹⁶⁶⁾ Литература о карикатурах, рисунках и иллюстрациях, появившихся во время войны, рассмотрена Л. М. Сольмоном в книге The Newspaper and the historian. Особенно см. стр. 381 и далее.— Карл Деметер в своей книге Archiv f. Politik und Geschichte занимался разбором кинематографической пропаганды Антанты.

⁽¹⁶⁷⁾ Propaganda in its Military and Legal Aspects, introduction.

⁽¹⁶⁸⁾ Описание его методов у Мейера, La psychologie du commandement, см. также в Библиографии, в отделе нравственной и военной психологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Едва ли стоит в такого рода исследовании вновь повторять длинный список того печатного материала, о котором упоминалось. Вместо этого прилагается нижеследующий список, касающийся некоторых главных черт общей проблемы.

I. ТЕХНИКА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ НЕЕ.

- Angoff, Charles, The Higher Learning Goes to War, «American Mercury», June 1927, XI, p. 177 — 191.
- Baudrillart, Mr. Alfred, Notre Propaganda, Paris, 1916.
- Une campagne française, Paris, 1917.
- Baschwitz, Kurt, Der Massenwahn, München, 1924.
- Bernstorff, Count, My Three Years in America, New-York, 1920.
- Blankenhorn, Heber, Adventures in Propaganda, Boston, 1919.
- Brownrigg, Rear-Admiral Sir Douglas, Indiscretions of the Naval Censor, London, 1920.
- Busch, Moritz, Bismarck, New-York, 1898.
- Cincinnatus, Der Krieg der Worte. Stuttgart, Berlin, 1916.
- Cook, Sir Edward Tyas, The Press in War-time, with some account of the Official Press Bureau, London, 1920.
- Creel, George, How we advertised America, New-York, 1920.
- Démartial, Georges, La guerre de 1914. Comment on mobilisa les consciences. Paris, 1922.
- Demeter, Karl, Die Filmspropaganda der Entente im Weltkriege, «Archiv f. Politik und Geschichte, 4 (1925), S. 214 — 231.
- Drouilly, J. Germain et Guérinon, E., Les chefs-d'oeuvre de la propagande allemande. Nancy, Paris, Strasbourg, 1919.
- Got, A., La littérature pangermaniste d'après-guerre, «Mercure de France», 167; 403 — 21, October 15, 1923.
- Graux, Dr. L., Les fausses nouvelles de la grande guerre, Paris, 1919. 5 tomes.
- Hallays, Andre, L'opinion allemande pendant la guerre, 1914 — 18, Paris, 1919.
- Haas, Albert, Die Propaganda im Ausland, Weimar, 1916.
- Hansi (Johann Jacob Waitz) et E. Tonnelet, A travers les lignes ennemies. Trois années d'offensive contre le moral allemand, Paris, 1922.
- Hartmann, Peter, Französische Kulturarbeit am Rhein, Leipzig, 1921.
- Kerckhof, Karl, Der Krieg gegen die deutsche Wissenschaft, Charlottenburg, 1922.

- Lasswell, Harold D., The Status of Research on international Propaganda and Opinion, «Proceedings of the American Sociological Society», Chicago, 1926.
- Lüddendorff, General, Meine Erinnerungen. Berlin, 1919.
- Marchand, Louis, L'offensive morale des Allemands en France pendant la guerre, Paris, 1920.
- Melville, Lewis, German Propaganda Societies, «Quarterly Review», 230 (1918); p. 80 — 88.
- Merriam, Charles E., American Publicity in Italy, «American Political Science Review», november, 1919.
- Military Intelligence Franch, Executive Division, General staff, U. S. A., Propaganda in its Military and Legal Aspects, Washington, 1919.
- Mühsam, Kurt, Wie wir belogen wurden. Die amtliche Irreführung im Weltkrieg, Berlin, 1920.
- Parker, Sir Gilbert, The United States and the War, «Harper's Magazine», p. 136 (1918); p. 521 — 531.
- Prezzolini, Giuseppe, Dopo Caporetto, Roma, 1919.
- Rivaud, A., La propagande allemande, «Revue des sciences politiques», juillet—septembre, 1922.
- Rühlmann, Paul M., Kulturpropaganda, Charlottenburg, 1919.
- Schönemann, F., Die Kunst der Massenbeeinflussung in den Vereinigten Staaten vom Amerika, Stuttgart, 1924.
- Steed, Henry Wickham, Through Thirty Years. New-York, 1924, 2 vols.
- Street, Major G. J. C., Propaganda behind the Lines, «Cornhill Magazine», 3 d. series, 47 (1919); p. 488 — 499.
- Stuart, Campbell, Secrets of Crewe House. The Story of a famous Campaign, London, 1920.
- Stuelpnagal, Otto v., Die Nachkriegs-Propaganda der Alliierten gegen Deutschland, Berlin, 1922.
- Whitehouse, Vira B., A Year as a Government Agent, New-York, 1920.
- Wiehler, Deutsche Wirtschaftspropaganda im Weltkrieg, Berlin, 1922.
- Daily Extracts from the Foreign Press (june, 1915).
- Daily Digest of the Foreign Press (march 20th, 1916).
- Daily Review of the Foreign Press (march 23rd, 1916).
- Brewing and Liquor Interests and German (and Bolshevist) Propaganda, Hearings before a Sub-committee on the Judiciary of the U. S. Senate, 65th Congress, 2nd Sess., Washington, 1918.
- The National German-American Alliance. Hearings before a Sub-committee of the committee on the Judiciary. U. S. Senate, 65th Congress, 2nd, Sess., Washington, 1918.

II. ОБЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВОПРОСАМ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ПРОПАГАНДЫ.

- Adler, Georg, Die Bedeutung der Illusionen für Politik und soziales Leben, Jena, 1904.
- Aliport, F. H. and Hartman, D. A., The Measurement and Motivation of a typical Opinion in a certain Group, «American Political Science Review», XIX, № 4, november, 1925, 735—760.

- Angell, Norman (Lane), *The Public Mind*, New-York, 1927.
- Bauer, Wilhelm, *Die öffentliche Meinung und ihre geschichtlichen Grundlagen*, Tübingen, 1914.
- Bernays, E. L., *Crystallizing Public Opinion*, New-York, 1923.
- Birnbaum, Alfred, *Das Wesen der Propaganda. Eine Psychologische Studie*, Berlin, 1920.
- Bogardus, E. S., *Analysing Changes in Public Opinion*, «*Journal of applied Sociology*», IX, 5, may — june, 1925, 372 — 382; also «*Proceedings of the American Sociological Society*», 1926.
- Chassieraud, *La formation de l'opinion publique*, Paris, 1914.
- Christense, A., *Politics and Crowd-Morality*, New-York, 1915.
- Conway, M., *The Crowd in Peace and War*, New-York, 1915.
- Deherme, Georges, *Les forces à régler. Le nombre et l'opinion publique*, Paris, 1919.
- Dodge, R., *Psychology of Propaganda*, «*Religious éducation*», 15, 241 — 52, octobre, 1920.
- Eltzbacher, *Die Presse als Werkzeug der auswärtigen Politik*, Jena, 1918.
- Fluegge, G., *Zur Psychologie der Massen*, Preussische Jahrbücher, 1921, S. 183, 345 — 369.
- Gersdorf, Karl v., *Ueber den Begriff und das Wesen der öffentlichen Meinung*, 1846.
- Griffith, C. R., *A Comment upon the Psychology of the Audience*, Psychol. monog., 1921, 30 (№ 136), p. 36 — 47.
- Hayes, E. C., *The formation of public opinion*, «*Journal of applied sociology*», 10; 6 — 9, september, 1925.
- Hendrich, Franz Josias von, *Ueber den Geist des Zeitalters und die Gewalt der öffentlichen Meinung*, 1797.
- Higham, C. F., *Looking forward, Mass Education through Publicity*, London, 1920.
- Holtzendorff, Franz v., *Wesen und Wert der öffentlichen Meinung*. München, 1880.
- King, Clyde L., *Public Opinion as viewed by Eminent Political Theorists*, «*U. of Pennsylvania Public Lectures*», Philadelphia, 1916.
- Kracauer, S., *Die Gruppe als Ideenträger*, «*Archiv f. Sozialwissenschaft*» 49 (1922), S. 594 — 622.
- Kraus, Herbert, *Prolegomena zum Begriff der öffentlichen Meinung*, Festschrift. Franz von Liszt, Berlin, 1911, S. 148 — 167.
- Kulke, Eduard, *Zur Entwicklungsgeschichte der Meinungen*, Leipzig, 1891.
- Kydd, Samuel, *A sketch of the Growth of Public Opinion*, London, 1888.
- Le Bon, *The Crowd* (12th edition), London, 1920.
— *Les opinions et les croyances*, Paris, 1911.
- Lee, Ivy L., *Publicity*, New-York, 1925.
- Lippman, W., *Public Opinion*, New-York, 1922.
— *The Phantom Public*, New-York, 1925.
- Lipsky, Abram, *Man the Puppet*, New-York, 1925.
- Long, John, C., *Public relations*, New-York, 1924.
- Lowell, A. L., *Public Opinion in War and Peace*, Cambridge, 1923.

- Lumley, F. E., Propaganda, chapter VIII, in «Means of Social Control», New-York, 1925.
- Mackinnon, W. A., History of Civilization and Public Opinion, 3rd edition, 2 vols, London, 1849.
- (Mackinnon, W. A.). On the Rise, Progress and Present State of Public Opinion in Great Britain and other parts of the World, London, 1828.
- Martin, E. D., The Behavior of Crowds, New-York, 1920.
- Millioud, M., La propagation des idées, Revue philosophique, 69, p. 580 — 600; 70; p. 168 — 191.
- Moyssset, Henri, L'opinion publique, Lyon, 1910.
- Papon, Jean Pierre, De l'action de l'opinion sur le gouvernement, 1788.
- Park, R. E., Masse und Publikum, Bern, 1904.
- Pieper, Karl, Die Propaganda, ihre Entstehung und religiöse Bedeutung, Aachen, 1922.
- Plenge, Johann, Deutsche Propaganda, Die Lehre von d. Propaganda als prakt. Gesellschaft. Mit Nachw. von Ludwig Raseilius, Bremen, 1922.
- Quiett, G. C., and Casey, R., Principles of Publicity, New-York, 1926.
- Riis, R. W., and Bonner, C. W., Publicity, New-York, 1926.
- Ross, E. A., Social Control, New-York, 1901.
- Rossi, P., Le suggesteur et la foule, psychologie du meneur, Paris, 1904.
- Sagaret, J., L'opinion, «Revue Philosophique», LXXXVI (1918), p. 19 — 38.
- Salmon, L. M., The Newspaper and Authority, New-York, 1923; Newspaper and the historian, New-York, 1923.
- Schultze-Pfaelzer, Gerhard, Propaganda, Agitation, Reklame. Eine Theorie des gesamten Werbewesens, Berlin, 1923.
- Schwertfeger, Bernhard, Propaganda, «Handbuch der Politik», V (1922), S. 470 — 474.
- Shepherd, W. J., Public Opinion, «American Journal of Sociology», XV (1909), p. 32 — 60.
- Sighele, S., Psychologie des Auflaufs und der Massenverbrechen, Leipzig, 1897.
- Stern-Rubarth, Edgar, Die Propaganda als politisches Instrument, Berlin, 1921.
- Strong, E. K., Control of Propaganda as a Psychological Problem, «Scientific Monthly», 14, p. 234 — 252, march, 1922.
- Szirtes, Artur, Zur Psychologie der öffentlichen Meinung, Wien und Leipzig, 1921.
- Tarde, G., L'opinion et la foule, Paris, 1901.
- Thiebault, Dieudonné, Traité sur l'esprit public, Paris, an VI.
- Thurstone, L. L., The Method of Paired Comparisons for Social Values, «Journal of abnormal and social Psychology», XXI, 4, January — March, 1927. (First of a series of papers dealing with the technique of measuring opinions.)
- Tonnies, F., Kritik der öffentlichen Meinung, Berlin, 1922.
- Wallas, Graham, Human nature and politics, London, 1908.
- The Great Society, New-York, 1914.

- Weeks, A. D., Control of the Social Mind, New-York, 1923.
 Wilder, R. H. and Buell, K. L., Publicity, New-York, 1923.

III. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗГЛЯДОВ МЕЖДУ-
 НАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ.

- Alzona, Encarnacion, French Contemporary Opinion of the Russian Revolution of 1905, «Col. studies», № 228, vol. C, 1921.
 Angell, Norman (Ralph Lane), Patriotism under Three Flags, London, 1903.
 Ebbinghaus, Therese, Napoleon, England und die Presse (1800 — 1803), München u. Berlin, 1914.
 Gazley, John G., Ameciran Opinion of German unification, 1848 — 1871, Col. u. studies, № 267, vol. CXXI, New-York, 1926.
 Martin, B. Kingsley, The Triumph of Lord Palmerston, London, 1924.
 Périvier, A., Napoleon journaliste, Paris, 1918.
 Price, Maurice T., Christian Missions and Oriental Civilization, Shanghai, 1924.
 Raymond, Dora N., Contemporary British Opinion during the franco-prussian war, «Col. u. studies», № 227, vol. C, 1921.
 Thompson, Geo. Carslake, Public Opinion and Lord Beaconsfield, 1875 — 1880, two vols., London, 1886.

IV. МОРАЛЬ И ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ.

- Andrews, L. C., Leadership, Military Training, Philadelphia, 1918.
 — Military Manpower, New-York, 1920.
 Campano, M., Essai de psychologie militaire individuelle et collective, Paris, 1902.
 Gallishaw, J., and W. Lynch, The Man in the Ranks, New-York, 1917.
 Gavet, André, L'art de commander, Nancy, 1921.
 Goddard, H. G., Morals, New-York, 1918.
 Gulick, L. H., Morals and morale, New-York, 1919.
 Hall, G. S., Morale, New-York, 1920.
 Hocking, W. E., Morale and its Enemies, New-Haven, 1918.
 House, F. N., Industrial morale, Chicago, 1924 (Thesis).
 Mayer, lieut., La psychologie du commandement, Paris, 1923.
 Maxwell, W. N., A Psychological Retrospect of the Great War, New-York, 1923.
 Miller, A. H., Leadership, New-York, 1920.
 Munson, E. L., The Management of Men, New-York, 1921.
 Peterson, J., Psychology of Handling Men in the Army, Minneapolis, 1919.
 Rohan, Henri, duc de, Le parfait capitaine, Paris, 1744.
 Terman, L. M., Psychology and Pedagogy of Leadership, «Pedagogical Review», XI, p. 113 — 51.
 Ziehen, A., Die Psychologie grosser Heerführer. Leipzig, 1916.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

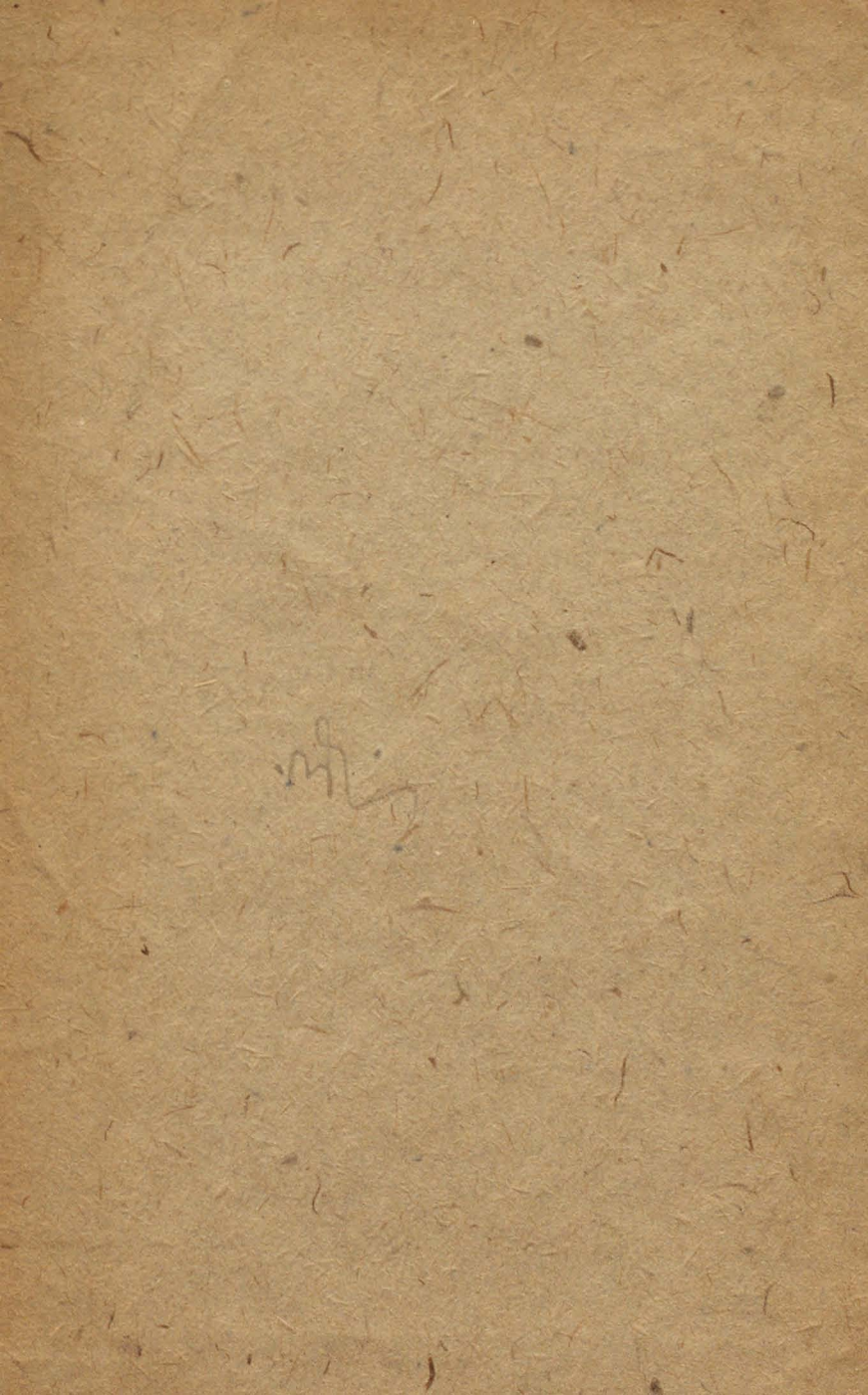
	Стр.
Предисловие	5
✓ Введение	24
✓ Организация пропаганды	31
Виновность в войне и цели войны	55
Преступность врага	77
✓ Иллюзия победы	96
✓ Поддержание дружественных отношений	105
Деморализация неприятеля	139
✓ Условия и методы пропаганды	158
✓ Результаты пропаганды	181
Библиография	195

1 р. 25 к. ¹³⁴

22158

2015147884